

ISSN 2619-1636

ИСТОРИЧЕСКАЯ
ЭТНОЛОГИЯ

Historical
Ethnology

2023

Том 8. № 2

Vol. 8. No. 2

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭТНОЛОГИЯ. 2023. Том 8. № 2

СЕТЕВОЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

Государственное бюджетное учреждение «Институт истории
имени Шигабутдина Марджани Академии наук Республики Татарстан»
(420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А)

Свидетельство о регистрации СМИ ЭЛ № ФС 77-86148 от 19 октября 2023 г.
выдано Роскомнадзором

Выходит 3 раза в год

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А. Тел./факс (843) 292 84 82 (приемная)

© Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2023

© «Историческая этнология», 2023

HISTORICAL ETHNOLOGY. 2023. Vol. 8. No. 2

ONLINE ACADEMIC JOURNAL

FOUNDER AND PUBLISHER:

State Institution «Shigabutdin Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences»
(420111, Kazan, Baturin St., 7A)

Certificate of registration in the Mass Media ЭЛ № ФС 77-86148
received from Roskomnadzor on October 19, 2023

Published 3 times a year

ADDRESS OF THE EDITORIAL OFFICE:

420111, Kazan, Baturin St., 7A. Tel./Fax (843) 292 84 82 (reception)

© Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2023

© “Historical Ethnology”, 2023

<https://historicaethnology.org>

E-mail: his.ethnology@gmail.com

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор: Габдрахманова Гульнара Фаатовна, доктор социологических наук, доцент, заведующая отделом этнологических исследований, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Ответственный редактор по специальной теме номера: Тычинских Зайтуна Аптрашитовна (Тобольская комплексная научная станция Уральского отделения Российской академии наук, Тобольск, Российская Федерация)

Редактор татарских текстов: Муртазина Ляля Раисовна (Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань, Российская Федерация)

Редактор английских текстов: Шарифуллина Дильяра Рашитовна (Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Российская Федерация)

Ответственный секретарь: Гатина-Шафикова Дина Фасыховна (Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань, Российская Федерация)

EDITORIAL OFFICE

Editor-in-Chief: Gulnara F. Gabdrakhmanova, Doctor Sc. (Sociology), Associate Professor, Head of the Department of Ethnological Research, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Managing Editor for Special topic of the issue: Zaytuna A. Tychinskikh (Tobolsk Complex Scientific Station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Tobolsk, Russian Federation)

Tatar Editor: Lyalya R. Murtazina (Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

English Editor: Dilyara R. Sharifullina (Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation)

Managing Secretary: Dina F. Gatina-Shafikova (Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Бари Донна – Ph.D. (политология), профессор политических наук, директор программы Патерно Феллоус, Университет штата Пенсильвании (Юниверсити-Парк, США)

Бисенова Алима – Ph.D., ассистент-профессор кафедры социологии и антропологии Школы естественных, социальных и гуманитарных наук, Назарбаев университет (Нур-Султан, Республика Казахстан)

Бустанов Альфрид Кашафович – Ph.D., ассистент-профессор гуманитарного факультета, Амстердамский университет (Амстердам, Нидерланды)

Габдрафикова Лилия Рамилевна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела новой истории, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)

Гибатдинов Марат Мингалиевич – кандидат педагогических наук, заместитель директора по научной работе, руководитель Центра истории и теории национального образования, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)

Головнев Андрей Владимирович – доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук (РАН), директор Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Забирова Айгуль Тлеубаевна – доктор социологических наук, доцент кафедры социологии колледжа гуманитарных и социальных наук, Университет Зайед (Аль-Айне, ОАЭ)

Иноуэ Ацуси – заведующий кафедрой Корнелиуса Вандербильта и профессор экономики факультета экономики, Университет Вандербильта (Нашвилл, Теннесси, США)

Квилинкова Елизавета Николаевна – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы, Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси (Минск, Республика Беларусь)

Курбанова Земфира Ибрагимовна – доктор исторических наук, заведующая отделом этнографии Каракалпакского научно-исследовательского института гуманитарных наук Каракалпакского отделения Академии наук Республики Узбекистан (Нукус, Республика Узбекистан)

Лентон Адам – Ph.D., факультет политических исследований, Университет Джорджа Вашингтона (Вашингтон, США)

Салихов Радик Римович – доктор исторических наук, директор Института истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан, академик АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Сейдаметов Эльдар Халилович – кандидат исторических наук, заведующий Крымским научным центром (КНЦ), Институт истории им. Ш. Марджани

АН РТ; доцент кафедры истории, Крымский инженерно-педагогический университет (Симферополь, Российская Федерация)

Султангалиева Гульмира Салимжановна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой «Всемирная история, историография и источниковедение», Казахский национальный университет имени аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Титмайер Элизабет – профессор, директор Музея Европейских Культур (Берлин, Германия)

Хакимов Рафаэль Сибгатович – доктор исторических наук, научный руководитель Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, академик АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Хотопп-Рике Миесте – доктор тюркологии, директор Института Кавказских, Татарских и Туркестанских исследований (ICATAT) (Магдебург, Германия)

Чичек Хусейн – доктор наук, профессор, Институт исламоведческих, теологических исследований, Университет Вены (Вена, Австрия)

Ягафова Екатерина Андреевна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры философии, истории и теории мировой культуры, Самарский государственный социально-педагогический университет (Самара, Российская Федерация)

EDITORIAL COUNCIL

Donna Bahry – Ph.D. in Political Science, Professor in Political Science, Director of the Paterno Fellows Program, Pennsylvania State University (University Park, USA)

Alima Bissenova – Ph.D., Assistant Professor at the Department of Sociology and Anthropology, School of Sciences and Humanities, Nazarbayev University (Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan)

Alfrid K. Bustanov – Ph.D., Assistant Professor, Faculty of Humanities, University of Amsterdam (Amsterdam, Netherlands)

Liliya R. Gabdrafikova – Doctor of Science (History), Chief Research Fellow at the Department of Modern History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Marat M. Gibatdinov – Candidate of Science (Pedagogy), Deputy Director for Research, Chief of the Center for History and Theory of National Education, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Andrey V. Golovnev – Doctor of Science (History), Professor, Corresponding Member at the Russian Academy of Sciences, Director of Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation)

Aygul T. Zabirova – Doctor of Science (Sociology), Associate Professor at the Department of Sociology, College of Humanities and Social Sciences, Zayed University (Al-Ain, United Arab Emirates)

Atsushi Inoue – Cornelius Vanderbilt Chair and Professor of Economics, Department of Economics, Vanderbilt University (Nashville, Tennessee, United States)

Elizaveta N. Kvilinkova – Doctor of Science (History), Associate Professor, Leading Research Fellow, K. Krapiva Institute of Art History, Ethnography and Folklore, Center for Research on Belarusian Culture, Language and Literature of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk, Republic of Belarus)

Zemfira I. Kurbanova – Doctor of Science (History), Head of the Department of Ethnography, Karakalpak Research Institute for the Humanities, Karakalpak Branch of the Uzbekistan Academy of Sciences (Nukus, Republic of Uzbekistan)

Adam Lenton – Ph.D., Department of Political Science, The George Washington University (Washington, USA)

Radik R. Salikhov – Doctor of Science (History), Director, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Academy Fellow at the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Eldar Kh. Seydametov – Candidate of Science (History), Chief of the Crimea Research Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences; Associate Professor of the Department of History, Crimean Engineering and Pedagogical University (Simferopol, Russian Federation)

Gulmira S. Sultangalieva – Doctor of Science (History), Professor, Chief of the Department “World History, Historiography and Source Studies”, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Elisabeth Tietmeyer – Professor, Director of the Museum of European Cultures (Berlin, Germany)

Rafael S. Khakimov – Doctor of Science (History), Academic Director, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Academy Fellow of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Mieste Hotopp-Riecke – Doctor of Turkology, Director of the Institute for Caucasian, Tatar and Turkestan Studies (ICATAT) (Magdeburg, Germany)

Rafael V. Shaidullin – Doctor of Science (History), Professor, Chief of the Encyclopedic Center, Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Hüseyin Çiçek – Dr. habil., Professor, Institute of Islamic and Theological Studies, University of Vienna (Vienna, Austria)

Yekaterina A. Yagafova – Doctor of Science (History), Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy, History and Theory of World Culture, Samara State Socio-Pedagogical University (Samara, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

Специальная тема номера: Культура тюрков в музеях России и зарубежья (отв. ред. З.А. Тычинских)

<i>Тычинских З.А.</i> Культура тюрков в музеях России и зарубежья: введение	173
<i>Доспанов О.Т.</i> Керамические материалы на выставке археологического наследия Южного Приаралья из фондов Государственного музея искусств Республики Каракалпакстан им. И.В. Савицкого	178
<i>Сулова С.В.</i> Татарский костюм в музейных собраниях России	202
<i>Курбанова З.И.</i> Коллекция отдела этнографии Государственного музея искусств Республики Каракалпакстан им. И.В. Савицкого	222
<i>Кудайбергенова Д.А.</i> Ювелирная коллекция Государственного музея искусств Республики Каракалпакстан имени И.В. Савицкого	234

Микроистория и культура повседневности

<i>Баһаветдинова Х.З.</i> Казан арты татар авылларында милли аяк киемнәре житештерү тарихыннан (Ямаширмә авылы мисалында)	245
<i>Галлямова А.Г.</i> Религиозная ситуация в советской деревне. Опыт микроисторического исследования	256

Идентичность в теории и прикладных исследованиях

<i>Габдрахманова Г.Ф., Лаукарт-Горбачева О.В.</i> Этнокультурный компонент человеческого капитала Республики Татарстан в официальном дискурсе и практиках	264
---	-----

Документы и материалы

<i>Юзеева О.А.</i> Некоторые аспекты ограничительной политики в отношении мусульман в Тобольской губернии в конце XIX в.	278
<i>Bundschuh W.</i> Crimean Tatar's Traces in Vorarlberg	284

Хроника научной жизни

<i>Новгородский Т.А.</i> Рецензия на монографию: Квилинкова Е.Н. Гагаузы в Молдове и Беларуси: грани идентичности и стратегия самосохранения (Минск, 2023. 383 с.)	296
<i>Макарова Г.И.</i> Рецензия на альбом-каталог: Владимир Попов. Каллиграфия. Автор-составитель Л.Н. Доница (Казань, 2019. 400 с.)	302

CONTENTS

Special topic of the issue: Turkic Culture in the Museums

of Russia and abroad (Managing editor *Z.A. Tychinskikh*)

Tychinskikh Z.A. Turkic Culture in the Museums of Russia and abroad:

Introduction	173
<i>Dospanov O.T.</i> Ceramic materials at the exhibition of the Southern Aral Sea Region archaeological heritage from the collections of I.V. Savitsky State Museum of Arts of the Republic of Karakalpakstan	178
<i>Suslova S.V.</i> Tatar costume in museum collections of Russia	202
<i>Kurbanova Z.I.</i> Collection of the Department of Ethnography of I.V. Savitsky State Museum of Arts of the Republic of Karakalpakstan	222
<i>Kudaibergenova D.A.</i> Jewelry collection of I.V. Savitsky State Museum of Arts of the Republic of Karakalpakstan	234

Microhistory and Culture of everyday

<i>Bagautdinova Kh.Z.</i> From the history of the production of national shoe in the Tatar villages of the Rear-Kazan Area (a case study of the Yamashurma village)	245
<i>Gallyamova A.G.</i> The religious situation in the Soviet village. Experience of microhistorical research	256

Identity in theory and applied research

<i>Gabdrakhmanova G.F., Laukart-Gorbacheva O.V.</i> Ethno-cultural component of the human capital of the Republic of Tatarstan in official discourse and practices	264
--	-----

Documents and materials

<i>Yuzeeva O.A.</i> Some aspects of the restrictive policy towards Muslims in the Tobolsk province at the end of the 19th century	278
<i>Bundschuh W.</i> Crimean Tatar's Traces in Vorarlberg	284

Chronicle of scientific life

<i>Novogrodsky T.A.</i> Review of the monograph: Kvilinkova E.N. Gagauz people in Moldova and Belarus: facets of identity and a strategy of self-preservation (Minsk, 2023. 383 p.)	296
<i>Makarova G.I.</i> Review of the album-catalogue: Vladimir Popov. Calligraphy. Author-compiler L.N. Donina (Kazan, 2019. 400 p.)	302

**СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА НОМЕРА:
КУЛЬТУРА ТЮРКОВ В МУЗЕЯХ РОССИИ И ЗАРУБЕЖЬЯ**

УДК 069

**КУЛЬТУРА ТЮРКОВ В МУЗЕЯХ РОССИИ И ЗАРУБЕЖЬЯ:
ВВЕДЕНИЕ**

З.А. Тычинских

*Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация*

*Тобольская комплексная научная станция
Уральского отделения Российской академии наук
Тобольск, Российская Федерация
zaituna.09@mail.ru*

Рассматриваются представленные по специальной теме номера журнала статьи исследователей из России и зарубежья. Выпуск посвящен богатейшему культурному наследию тюркских народов, который хранится в фондах музеев. Изучение и популяризация этого наследия является важной и актуальной задачей, стоящей перед археологами, этнографами, искусствоведами и музейщиками. Представленный материал является серьезным вкладом исследователей в дальнейшее изучение истории и культуры тюркских народов.

Ключевые слова: тюркские народы, историко-культурное наследие, музеи, коллекции, археология, этнография.

Для цитирования: *Тычинских З.А.* Культура тюрков в музеях России и зарубежья: введение // Историческая этнология. 2023. Т. 8. № 2. С. 173–177. DOI: 10.22378/he.2023-8-2.173-177

История тюркских народов уходит в глубь веков – эпоху Великого переселения народов и Тюркских каганатов. Тюрки, расселенные на огромной территории Евразии, внесли большой вклад в мировую культурную сокровищницу. Они были тем связующим звеном, который соединял цивилизации Востока и Запада, одновременно влияя на них и обогащаясь ими. Вместе с тем, исследователи верно отмечают, что тюрки имели свою, достаточно высокую для своего времени культуру и цивилизацию. Ведь именно их предкам приписывают изобретение металлических стремян и вьючной упряжи, железных сабель и колесницы и многого другого. Расширяя ареал своего обитания и постепенно оседая, бывшие кочевники синтезировали многие достижения соседних народов, создавая на просторах ойкумены уникальные культуры, в основе которых лежит древнетюркское наследие.

Сегодня свидетельствами созданных объектов тюркского историко-культурного наследия служат коллекции музеев России, Узбекистана, Турции, Кыргызстана, Казахстана, где представлено богатейшее культурное наследие современных тюркских народов, проживающих в этих странах – татар, башкир, киргизов, казахов, каракалпаков, уйгуров, алтайцев, турков, карачаевцев и других этносов.

К подготовке и изданию выпуска «Культура тюрков в музеях России и зарубежья» приглашены исследователи из академических учреждений, музеев и архивов РФ, стран ближнего зарубежья. Нами было предложено рассмотреть тюркскую культуру в широком спектре – от отдельного музейного предмета как историко-этнологического источника до анализа музейных коллекций по традиционной и современной культуре и искусству тюркских народов, от рассмотрения локальных особенностей культур до изучения опыта использования современных практик и технологий при экспонировании наследия тюрков в различных музеях.

Несколько статей поступило в редакцию от исследователей Республики Узбекистан из Государственного музея искусств Республики Каракалпакстан им. И.В. Савицкого. Статьи посвящены рассмотрению отдельных коллекций музея по археологии, этнографии, ювелирному искусству.

Так, статья О.Т. Доспанова «Керамические материалы на выставке археологического наследия Южного Приаралья из фондов Государственного музея искусств Республики Каракалпакстан им. И.В. Савицкого» посвящена анализу археологических материалов, экспонирующихся на выставке, организованной в Государственном музее искусств Республики Каракалпакстан им. И.В. Савицкого. Как сообщает автор, заведующий отделом археологии музея О.Т. Доспанов, на экспозиции впервые широко представлены материалы с памятников Древнего Хорезма. Они демонстрируют итог работы нескольких поколений ар-

хеологов Хорезмской археолого-этнографической экспедиции и в целом каракалпакской школы археологии. Автор проследил историю формирования коллекций, показал этапы становления и развития гончарного производства на территории Южного Приаралья от начальных этапов формирования керамического производства до XIV–XV вв. Он считает, что археологические находки из керамики дают возможность проследить процесс становления керамического производства и способны показать этапы развития технологий: появление различных примесей в глине, способов формовки, обработки, применения и использования технических возможностей гончарного круга, этапов появления и трансформации печей, способов обжига. В статье произведен анализ материалов и проведена типология керамических предметов, найденных во время археологических работ на территории Хорезмской области Республики Каракалпакстан и в соседней Республике Туркменистан. Представлены уникальные материалы, собранные с городищ и поселений Аязкалинского и Каваткалинского оазисов, караванных путей юга Правобережного Хорезма, в том числе южных и западных отрогов Султануиздага, дельты древнего канала Гавхоре и Амударьи, городищ Джанпык кала, Кават кала, Кят, Большой Гульдурсун, Эрес кала, Гяур кала (Султануиздагская), Ток кале, Аяз кале.

З.И. Курбанова знакомит читателей с историей формирования коллекции предметов декоративно-прикладного искусства каракалпакского народа, хранящейся в фондах отдела этнографии Государственного музея искусств Республики Каракалпакстан. Автор тематически и количественно охарактеризовал коллекции отдела этнографии. Показано ее деление на следующие разделы: предметы ювелирного искусства, конское снаряжение, ковровые изделия, юрта, одежда, кухонная утварь, посуда.

Д.А. Кудайбергенова в статье «Ювелирная коллекция Государственного музея искусств Республики Каракалпакстан имени И.В. Савицкого» представила сведения о ювелирных украшениях каракалпаков коллекции Государственного музея искусств РК имени И.В. Савицкого. Каракалпакское ювелирное искусство, по мнению автора, имеет много общего с искусством соседних народов в терминах названий, узорах и формах. Вместе с тем Д.А. Кудайбергенова обратила внимание на некоторые ювелирные изделия, которые являются уникальными по художественным особенностям и присущи только каракалпакскому ювелирному искусству. В статье исследователя представлены различные виды традиционных ювелирных украшений каракалпаков XIX–XX вв. Показано, что именно женские украшения имеют яркие черты своеобразия и самобытности, свидетельствующие о существовавшей локальной школе ювелирного искусства каракалпаков. Автор разделяет ювелирную коллекцию музея по следующим категориям: украшения для головного убора; украшения для головы;

шейно-нагрудные украшения; нагрудно-поясные украшения и украшения для рук. Классификация женских украшений каракалпаков показывает несомненное богатство их видов, форм и типов. Помимо материалов о каракалпакских народных украшениях, хранящихся в ювелирной коллекции, в статье приводятся сведения об украшениях узбекского, туркменского и казахского народов.

Обзор коллекций по народному костюму татар, хранящихся в фондах многочисленных музеев России и Татарстана, представлен в работе известного российского этнографа С.В. Сусловой «Татарский костюм в музейных собраниях России». В статье содержится информация по традиционному костюму и украшениям волго-уральских татар (казанских, касимовских, мишарей, кряшен), астраханских, сибирских татар, проживающих на территории России. Особое внимание уделено женскому костюму, в наибольшей степени характеризующему народное декоративно-прикладное искусство. Показано, что материалы коллекций отражают этнолокальные и региональные особенности традиционной одежды разных групп татарского народа. Особую ценность представляют собой предметы начала – середины XIX в. и более раннего времени – средневековые «нетленные» металлические украшения, кожаные изделия. Как справедливо считает С.В. Сулова, «музейные предметы при использовании синхронно-диахронных методик сравнительно-исторического анализа способствуют изучению истории татарского костюма, являющейся в значительной степени отражением этно- и культурогенеза народа в целом».

Представленные в выпуске статьи знакомят читателя с многообразным культурным наследием, хранящимся в фондах музеев. Они вносят серьезный вклад в дальнейшее изучение истории и культуры тюркских народов. На наш взгляд, необходимо дальнейшее развитие этой темы в последующих выпусках журнала.

Сведения об авторе: Тычинских Зайтуна Аптрашитовна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); старший научный сотрудник, Тобольская комплексная научная станция Уральского отделения Российской академии наук (626152, ул. Академика Юрия Осипова, 15, Тобольск, Российская Федерация); zaituna.09@mail.ru

Поступила 8.05.2023

Принята к публикации 5.06.2023

SPECIAL TOPIC OF THE ISSUE:
TURKIC CULTURE IN MUSEUMS OF RUSSIA AND ABROAD

**TURKIC CULTURE IN THE MUSEUMS OF RUSSIA AND ABROAD:
INTRODUCTION**

Z.A. Tychinskikh

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

*Tobolsk Complex Scientific Station
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Tobolsk, Russian Federation
zaituna.09@mail.ru*

The articles of researchers from Russia and abroad presented on a special topic of the issue of the journal are considered. The issue is dedicated to the richest cultural heritage of the Turkic peoples, stored in the collections of museums. The study and popularization of this heritage is an important and urgent task facing archaeologists, ethnographers, art historians and museologists. The material presented in the issue is a serious contribution of researchers to the further study of the history and culture of the Turkic peoples.

Keywords: Turkic peoples, historical and cultural heritage, museums, collections, archeology, ethnography.

For citation: Tychinskikh Z.A. (2023) Turkic culture in museums of Russia and abroad: Introduction. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 8. No. 2: 173–177. DOI: 10.22378/he.2023-8-2.173-177 (In Russ.)

About the author: Zaytuna A. Tychinskikh, Cand. Sc. (History), Researcher, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7A, Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); Senior Researcher, Tobolsk Complex Scientific Station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (15, Academician Yury Osipov St., Tobolsk 626152, Russian Federation); zaituna.09@mail.ru

Received May 8, 2023

Accepted for publication June 5, 2023

**КЕРАМИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ
НА ВЫСТАВКЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ
ЮЖНОГО ПРИАРАЛЯ ИЗ ФОНДОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО
МУЗЕЯ ИСКУССТВ РЕСПУБЛИКИ КАРАКАЛПАКСТАН
ИМ. И.В. САВИЦКОГО**

О.Т. Доспанов

*Государственный музей искусств
Республики Каракалпакстан им. И.В. Савицкого
Нукус, Каракалпакстан, Республика Узбекистан
oktyabrd@gmail.com*

Анализ археологической выставки, организованной Государственным музеем искусств Республики Каракалпакстан им. И.В. Савицкого, даёт представление о хронологических рамках археологического наследия Южного Приаралья. Тематическая экспозиция впервые раскрывает степень изученности памятников Древнего Хорезма с точки зрения развития керамического производства и ее востребованности для изучения истории материальной культуры. Выставка приобретает особую значимость в контексте популяризации исторической науки как способа сохранения историко-культурного наследия в современном обществе. Экспонирование коллекций является закономерным итогом работы археологов нескольких поколений Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, а также собственно каракалпакской школы археологии. Выставка археологических коллекций пробуждает интерес к дальнейшим исследованиям, способствует популяризации науки и развитию туристической индустрии. Она является своеобразной благодарностью ученым, первооткрывателям истории древней и средневековой культуры, создателям каракалпакской школы археологии.

Ключевые слова: археология, выставка, керамика, Государственный музей искусств Республики Каракалпакстан им. И.В. Савицкого.

Для цитирования: *Доспанов О.Т.* Керамические материалы на выставке археологического наследия Южного Приаралья из фондов Государственного музея искусств Республики Каракалпакстан им. И.В. Савицкого // Историческая этнология. 2023. Т. 8. № 2. С. 178–201. DOI: 10.22378/he.2023-8-2.178-201

Современные музеи играют важную роль в формировании этнокультурных традиций и в изучении особенностей этнических культур. Большой объем и масштаб накопленных в музейных фондах материалов актуализирует необходимость их изучения и транслирования. В этом отношении музейное экспонирование является одним из основных научно-просветительских направлений. Его роль довольно высока в пропаганде и сохранении истории, традиционной культуры народов, в сохранении и развитии традиций. Значимое место в этом в © *Доспанов О.Т., 2023*

настоящее время занимает Государственный музей искусств Республики Каракалпакстан им. И.В. Савицкого (ГМИ РК им. И.В. Савицкого), при котором с момента его основания был создан отдел археологии (официально – Отдел искусства древнего Хорезма). Он был организован на базе материалов и изыскательских работ Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (ХАЭЭ) во многом благодаря инициативе самого И.В. Савицкого. В целом работа отдела направлена на решение современных актуальных проблем сохранения и использования историко-культурного наследия.

В годы формирования музейных коллекций произошло становление отдела этнографии Каракалпакского филиала Академии наук Республики Узбекистан. В дальнейшем это оказало большое влияние на развитие этнографической науки Каракалпакстана в целом (Курбанова, 2020). Огромное количество материалов, собранных сотрудниками отдела, было передано для постоянного хранения и экспонирования в ГМИ РК им. И.В. Савицкого и Государственный музей истории и культуры Республики Каракалпакстан. Сегодня они относятся к ряду уникальных артефактов, отражающих культуру народов Приаралья. Особенности научной деятельности отдела археологии ГМИ РК им. И.В. Савицкого является глубокое изучение культуры и искусства, традиционных укладов и быта древнехорезмийской цивилизации.

На протяжении нескольких десятков лет в ГМИ РК им. И.В. Савицкого накапливался материал, который сегодня представляет уникальное свидетельство материальной культуры народов, проживавших в Южном Приаралье с древнейших времен. Большинство из предметов материальной культуры и искусства были получены в результате археологических изысканий на начальном этапе И.В. Савицким путем продолжения традиции ранних экспедиций ХАЭЭ, затем с помощью специальных археологических экспедиций. За годы работы собраны уникальные материалы с городищ и поселений Аязкалинского и Каваткалинского оазисов, караванных путей юга Правобережного Хорезма, в том числе южных и западных отрогов Султануиздага, дельты древнего канала Гавхоре и Амударьи. Археологическими отрядами музея проводились постоянные широкомасштабные стационарные работы на городищах Джанпык кала, Кават кала, Кят, Большой Гульдурсун, Эрес кала, Гяур кала (Султануиздагская), Ток кале, Аяз кале, которые дали возможность пополнить фонды археологии новыми, порой уникальными сведениями о материальной культуре народов, проживавших на данной территории. Глубоко изучены и нанесены на карту материалы горного дела, выявлены следы как ранних, так и средневековых мастерских вдоль трассы Шелкового пути на юге современного Каракалпакстана. Следует отдать должное исследователям Ю.П. Манылову и С.А. Дудакову, благодаря которым выявлено и изучено более 300 шахт и мастерских на отрогах Султануиздага (Манылов, 1974: 17; Дудаков, 1990: 48–50).

В плане изучения материальной культуры Южного Приаралья особое место отводится материалам, хранящимся в ГМИ РК им. И.В. Савицкого, из зоны древних русел каналов Жанадарьи и Гавхорэ (Неразик, 1976). Это сведения о суярганской культуре, материалах городской застройки Беркуткалинской и Аязкалинских оазисов периода античности, районах вдоль средневековых феодальных замков Каваткалинского оазиса (Толстов, 1957: 53; Толстов, 1948: 31–42; Андрианов, 1969: 10–125), а также с левобережной части Амударьи. Это Шехрилик, Каз-кала, Кюнерли-кала, Даудан-кала, поселение Адак, Акча гелинское поселение, Куня-Уаз, поселения у Замахшара, Кызылча, Салах бент, Даудан, Дев-Кескен (Вазир), Машрык, Сенгир, Кюзели-Гыр, Айгельды (Описи). Материалы впервые выставляются в качестве музейных экспонатов.

Помимо собственных исследований ГМИ РК им. И.В. Савицкого большое количество материалов было передано в 1964–1987 гг. в ХАЭЭ (Кол. описи 13–22). Все они дают обширное представление об искусстве, древней и средневековой культуре и взаимосвязях населения Южного Приаралья. Историко-хронологические рамки датируемых находок – это предметы Античного периода (I тыс. до н.э. по IV в. н.э.) (Воробьева, 1959: 63–220), Афригидского периода (IV–VIII вв. н.э.) (Неразик, 1966), Средневековья (IX–XVII вв.) (Вактурская, 1959: 261–342; Неразик, 1976). Сведения о горнорудном производстве вдоль

Султануиздагского хребта пополнены материалами о камнерезчиках, шахтах по добыче полезных ископаемых и рудных материалов. Они являются уникальным источником о развитии ремесел и о других занятиях местного населения, специфике хозяйствования и повседневном укладе вокруг оазисов. Распространение производства свидетельствовало об интересах заказчиков на продукты хозяйствования и являлось основой связей внутри Центральной Азии и с сопредельными территориями.

Полноценный показ предметов искусства древней и средневековой культуры Южного Приаралья долго время осложнялся слабыми техническими возможностями ГМИ РК им. И.В. Савицкого, недостаточной оснащенностью экспозиционных площадей и фондохранилищ археологическими материалами. Поэтому экспозиции археологии не давали полного представления по отдельным темам (к примеру, о керамическом (гончарном) производстве). В настоящее время эти проблемы решены. Это позволяет организовывать расширенные и специализированные тематические выставки. Одной из них стала организованная нами тематическая выставка об этапах становления и развития гончарного производства на территории Южного Приаралья. Ее основной задачей является показ полноценного собрания накопленных керамических изделий, относящихся к начальному этапу формирования керамического производства и до XIV–XV вв. Хронология выставочных экспонатов придает ей черты уникальности. Выставка знакомит посетителей с предметами, найденными во время археологических изысканий разных лет на территории Республики Каракалпакстан Хорезмской области и в соседней Республике Туркменистан.

Археологические находки из керамики дают возможность проследить процесс становления керамического производства. Они способны показать этапы развития технологий: появление различных примесей в глине, способов формовки, обработки, применение и использование технических возможностей гончарного круга, этапов появления и трансформации печей, способов обжига. В области изучения средневековой керамики значимые работы написаны исследователями Н.Н. Вактурской (Вактурская, 1959). Е.Е. Неразик (Неразик, 1966; 1976), М.Ш. Кдырниязовым (Кдырниязов, 1989), а также внесшей большой вклад в определение классификации средневековой поливной керамики Хорезма А.Д. Искендеровой (Искандерова, 2022). В хронологическом отношении материал средневековой керамики распределяется по периодам: IX–XI вв. – афригидо-саманидский; XI – начало XIII в. – хорезмшахский; начало XIII–XIV в. – хорезмско-джучидский (Толстов, 1948: 32–34).

Некоторые изделия из керамики выставлены на анализируемой экспозиции впервые и представляют большой интерес для исследователей. К примеру, в собрании имеются массивные сероглиняные треножные котлы с массивными крышками, богато украшенные лепным и резным декором из Джанпик калы (XII–XIII вв.) (Доспанов, 1992), толстостенные сероглиняные хумы с аркообразным декором вокруг венчика и наклепными орнаментами из Кават-калы

(XII в.) (Доспанов, 2023: 35–40). Впервые воедино собраны раннесредневековые хумы и кувшины, демонстрирующие трансформацию культуры переходного периода.

Наиболее ранние материалы керамики представлены артефактами, датированными периодом с VI–IV вв. до н.э. и вплоть до периода средневековья (XII–XV вв. н.э.). Это посуда хозяйственного (кухонного), парадного и ритуального назначения.

Керамика античного времени, по определению С.П. Толстова, соответствует архаическому, кангюйскому и кушанскому периодам (Толстов, 1946: 145, 147–149; Толстов, 1949: 26–27). Керамика архаического периода представлена хумами, кувшинами, горшками и мисками, сделанных на гончарном круге в районах Кой-Крылган калы и Кюзели-Гыр. Большая часть посуды покрыта снаружи светлым ангобом. Отличительной особенностью массивных сосудов (хумов и хумчей) является широкое устье и овальное дно. Среди некоторых сосудов встречается красный ангоб. Красные ангобированные чаши относятся к наиболее часто встречающейся керамике. Кюзелигырская посуда интересна тем, что в ней четко прослеживается своеобразный переход и схожесть с ремеслом кангюйского времени – V–IV вв. до н.э. (Воробьева, 1959: 78).

Кангюйское время в Хорезмском государстве (IV в. до н.э. – I в. н.э.) было связано с активным развитием ирригационной системы и оросительных каналов. Они являлись основой экономики того периода, опиравшейся прежде всего на земледелие. Это не могло не способствовать развитию гончарного производства.

Переходный этап ранне-кангюйского времени иллюстрируют представленные на выставке хумы грушевидной формы с овальным валикообразным венчиком и короткой шейкой: в них между шейкой появляется невысокий рельефный валик, а параллельные валики порой опоясывают и тулово. Дно часто плоское или слегка выпуклое. Тулово окрашено с помощью спирального орнамента. Помимо хумов к этому периоду относятся широко представленные на выставке горшковидные хумчи, покрытые светлым желтовато-розовым ангобом и линиями, нанесенными красно-коричневой краской по венчику и тулову.

На выставке экспонируются несколько экземпляров светлоглиняных выючных фляг из Кой-Крылган калы. Они однобокие по форме, с узким, коротким горлом и небольшими овальными ручками по бокам. Хотя исследователям известны многочисленные фляги с декорацией и различными рельефными орнаментами, характерными для ритуальных сосудов кушанской эпохи, однако среди имеющихся сосудов светлоглиняные выючные фляги отсутствуют, что скорее всего свидетельствует об их бытовой принадлежности.

Керамические изделия позднекангюйского времени представлены небольшим числом предметов. В основном это однообразные кувшины и горшки ручной работы в виде миниатюрных форм с округлым туловом, плоским дном и вертикальным горлом, слегка отгибающимся наружу.

Немногочисленную группу керамики представляют материалы ранне-кушанского периода (I – конец II в. н.э.) из Куны-Уаза, Аяз-калы 3, Топрак-калы и поздне-кушанского времени (III в. н.э.). Они из тех же памятников, но более поздних слоев, порой датирующихся на основе нумизматических данных. Это хумы, кувшины, миски и чаши. Описывая такую керамику, М.Г. Воробьева приводит подробный анализ техники изготовления и форм, выявляет отличия ранне-кушанского периода от более раннего времени (Воробьева, 1959: 146–150). Мы видим, что хумы претерпели изменения, как по форме, так и по технике изготовления. К примеру, если хумы в эпоху кангюйского периода изготавливались на гончарном круге, то в более позднее время они вылепливались вручную ленточным способом. Большое распространение к этому времени получают кувшины из более низкого качества теста. Кувшины значительно отличались по форме венчиков (сливов) и ручек. Сами ручки не сильно изменились, однако для этого времени использовались лишь полые ручки.

В ранне-кушанском и поздне-кушанском периодах больших различий по технике и форме сосудов не наблюдается. Лишь в отдельных случаях заметны незначительные изменения форм и отделки поверхностей. Однако большинство сосудов начинает производиться ручным способом. Для керамики этого времени характерными являются многочисленные фрагменты налепов на ручки кувшинов в виде львиных головок, вероятно отливавшихся в специальных формах. Они особенно многочисленны среди материалов кангюйского периода Большого Кырк-Кыз, Эрес-калы и Кюзели-Гыр. Особый интерес представляют

глиняные терракотовые статуэтки и фигурки лошадей. Некоторые из них найдены близ печей в районе Аяз калы и Кюзели-Гыр. Технология производства свидетельствует о том, что они в большей степени отливались в специальных формах. Характерную немногочисленную группу керамических сосудов кушанского периода представляют красноглиняные бокалы на вытянутой округлой ножке, подмазанной к тулову, светлоглиняные фляги – узкогорлые с процарапанными округлыми линиями по окружности периметра, плоскодонные миски с вдавленным кружковым орнаментом по венчику.

На примере экспонируемых материалов можно наблюдать закономерность утверждения С.П. Толстова о прослеживании этнокультурных связей Хорезма с кочевниками саками уже с IV–III тыс. до н.э., на рубеже II–I тыс. до н.э. до VI–IV вв до н.э. (Толстов, 1948: 86). Тогда как формы керамических изделий у саков остаются традиционными, техника их производства хорезмийскими мастерами достигает пика наивысшего развития. Аналоги представленной керамики прослеживаются среди материалов ранне-кангюйского и кушанского времени Афрасиаба, Согда, Тали Барзу, Мунчак тепе (Еркурган) Северной Индии и Афганистана (Тереножкин, 1950: 153). Керамика кушанского периода имеет большое сходство с материалами Айртама и древнего Термеза, датируемых I–V вв. н.э. (Вязьмитина, 1945: 37, 57–62).

Следующую группу керамики выставки представляют изделия мастеров афригидского периода (IV–VIII вв. н.э.). Большинство материалов было передано музеем ХАЭЭ А.И. Тереножкиным, работавшем в зоне древнего канала Тазабагьяб – Беркуткалинском оазисе, Кырк-Кызский участке, на памятниках Беркут-Кала, Тешик-Кала, Кум-Баскан-Кала, Уй-Кала и Кырк-Кыз-Кала, Аяз-Кала (Тереножкин, 1940). Исследование охватило зоны древнего Келтеминара (Адамли-Кала, Карга-Тышкан-Кала, Эрес-Кала и Дингильдже), Гавхора (Топрак кала, Кызыл-Кала), Амирабада (Думан-Кала), Левобережного Чермен-Яба (Куня-Уаз, Гяур-Кала Ходжейлинская). На постепенное угасание жизни на большинстве из отмеченных памятников в V–VI вв. повлияла политическая ситуация, связанная, в первую очередь, с созданием Эфталитской и Тюркской империй. В литературе бытует мнение о прочных связях Хорезма с Эфталиями, хионитами и кидаритами, которых часто отождествляют с приаральскими массагетами (Тревер и др., 1950: 103–104). Это было временем (VII–VIII вв.) сложения в Хорезмском государстве феодальных отношений, где главенствующую роль начинают играть хорошо укрепленные феодальные замки на головных ответвлениях больших каналов. Они поспособствовали постепенному укреплению экономики государства, сказывавшемся на подъеме ремесленного производства. Происходящие сдвиги в конечном счете привели к росту городов, заменивших замки.

В керамическом производстве переходного этапа (кушано-афригидского) особых отличий в формах не наблюдается, за исключением некоторых

снизившихся по качеству технологических процессов, связанных с грубым качеством глиняного теста, в котором становится больше примесей. Хуже становится покрытие ангобом – вместо светлых тонов начинают преобладать зеленовато-желтые и серовато-зеленоватые. Наряду с использованием сосудов, изготовленных на гончарном круге, заметно больше начинают присутствовать сосуды, вылепленные вручную с грубыми примесями. В это же время наблюдается недостаточность обжига керамики.

К этому времени относятся характерные хумы и хумчи, кувшины, чашки и миски с овальными, слегка расширенными наружу венчиками, по периметру кромки которых имеются часто встречающиеся пальцевые вдавления (насечки) или ямки, порою перемежающиеся волнообразными линиями по плечикам и тулову. Насечки к афригидскому времени становятся наиболее используемыми элементами. В большом количестве присутствуют кружки, небольшие лепные сосуды с утолщенными стенками из теста с примесью песка и комочков гипса, обычно черного обжига с наклепной овальной ручкой, концами соединенной с венчиком и плечиком.

Единичным экземпляром является светлоглиняный цельный лепной таз, найденный на Якке-Парсане. Венчик сосуда валикообразный, с пальцевыми вдавленными насечками и валиком по всему периметру. Сосуд светло ангобированный, толстостенный, с овальным дном. От венчика к тулову прикреплены три полые ручки петлевидной формы. Форма и технические декорации таза типичны для хумчей и тазов VII–VIII вв. всего Беркуткалинского оазиса (Неразик, 1966: 38, рис. 20). Анализ имеющихся керамических материалов в фондах археологии музея дает основание предполагать, что описываемый таз скорее всего принадлежит к одному из последних этапов изготовления гончарных сосудов «ручным способом» (Тереножкин, 1940: 56–61).

Многочисленную коллекцию разнообразной керамики представляют материалы эпохи средневековья (IX–XIV вв.). При ее описании учтена классификация средневековой керамики, разработанная Н.Н. Вактурской на материалах Хорезма, найденных в зоне средневекового канала Гавхорэ (Неразик, 1976). Однако наличие в коллекциях новых керамических форм сосудов и других предметов быта из керамики, появление новых материалов из различных археологических раскопов отряда ГМИ РК им. И.В. Савицкого на Джанпык-кале, Кават-кале, Большого Гульдурсун, Кята, Миздахкана позволили расширить типологию керамики IX–XIV вв. и сделать значимые, дополнительные выводы о технике изготовления, расширив тем самым масштабы аналогий и географические рамки культурных связей регионов.

По технике изготовления керамика разделена на две группы: лепную и гончарную круговую. Лепная керамика немногочисленна и представлена единичными фрагментами кухонной посуды. Круговая керамика по вторичным технологическим признакам (способам обработки поверхности) делится на две

группы – неполивную и поливную. В свою очередь, поливная посуда по вторичным признакам (технике и цветовой гамме росписи) подразделяется на несколько видов. Внутри подгрупп керамика классифицируется по назначению изделий и по форме. Большинство типов выделено по форме верхней части сосуда (венчика шейки и плечиков), что в ряде случаев обусловлено фрагментарностью материала и малым количеством целых форм.

Немаловажную роль при классификации керамических изделий играют керамические светильники, в некоторых случаях они являются датирующими и подразделяются на семь типов и подтипов.

Интересные материалы представлены в области камнерезного производства, которое, наряду с керамическим производством, играло немаловажную роль в хозяйственной жизни горожан.

Подгруппа 1 – неполивная керамика: представлена такими категориями изделий, как хумы, хумчи, кувшины, миски, тагора, кухонные котлы, кружки, очажные сосуды, крышки и светильники. Хумы, хумчи, очажные сосуды и некоторые типы крышек изготавливались из теста с примесью шамота, покрывались темным ангобом и после обжига принимали серый оттенок. Хумы и хумчи украшались по сырой глине линейно-волнистым и елочным, гребенчатым и лепным орнаментами.

Кувшины изготавливались из промешанной глины без заметных примесей и после обжига приобретали серый или черный цвет. Котлы и крышки изготавливались из теста с примесями и после обжига получали серый цвет. Снаружи они покрывались темно-серым или черным ангобом, украшались налепным орнаментом с насечками, пальцевыми вмятинами или защипами, геометрическими линиями.

Хумы представлены тремя формами. Первые два имеют яйцевидный корпус высотой 75–80 см, диаметром устья 30–35 см с массивными полочковидными венчиками, посаженными на плечи сосуда. Они плоскодонные, черепок в изломе серого цвета. С наружной стороны хумы облицованы темно-серым ангобом. Встречаются неорнаментированные и орнаментированные хумы. В большинстве случаев хумы на плечиках отделаны налепами в два ряда пальцевыми вдавлениями и прочерченными ромбовидными линиями между ними. Подобные изделия широко применялись в XII–XIII вв. и известны по материалам Кават калы (Вактурская, 1959: 303–304, рис. 19–20). Среди хумов Хорезмшахского времени впервые в экспозицию включены сосуды двух видов: орнаментированные и гладкостенные. Венчики и плечи хумов украшены налепными или прочерченными волнистыми и линейными орнаментами. Среди них выделяются волнистые и арочные узоры. При выявлении аналогов видно, что описываемые хумы встречаются в Шемаха-кале Кетенлере, Хазараспе (Кдырнязов, 1989: 67), в сельских поселениях Хорезма в XIII–XIV вв., в левобережном Хорезме – городище Джигирбент (Вишневская, 2007: 15–16). Типология дан-

ной группы хумов IX–XII вв. имеет некоторые сходства с аналогами афригидского периода и по всей видимости продолжает традиции местных гончаров предшествующего периода. Эти сходства наблюдаются в массивных отогнутых венчиках, декоре в виде налепных жгутов с пальцевыми вдавлениями и прочерченным гребенчатым волнистым орнаментом. Использование таких сосудов на территории обширного пространства правобережного Хорезма практически полностью связано с культурой сельской оседлой округи. Используясь в хозяйстве в качестве тарной посуды, эти сосуды могли быть декорированы для более привилегированных или богатых слоев населения. Отмечаемые хумы были найдены в богатой феодальной усадьбе № 2 (дом № 43) близ средневековой Кават калы. В ней обнаружены богато декорированные хумы и изящно расписные люстровые сосуды (Доспанов, 2022: 122, рис. 1).

Большой интерес представляет арочный орнамент, расположенный на венчиках хумов, являющийся практически традиционным в кашинной керамике золотоордынского периода на внешней стороне сосудов. Он представляет собой узкие двойные рельефные дуги-арочки, расцвеченные крупными синими точками: одна вверху и по две, реже по три-четыре точки на каждой вертикали. Внутри каждой дуги-арочки проходит полоса из косых штрихов (наиболее распространённый вариант), прямая линия или прямая линия с нанесенными на ней синими точками. Сверху дуги-арочки могут перекрываться скобочкой-связкой, иногда роль такой связки выполняют две-три небольшие тёмно-зелёные точки. В ряде случаев связка отсутствует. Аналогичные украшения внешней стороны сосудов, но не расцвеченные синими точками, известны в керамике Западного Казахстана (Сарайчик) (Агапов, Кадырбаев, 1979: 193, рис. 11). Об арочном орнаменте на внешней стороне хорезмских сосудов упоминает Н.Н. Вактурская (Вактурская, 1959: 322). Исследователь В.Ю. Коваль характеризует арочные декорации следующим образом: «Следует уточнить, что декор внешней поверхности чаш, описываемый как «арочный», является стилизацией рельефных лепестков лотоса, имевшихся на китайских селадоновых чашах эпохи Сунь и Юань (X–XIV вв.) (Morgan, 1991: fig. 6–11), послуживших прототипом для полусферических «лотосовых» чаш, ставших популярными на Востоке в XII–XIV вв. (Lane, 1957: 9; Lane 1958: 67). «Арочные» стилизации лепестков лотоса присутствуют и на разновидностях иранской керамики «султанабадского типа» (Lane, 1958: fig. 64a, 93b, 96b), послужившей образцом для подражания в золотоордынской кашинной керамике (Булатов, 1969: 69). Говоря об архитектурном декоре арочного орнамента, нельзя не упомянуть об изящно декорированных наружных стенах цитадели Джанпык калы, датируемых IX–XII вв. Стены украшены выступающими полуколоннами, смыкающимися в верхней части в виде арок.

Отмеченные особенности керамических изделий IX–XII вв. сформировались путем сохранения и дальнейшего развития местной гончарной традиции

изготовления тарной керамики. Они продолжили традиции городского и сельского ремесленного производства существовавших здесь этносов и наглядно отражают сложную картину происходивших в регионе вокруг Кават калы культурных и этнических процессов, определивших облик местной культуры последующего периода.

Для классификации средневековой керамики Джанпик калы оказалось необходимым выделить два подтипа неполивных кувшинообразных сосудов – узкогорлые и широкогорлые, водоносные кувшины и горшки.

Узкогорлые кувшины. Тип 1. Наиболее ранняя форма среди средневековых узкогорлых кувшинов представлена единичным экземпляром водоносного кувшина, тулово которого яйцевидной формы, с широкими плечиками, выпуклое. Высота кувшина – 22 см. Горловина высокая, цилиндрическая. Тесто плотное, приобретающее при обжиге красноватый оттенок. У основания горловины расположено два пояса линейно-гребенчатого орнамента.

Сосуды данного типа широко распространены в Хорезме IX–XI вв. (Вактурская, 1959: 276–277, рис. 2, 4, 6–9), в кердерской культуре на городищах Караумбет, Хайван кала (Ягодин, 1981: 87, рис. 6, 5).

Тип 2 представлен комплексом одноручных водоносных кувшинов из слюев городища Джанпик-кала, возникшего в IX–XI вв. и перестроенного в XII – начале XIII вв. Дно изделий плоское, тулово яйцевидное, горловина высокая, цилиндрическая, венчики образованы слегка утолщенным краем стенки. Ручка массивная, круглая в сечении, петлевидная, высоко поднимающаяся над краем горловины. Размеры сосудов варьируются: диаметр горловины от 4 до 6,5 см, диаметр тулова – от 20 до 25 см, дна – 7–9 см, высота ручки – 8–11 см, толщина стенок 0,3–0,6 см.

Сосуды сформованы на гончарном круге из предварительно отмученной, относительно хорошо промешанной формовочной массы с незначительными примесями в виде мелкомолотой дресвы. Обжиг равномерный, горновой, черепок в изломе серый. Внешняя поверхность облицована тёмно-серым ангобом.

Тип 3 представлен узкогорлыми, одноручными кувшинами. Дно у них плоское, широкое, тулово грушевидное, горловина узкая, сравнительно невысокая, цилиндрическая или раструбообразная с манжетообразным венчиком. На некоторых экземплярах край горловины оттянут в слив. Иногда горловина горизонтально каннелюрована и имеет вертикальные пальцевые вдавления по краю, ручка обычно круглая в сечении, хотя имеются экземпляры и с уплощенной ручкой, верхний край прикреплявшейся к середине горловины, обычно не поднимавшейся (в редких случаях она слабо поднимается над краем горловины).

Сосуды обычно облицовывались по внешней поверхности черным ангобом. Некоторые экземпляры кувшинов этого типа украшались орнаментом, располагавшимся зонально, обычно на плечиках в виде вертикальных прорисованных полос.

Тип 4 – одноручный кувшин на высокой конической ножке. Тулово шаровидное, горловина высокая раструбообразная с горизонтальными рифлёными линиями по краю венчика. Вся поверхность тулова покрыта штампованным орнаментом в виде рыб и растительного мотива. Орнамент наносился специальной формой-штампом.

Второй подтип сероглиняных неполивных кувшинов – гончарные и лепные.

Тип 1. Наиболее ранними являются два экземпляра широкогорлых двуручных кувшинов. Кувшины имеют высокое цилиндрическое горло с выгибом в верхней части. Тулово яйцевидной формы, плоскодонное. Две витые ручки верхними концами прикреплены к краю горловины. Один из сосудов снаружи покрыт обильным черным лощением. Другой экземпляр – лепной – фрагментирован, снаружи покрыт черным ангобом и сильно прокопчен. Тесто с примесью дресвы. У устья горловины – выпуклый валик, плечики орнаментированы налепами в виде горизонтальных волнообразных и подтреугольных линий.

Тип 2. Несколькими фрагментами представлены кувшины с высоким цилиндрическим горлом без ручек. Горловины имеют легкий выгиб наружу с подтреугольным венчиком. Плечики кувшина широкие, слегка покатые, корпус выпуклый. Вверху он покрыт горизонтальными налепами в виде волнообразных линий и тремя небольшими декоративными ушами с отверстием по центру. Сосуд сероглиняный, с обильной примесью мелко дробленной дресвы, облицован серым ангобом.

Тип 3. К следующему типу керамических изделий отнесем горшковидные одноручные кувшины. Часто встречаемые формы в большинстве случаев – шаровидные с небольшими петлевидными ручками, округлые в сечении, плоскодонные. Венчики прямые вертикальные, лишь в некоторых случаях слегка изогнуты наружу и образуют полочковидный венчик. Ручки часто прикрепляются к краю горловины. В единственном случае кувшин орнаментирован вкруговую по горлышку пальцевыми вдавлениями. Тесто плотное, без примесей, наружная поверхность имеет черное лощение и покрыто темно-серым ангобом.

Тип 4. Кувшины с высоким цилиндрическим горлом без ручек баночной формы представлены несколькими цельными экземплярами. Их форма яйцевидная со слегка покатыми плечиками. В большинстве случаев края венчиков образуют изгиб наружу, лишь в некоторых края горловины прямые. В середине горла часто встречаются горизонтальные рифления. Кувшины плоскодонные с незначительным изгибом вовнутрь и песчаной подсыпкой. Черепок в изломе серый с примесью дресвы, с обеих сторон покрыт черным ангобом.

Тип 5 – это малоизвестные кувшины «ведрообразных» форм. Они по форме похожи на предыдущие (тип 4), но в отличие от них напоминают горшкообразные сосуды. Тулово одного из них вздутое, высотой 23 см, резко сужающееся к низу путем среза ножом. Дно кольцевидное диаметром 11 см. К полоч-

ковидному венчику прикреплена округлая в сечении овальная ручка. Внешняя часть тулова имеет обильное черное лощение и орнаментирована прорезными параллельными линиями.

Последний вид данного типа – банкообразный. Это сосуд цилиндрической формы с плоским дном. Стенки прямые вертикальные с отогнутым валикообразным венчиком, под которым симметрично с разных сторон просверлены два сквозных отверстия для подвешивания. С внутренней и внешней стороны такой кувшин покрыт темно-серым ангобом.

Кувшины всех типов обычно украшались орнаментом, который чаще всего был расположен поясом на плечиках. Мотивы орнамента немногочисленны. Это вертикальные волнистые парные линии между двух линейных параллельных поясов, прочерченные острой палочкой в виде елочного орнамента. Иногда горизонтальные волны сочетались с налечами в виде пальцевых вдавлений с двойными насечками поясов из треугольных вдавлений и окаймлений между ними.

Все перечисленные элементы декора сочетались между собой в различных комбинациях.

Котлы. Они представлены большим количеством фрагментированных находок. Это сосуды обычно сплюснуто-шаровидной формы со слабовыпуклым дном и полочковидным венчиком, посаженным непосредственно на плечики сосуда. В единичных случаях венчик у них отсутствует, заменяясь слегка утолщенной, согнутой наружу стенкой с пристроенным или валикообразным бережком. Сосуды данного типа изготавливались на гончарном круге из предварительно отмученной, хорошо промешанной формовочной массы с примесями, в качестве которых использовалась мелкомолотая дресва. Формовались, видимо, на слабовогнутой подставке с подсыпкой из мелкомолотой дресвы. После снятия с круга котлы, вероятно, деформировались вручную. Сосуды тонкостенные, обжиг горновой, черепок в изломе серый, часто по весу тяжелый, спекшийся. Внешняя поверхность обычно облицована темно-серым ангобом, сильно закопчена.

Некоторые из сосудов описанного типа орнаментированы. Узор обычно расположен на плоском широком бережке венчика в виде двойной или тройной штриховки, окаймлен парными линиями – отдельными волнистыми штрихами или пальцевыми защипами по краям бережка. На плечиках орнамент представлен двойной волнистой или тройной прямой линией.

Чашы, миски. В коллекции находится несколько разновидностей сосудов данного типа. К первой группе принадлежат сосуды с плоским дисковидным дном и сильно раздутым в верхней части туловом. Нижняя часть сосуда имеет усечено-коническую форму. Венчики сосудов слегка отогнуты наружу, часто образуют острый бережок. Дно с внешней стороны несет следы мелкопесчаной

подсыпки. Часто внешние стороны мисок горизонтально каннелированы. Обжиг красноватый. Сосуды покрыты светлым кремовым ангобом.

Тип 1. К данному типу принадлежат сосуды с плоским дном, туловом, сильно раздутым в верхней части. Нижняя часть сосуда имеет усечено-коническую форму. Стенки сосудов в верхней части плавно сведены во внутрь, формируя полочковидный венчик с широким плоским горизонтальным бережком. Переход от нижней части сосуда к верхней иногда обозначен резко, иногда плавно. На внешней поверхности встречается слабо выраженная горизонтальная ребристость. Диаметр устья сосудов 24–30 см, толщина стенок 0,5–0,6 см. Сосуды формовались на гончарном круге из предварительно отмученной формовочной массы с примесями отошителя в виде мелкомолотой дресвы, иногда дополненной небольшим количеством гипса. Внешняя поверхность сосудов облицована темно-серым ангобом.

Тип 2 – чаши цилиндро-конической формы на кольцевом поддоне. Бережок венчика слегка выступает наружу. Тесто плотное, серое. На внутренней поверхности полосчатое лощение в виде концентрических кругов.

Тип 3 – чаши сегментовидной формы на кольцевом поддоне. Поверхность облицована черным ангобом. На внутреннюю поверхность нанесен орнамент полосчатым лощением в виде сужающихся к низу полос со спиралевидным завитком по центру.

Тип 4. Данный тип сероглиняной керамики представлен меньшим количеством экземпляров по сравнению с предыдущими типами керамики. Это низкие плоскодонные сосуды – «тазы», усечено-конической формы с полочковидным венчиком, обычно со свисающими краями. Переход от плоского широкого дна к расходящимся в стороны стенкам округлен.

Тип 5 – форма керамики идентичная 2-му типу. Сосуд цилиндрической формы на кольцевом поддоне покрыт черным ангобом. К дну прикреплены три невысокие ножки, слегка изогнутые в стороны.

Тип 6. Одной из наиболее интересных форм является толстостенная сероглиняная тарелка на кольцевом поддоне с тремя невысокими ножками. Диаметр поверхности до 22 см. По внутреннему борту нанесен процарапанный орнамент в виде змейки. По преданиям, изображение змеи на сосудах придавало сверхъестественные силы (Снесарев, 1969: 307). Тарелка изготовлена из плотного сероглиняного теста и залощена по черному ангобу.

Котлы-жаровни. Кроме известных форм хумов, водоносных кувшинов, чаш, мисок на выставке представлены сосуды хорезмшахского времени, известные по публикациям как переносные «котлы-жаровни». Это котлы диаметром 40–55 см и высотой 30–40 см. Толщина стенок – 1–1,5 см. Это котлы с вертикальными или немного с круженными стенками, прямым плоским дном на трех невысоких ножках. В верхней части они имеют наклонную вовнутрь закраину для фиксирования крышки. По верхнему краю котлов имеются неболь-

шие остроконечные выступы в виде зубцов. Вся поверхность этого типа сосудов украшена самыми разнообразными наклепными и прочерченными узорами в виде пальцевых вдавлений, волнообразных и арочных линий, гребенчатых ромбовидных полос, подтреугольных прорезей, окаймленных линиями, орнаментом в виде «ёлочных» фигур. На месте скрепления ножек имеется по несколько мелких пальцевых вдавлений в виде точек. В некоторых случаях встречаются сосуды без ножек. Сосуды изготовлены на гончарном круге, облицованы темно-серым ангобом. Тесто содержит большое количество шамота. На дне имеются следы песчаной подсыпки.

Крышки. Они представлены несколькими цельными экземплярами и фрагментами. Среди материалов есть круглые крышки сегментовидной в сечении формы, предназначавшихся, вероятно, для переносных «котлов-жаровен». Крышки снабжены ручкой грибовидной формы и отверстием для доступа воздуха. Поверхность декорирована разбитыми на секторы, радиально идущими рельефными валиками, украшенными пальцевыми вдавлениями. Их середина компонована рельефными розетками на фоне выемных треугольников. Крышки сероглиняные, покрыты темно-серым ангобом.

Среди материалов Кават-калы из слоев XII–XIII вв. имеются предметы, составляющие точную аналогию керамике Джанпык-калы, Миздахкана (Неразик и др., 1975: 60), что позволяет предположить существование товарообмена между этими поселениями. Известные котлы обычно происходят из поселений хорезмшахской эпохи, поэтому не исключено, что в данных случаях мы имеем дело с котлами и крышками к ним во вторичном использовании в золотоордынское время. Это тем более вероятно, что, как указывалось, слой данного времени выявлен как на Кават кале, так и в Джанпык кале и Миздахкане. Несмотря на это, хронологические рамки существования экспонатов требуют уточнения и сравнения с предметами левобережного Хорезма.

Цельные экземпляры представлены дисковидными крышками с ручкой в виде шестиконечной звезды, выполненной пальцевыми защипами. Крышка изготовлена в специальной форме, ее внешняя поверхность украшена отпечатанным рельефно-выпуклым узором в виде подтреугольных геометрических линий и насечек по периметру всей окружности, между которыми имеется обрамление в виде вдавленных точек.

Горшки «туваки». Многочисленными экземплярами представлены горшки с высоким цилиндрическим корпусом и широко расходящимися краями. Они плоскодонные, с небольшими следами песчаной подсыпки, покрыты черным ангобом. Диаметр поверхности 13–15 см, высота корпуса 15–20 см. Черепок в изломе обычно серый.

Другой тип горшочка – сосуд вытянутой формы с горизонтальными волнистыми вздутостями. Он плоскодонный с песчаной подсыпкой, венчик полочковидный. Высота тулова до 22 см.

Все отмеченные «туваки» сероглиняные, тесто с примесью шамота, покрыты темно-серым ангобом.

Среди керамических изделий, представленных на выставки, имеются малоизвестные по публикациям сосуды из Джанпык калы. К разряду уникальных предметов можно отнести «фонарь» высотой 20,2 см, диаметром окружности – 11,5–12 см, шарообразной формы с плоским дном, песчаной подсыпкой, изготовлен на гончарном круге. Нижняя часть тулова имеет прямоугольное прорезанное до обжига по сырой глине отверстие размером 7,5–5,5 см. Круглая в сечении ручка возвышается над туловом, имеет в вертикальной плоскости небольшой изгиб для удобства держания. Немного выше уровня основания ручки с одной стороны проколото три сквозных отверстия.

Уникальными экспонатами являются два экземпляра сероглиняных сосудов шаровидной формы на трех невысоких ножках, прикрепленных к плоскому дну. Их высота – 25–26 см, диаметр – 20–22 см. Тулово по всей окружности покрыто сплошным орнаментом налепов в виде пальцевых вдавлений, с вертикальными рядами сетчато-ромбовидных прочерченных линий под ними. Верхняя часть орнаментирована «ёлочным» орнаментом. Ажурно орнаментированная пальцевыми налепами и прочерченными насечками по окружности высокая сегментовидная в сечении крышка плотно вдевается на сосуд с помощью ручки, зацепленной пальцами краями.

Наружная часть сосудов облицована темно-серым ангобом, дно со следами песчаной подсыпки. Фрагменты идентичной «супницы» известны по керамическим материалам слоев Кават калы XII в.

Среди находок из слоев XII–XIII вв. следует отметить керамический дуршлаг в виде плоскодонной миски с отогнутым венчиком полочковидной формы с двумя вдавленными линиями по окружности. По его тулову и поддону симметрично проколоты сквозные отверстия. Сосуд сероглиняный с незначительным добавлением дресвы, покрыт серым ангобом. Диаметр окружности 18 см, толщина стенки 0,5 см.

Подгруппа «поливная керамика» состоит из таких категорий изделий, как чаши, пиалы, тарелки, светильники-чираги и чернильницы. Преобладающей формой являются чаши. Все изделия изготовлены из хорошо промешанной глины, принявшей после обжига розовый, красноватый или желто-кремовый цвет. Изделия покрыты различной поливой.

Наиболее полно на памятниках правобережного средневекового Хорезма представлены материалы золотоордынского времени (XIII–XIV вв.). Среди них часто встречается кашинная керамика так называемого куня-ургенчского образца. Характерная черта таких изделий – обильное применение подглазурной черной росписи в виде полураскрывшихся трехлепестковых бутонов-листьев с параллельными рядами черных мазков. Изделия в основном представлены об-

ломками мисок и чаш на кольцевом поддоне. Отдельные элементы орнамента выделены рельефом. Роспись нанесена с обеих сторон.

Интерес представляет тонкостенный кашинный сосуд горшковидной формы. Его внутренняя поверхность не орнаментирована, наружная сторона прямого венчика украшена орнаментальным поясом и рельефно нанесенными арабскими надписями в виде растительного мотива. Плечи сосуда оформлены симметрично расположенными шишечками, основание которых окаймлено кружочками синего цвета. Нижняя часть орнаментирована арочными фигурами.

Среди поливной керамики преобладают фрагменты чаш на кольцевом поддоне, изготовленных из светлой глины хорошего качества. Изнутри они расписаны полихромной подглазурной росписью теплых тонов. При росписи применены зеленая, белая и светло-коричневая краски. Дно одной из чаш красочно украшено изображением пяти дерущихся петухов, другой поддон орнаментирован стилизованным изображением в виде растительного мотива – двух рыб на желтом фоне. Чаши в основном тонкостенные, сегментовидные, на кольцевом поддоне. Иногда встречаются полусферические чаши на поддоне, переходном от дисковидного к кольцевидному. В росписи обычно применялись темно-серая с зеленоватым оттенком и синяя краски. Рельефный узор создавался с помощью специальных разъемных форм с выраженным орнаментом. Декорирование внешней стороны всех пиалообразных сосудов не отличается разнообразием: на белый фон наносился арочный орнамент, окаймленный темно-зеленоватыми, черными и синими линиями. В росписях внутренней поверхности кашинных чаш XIII–XIV вв. на Джанпык-кале и Миздахкане наблюдается большее разнообразие. Мотивы орнаментации здесь очень богаты: геометрические фигуры, заполненные точками, эпиграфические стилизованные надписи *наسخи* и цветочные розетки.

Особенно интересным является орнамент на днищах сосудов. Внутренняя сторона украшена двумя рядами концентрических кругов, в центре которых изображена утка, фазан или другая птица на фоне стилизованных растительных узоров, заполненных темно-синими точками. В некоторых случаях днища украшены рисунками в виде раскрытых бутонов цветов. По бортикам размещен рельефный узор в виде концентрических широких и узких поясов, между которыми горизонтально нанесены геометрические и растительные орнаменты. Второй мотив украшения – это пояса со словами «икбал», повторяющимися неоднократно (Вактурская, 1959: рис. 35, 3–4).

В коллекции поливных сосудов имеются миски и кувшины типа «минай» и «люстры». Особенно они многочисленны среди находок с Кават-Калы и Джанпык-калы. Опишем фрагмент донца наиболее интересной кашинной посуды. Он является частью небольшого, по-видимому, открытого сосуда с кольцевым поддоном. В изломе черепок светлого, почти белого цвета, материал – кашин. С обеих сторон сосуд покрыт непрозрачной белой поливой, а его внутренняя по-

верхность украшена надглазурной росписью цветными эмалями (синей, красной, черной, бирюзовой, светло-коричневой), изображающей двух всадников (один из них, вероятно, женщина), обращенных лицом друг к другу. Лошади изображены в движении, между ними по центру идет изящный, стилизованный растительный орнамент, извивающийся ветвями по сторонам – «древо жизни» (Вейрман, 1974: 125; Атагарриев, 1986: 125).

Сопоставление описываемого обломка с другими керамическими изделиями показало, что предметы, схожие по сюжету, росписи, техническому исполнению, орнаментальному фону, были обнаружены в развалинах Куны Ургенча (Вактурская, 1960: 193), на территории Акча-Гелинского поселения (фонд ГМИ РК им. И.В. Савицкого), в медресе Мир-и-Араб в Бухаре (Абдуллаев, 1979: 76–78). Фаянсовая чаша и ваза, расписанные эмалью с идентичным изображением всадников и деревом жизни по центру, изготовленные в центральных провинциях Ирана в XII–XIII вв., находятся в коллекции керамики Государственного музея искусств народов Востока (Москва) и Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург). Наш фрагмент сосуда из Джанпык-калы, как с точки зрения техники производства, так и по характеру орнаментации, росписи близок к типу гончарных изделий, известных в литературе под названием «минаи» и производившихся в XII – начале XIII в. в иранском городе Рея, считавшемся основным центром их производства (Вактурская, 1960: 176). Однако выявленная на одном уровне культурного слоя монета Узбек хана (1313–1341 гг.) и описываемый сосуд позволяет датировать его XIII – первой половиной XIV вв.

На выставке представлено большое число поливных чаш типа люстр с Кызыл калы (Ходжаниязов, Кдырниязов, 1990: 91–101; Кдырниязов, 1990: 26–35).

Другой тип керамики – изделия с подглазурной полихромной росписью без рельефа. Такие сосуды часто встречаются среди кашинной керамики Хорезма в памятниках домонгольского времени и широко известны по материалам из Кават калы. Их поверхность с двух сторон покрыта толстым слоем стекловидной поташной поливы. Основные формы: пиалообразные полусферические чаши с отогнутым венчиком и сегментовидные чаши с вертикальным краем. Эти сосуды украшались подглазурной росписью, нанесенной черной, белой и синей кобальтовыми красками. На них нанесены глубоко реалистичные и художественные образы рисунков, использованы очень утонченные мотивы и техника росписей. Орнамент изделий разделяется на зоны т.н. «секторной» композицией из геометрического и стилизованно-растительного узоров. Другая группа люстровых изделий представлена широкогорлыми кувшинами и сосудами закрытых форм. В литературе они упоминаются в качестве типов импортной керамики (Кдырниязов, 2006: 122–124). К ним относятся узко- и широкогорлые кувшины малого и среднего размеров. Судя по сохранившимся фрагментам, они орнаментировались только с внешней стороны растительным, эпиграфическим и (или) зооморфным орнаментами. Закрытые сосуды внутри по-

крывались белой или кобальтовой поливой, тончайшей люстровой росписью. Фрагменты аналогичных кувшинов найдены вокруг городищ Шехрлик, Кзылча-кала и хранятся в фондах археологии музея.

При сопоставлении наших образцов и изобразительных мотивов люстровой керамики Южного Приаралья со сходной керамикой средневековых городов Ирана и Южной Туркмении, наблюдаются явные аналогии с сосудами открытых форм типа блюд и чаш. Сюжеты декоративной композиции на подобных изделиях – это реалистические изображения человека (особенно всадников), животных (лебедь, павлин, утка) и эпиграфические надписи. Подобные декоративные элементы часто встречаются в двух вариантах: одиночные изображения и вереницы фигур, многократно повторяющиеся на внутренней стороне сосуда. Подобную керамику, близкую по форме, типу и декору, встречаем в городах Южной Туркмении и Ирана. Совпадение изобразительных мотивов, форм и красок изделий позволяют предположить влияние или ввоз иранской и, в частности, хорасанской (южнотуркменской) люстровой керамики в Южное Приаралье. Таким образом, рассматривая элементы контрастности и четкой расцветки, строгого графического по характеру нанесения декоративного рисунка поливных изделий, можно сделать заключение о наиболее существенных признаках вновь приобретаемого стиля художественной керамики в средневековом Приаралье, который был наиболее присущ для XII–XIII вв. Как и во всей Средней Азии, в оазисах дельты Амударьи это стало одним из проявлений нового этапа в развитии средневекового декоративного искусства.

На выставке впервые экспонируется редкая находка золотоордынского периода из Джанпик-калы – светлоглиняная чернильница с закрытым верхом и отверстием для пера. Дно подставки кольцевидное. Вся наружная поверхность покрыта зелёной поливой. Наибольший интерес представляют письменные источники и росписи, их разновидности на гипсовых и глиняных оссуариях из Ток калы и некрополя древнего Миздахкана. Керамические изделия, предметы из металла, собрание нумизматических материалов представляют уникальную коллекцию ГМИ РК им. И.В. Савицкого. Своеобразие и ценность представленной выставки в том, что материалы отдела археологии ранее не экспонировались как единое целое, не были каталогизированы. Публикация обширного каталога произведений материальной культуры и искусства древности и средневековья может стать стимулом для исследователей, любителей искусства и истории.

ИСТОЧНИКИ

Коллекционные описи ХАЭЭ переданных ГМИ материалов исследований разных лет (1964–1987 гг.) // Фонд учета и хранения ГМИ РК им. И.В. Савицкого. Папки № 13–22.

ЛИТЕРАТУРА

Абдуллаев К. Два фрагмента люстровой керамики из Бухары. История материальной культуры Узбекистана. Ташкент, 1979.

Агапов П., Кадырбаев М. Сокровища Древнего Казахстана. Алма-Ата, 1979.

Андреанов Б.В. Древние оросительные системы Приаралья (в связи с историей возникновения и развития орошаемого земледелия). М., 1969.

Атагарриев Е. Средневековый Дехистан: история в культуре города Юго-Западного Туркменистана. Ленинград: Наука, 1986.

Булатов Н.М. К вопросу о становлении керамического ремесла в золотоордынских городах // Вестник Московского государственного университета. Серия История. 1969. № 2. С. 46–59.

Вязьмитина М.И. Керамика Айртама времен кушанов // Труды АН УзССР, Термезская экспедиция. Т. II. Ташкент, 1945. С. 35–53.

Вактурская Н.Н. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX–XVII вв.) // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. IV. М., 1959. С. 261–342.

Вейрман В.В. Искусство арабских стран и Ирана VII–XVII вв. М., 1974.

Вишневская Н.Ю. Механизмы формирования керамического комплекса юга Хорезма в IX в. (на материале городища Джигербент) // Тезисы докладов Международного симпозиума «Приаралье на перекрестке культур» и II-го полевого Семинара «Археология древнего Ташкырманского оазиса», посвященных 100-летию со дня рождения академика АН Республики Узбекистан С.П. Толстова. Нукус-Бустан-Беруни, 2007. С. 15–16.

Воробьева М.Г. Керамика Хорезма античного периода // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. IV. М., 1959. С. 63–220.

Доспанов О.Т. Жампык кала орта асирлер естелиги. Нокис: «Билим», 1992.

Доспанов О.Т. О нескольких фрагментах средневековой поливной керамики из фондов ГМИ РК им. И.В. Савицкого (к исследованию материальной культуры Южного Приаралья) // Урто Осиё тарихи ва археологияси. Термез, 2022. № 7. С. 117–123.

Доспанов О.Т. Архитектурный декор на хумах из средневековой усадьбы на Кават кале // Урта Осиё тарихи ва археологияси. 2023. № 8. С. 35–40.

Дудаков А.С. Изучение рудников жерновов на территории Узбекистана // Общественные науки в Узбекистане. 1990. № 11. С. 48–50.

Искандерова А.Д., Султанова М.Н. Орнаментация глазурованной керамики Хорезма (XIII–XIV вв.) // Археология Евразийских степей. 1922. № 3. С. 57–73.

Кдырниязов М.Ш. Материальная культура городов Хорезма в XIII–XIV вв. Нукус, 1989.

Кдырниязов М.Ш. Люстровый кувшин из Миздахкана // Записки Восточного отделения Российского археологического общества. Новая серия II (XXII). Петербургское востоковедение. Санкт-Петербург, 2006. С. 122–124.

Курбанова З.И. Этнографическая наука Каракалпакстана: этапы становления, современное состояние. Нукус: «Илим», 2020.

Маньолов Ю.П. Археологические памятники Султануиздага эпохи античности и средневековья. Автореферат кандидатской диссертации. Ташкент, 1972.

Неразник Е.Е. Керамика Хорезма Афригидского периода // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. IV. М., 1959. С. 221–260.

Неразик Е.Е. Сельские поселения Афригидского Хорезма (по материалам Беркуткалинского оазиса). М.: Наука, 1966.

Неразик Е.Е., Савицкий И.В., Маньлов Ю.П. Раскопки в зоне средневекового канала Гавхорэ в 1971 г. // Вестник Каракалпакского филиала Академии наук Узбекистана. 1975. № 4. С. 54–61.

Неразик Е.Е. Сельское жилище в Хорезме (I–XIV вв.). Из истории жилища и семьи. Археолого-этнографические очерки // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. IX. М.: «Наука», 1976.

Тереножкин А.И. Археологические разведки в Хорезме // Советская археология. 1940. № VI. С. 168–189.

Тереножкин А.И. О древнем гончарстве в Хорезме // Известия Узбекского филиала Академии наук. 1940. № 6. С. 56–61.

Тереножкин А.И. Согд и Чач // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. XXXIII. М.-Л., 1950. С. 152–169.

Толстов С.П. Опыт хронологической классификации памятников древнего и средневекового Хорезма // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. Вып. XIII. 1946. С. 145–149.

Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948.

Толстов С.П. Периодизация истории Средней Азии // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. Вып. XXVIII. 1949. С. 26–27.

Толстов С.П. Итоги двадцати лет работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (1937–1956) // Советская этнография. 1957. № 4. С. 31–59.

Тревер К.В., Якубовский А.Ю., Воронец М.Э. История народов Узбекистана. Т. 1. С древнейших времён до начала XVI века. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1950.

Хожаниязов Г., Кдырниязов М.Ш. Коллекция поливных чаш из Кзыл-калы // Изобразительное и прикладное искусство. Культура Среднего Востока / под ред. Г.А. Пугаченковой. Ташкент: Фан, 1989. С. 91–101.

Ягодин В.Н. Городище Хайван кала – Раннесредневековый Кердер. Археологические исследования в Каракалпакии. Ташкент, 1981.

Lane A. Later Islamic Pottery. Persia, Syria, and Turkey. London: Faber and Faber, 1957. XVI. 133 p.

Lane A. Early Islamic Pottery. Mesopotamia, Egypt and Persia. London: Faber and Faber, 1958. XI. 52 p.

Morgan P. New thoughts on old Hormus: Chinese ceramics in the Hormus region in the thirteenth and fourteen centuries // «Iran». London. 1991. Vol. 29. Pp. 67–83.

Сведения об авторе: Доспанов Октябрь Турганбаевич, заведующий отделом археологии, Государственный музей искусств Республики Каракалпакстан им. И.В. Савицкого (230100, ул. Т.Каипбергенова, 52, Нукус, Каракалпакстан, Республика Узбекистан); oktyabrd@gmail.com

Поступила 10.04.2023

Принята к публикации 05.06.2023

**CERAMIC MATERIALS AT THE EXHIBITION
OF THE SOUTHERN ARAL SEA REGION ARCHAEOLOGICAL HERITAGE
FROM THE COLLECTIONS OF I.V. SAVITSKY STATE MUSEUM OF ARTS
OF THE REPUBLIC OF KARAKALPAKSTAN**

O.T. Dospanov

*I.V. Savitsky State Museum of Arts of the Republic of Karakalpakstan
Nukus, Karakalpakstan, Republic of Uzbekistan
oktyabrd@gmail.com*

Analysis of the archaeological exhibition organised by I.V. Savitsky State Museum of Arts of the Republic of Karakalpakstan, sheds light on the chronological framework of the archaeological heritage of the Southern Aral Sea Region. For the first time, the thematic exposition reveals the degree of available information on Ancient Khorezm monuments in terms of the ceramic production development and its relevance for studying the history of material culture. The exhibition acquires special significance in the context of the popularisation of historical science as a way to preserve the historical and cultural heritage in modern society. The display of the collections is a natural result of the work of several generations of the Khorezm archaeological and ethnographic expedition archaeologists, as well as the actual Karakalpak school of archeology. The exhibition of archaeological collections stirs interest in further research, promotes the popularisation of science, and stimulates the tourism industry development. It is a token of appreciation of sorts to the academic community, discoverers of the history of ancient and medieval culture, the creators of the Karakalpak school of archeology.

Keywords: archeology, exhibition, ceramics, I.V. Savitsky State Museum of Arts of the Republic of Karakalpakstan.

For citation: *Dospanov O.T. (2023) Ceramic materials at the exhibition of the Southern Aral Sea Region archaeological heritage from the collections of I.V. Savitsky State Museum of Arts of the Republic of Karakalpakstan. Istoricheskaya etnologiya [Historical Ethnology]. Vol. 8. No. 2: 178–201. DOI: 10.22378/he.2023-8-2.178-201 (In Russ.)*

REFERENCES

- Abdullaev K. (1979) *Two fragments of luster ceramics from Bukhara. History of the material culture of Uzbekistan*. Tashkent. (In Russ.)
- Agapov P., Kadyrbaev M. (1979) *Treasures of ancient Kazakhstan*. Alma-Ata. (In Russ.)
- Andrianov B.V. (1969) *Ancient irrigation systems of the Aral Sea Region (in relation to the history of the emergence and development of irrigated agriculture)*. Moscow. (In Russ.)
- Atagarryev E. (1986) *Medieval Dehistan: history in the culture of the city of South-Western Turkmenistan*. Leningrad: Nauka Publ. (In Russ.)
- Bulatov N.M. (1969) Revisiting the question of the formation of ceramic crafts in the Golden Horde cities. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya [Bulletin of Moscow State University. History Series]*. No. 2: 46–59. (In Russ.)
- Dospanov O.T. (1992) *Jampyk kala is a monument of middle-age captives*. Nukus: Bilim Publ. (In Karak.)

Dospanov O.T. (2022) On several fragments of medieval glazed ceramics from the funds of I.V. Savitsky State Museum of Fine Arts of the Republic of Kazakhstan (to the study of the material culture of the Southern Aral Sea). *Urta Osie tarikhi va arkheologiyasi* [The history and archeology of Central Asia]. Termez. No. 7: 117–123. (In Karak.)

Dospanov O.T. (2023) Architectural decor on hums from a medieval estate on Kavut Kale. *Urta Osie tarikhi va arkheologiyasi* [History and archeology of Central Asia]. No. 8: 35–40. (In Russ.)

Dudakov A.S. (1990) The study of millstone mines on the territory of Uzbekistan. *Obshchestvennye nauki v Uzbekistane* [Social sciences in Uzbekistan]. No. 11: 48–50. (In Russ.)

Iskanderova A.D., Sultanova M.N. (1922) Ornamentation of glazed ceramics of Khorezm (13th–14th centuries). *Arkheologiya Evraziyskikh stepey* [Archeology of the Eurasian steppes]. No. 3: 57–73. (In Russ.)

Kdyrniyazov M.Sh. (1989) *Material culture of the cities of Khorezm in the 13th – 14th centuries*. Nukus, 1989. (In Russ.)

Kdyrniyazov M.Sh. (2006) Luster jug from Mizdahkan. In: *Notes of the Eastern Branch of the Russian Archaeological Society. New Series II (XXII). Petersburg oriental studies*. St. Petersburg: 122–124. (In Russ.)

Khozhaniyazov G., Kdyrniyazov M.Sh. (1989) Collection of irrigation bowls from Kyzyl-Kala. In: Pugachenkova G.A. (eds) *Fine and Applied Art. Culture of the Middle East*. Tashkent: Fan Publ: 91–101. (In Russ.)

Kurbanova Z.I. (2020) *Ethnographic science of Karakalpakstan: stages of formation, current state*. Nukus: Ilim Publ. (In Russ.)

Lane A. (1957) *Later Islamic Pottery. Persia, Syria, and Turkey*. London: Faber and Faber. XVI.

Lane A. (1958) *Early Islamic Pottery. Mesopotamia, Egypt and Persia*. London: Faber and Faber. XI.

Manylov Y.P. (1974) *Archaeological monuments of Sultanuzdag of antiquity and the Middle Ages*. Abstract Cand. Hist. Sciences. Tashkent.

Morgan P. (1991) New thoughts on old Hormus: Chinese ceramics in the Hormus region in the thirteenth and fourteenth centuries. London, Iran Publ. Vol. 29: 67–83.

Nerazik E.E. (1959) Ceramics of Khorezm of the Afrigid period. *Trudy Khorezmskoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii* [Proceedings of the Khorezm archaeological and ethnographic expedition]. Vol. IV. Moscow: 221–260. (In Russ.)

Nerazik E.E. (1966) Rural settlements of Afrigid Khorezm (based on materials from the Berkutkala oasis). Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)

Nerazik E.E. (1976) Rural dwelling in Khorezm (1st–14th centuries). In: *Proceedings of the Khorezm archaeological and ethnographic expedition*. Vol. IX. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)

Nerazik E.E., Savitsky I.V., Manylov Yu.P. (1975) Excavations in the zone of the medieval Gavkhore canal in 1971. *Vestnik Karakalpakskogo filiala Akademii nauk Uzbekistana* [Bulletin of the Karakalpak branch of the Academy of Sciences of Uzbekistan]. No. 4: 54–61. (In Russ.)

Terenozhkin A.I. (1940) Archaeological exploration in Khorezm. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archeology]. No. VI: 168–189. (In Russ.)

Terenozhkin A.I. (1940) On ancient pottery in Khorezm. *Izvestiya Uzbekskogo filiala Akademii nauk* [News of the Uzbek branch of the Academy of Sciences]. No. 6: 56–61. (In Russ.)

Terenozhkin A.I. (1950) Sogd and Chach. In: *Brief reports of the Institute of the History of Material Culture*. Vol. XXXIII. Moscow-Leningrad: 152–169. (In Russ.)

Tolstov S.P. (1946) Experience of chronological classification of monuments of ancient and medieval Khorezm. In: *Brief reports on reports and field studies of the Institute of the History of Material Culture*. Vol. XIII: 145–149. (In Russ.)

Tolstov S.P. (1948) *In the footsteps of the ancient Khorezmian civilization*. Moscow. (In Russ.)

Tolstov S.P. (1949) Periodisation of the history of Central Asia. In: *Brief reports on reports and field studies of the Institute of the History of Material Culture*. Vol. XXVIII: 26–27. (In Russ.)

Tolstov S.P. (1957) The results of twenty years of work of the Khorezm archaeological and ethnographic expedition (1937–1956). *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography]. No. 4: 31–59. (In Russ.)

Trever K.V., Yakubovskiy A.Y., Voronets M.E. (1950) *The history of the peoples of Uzbekistan*. Vol. 1. From ancient times to the beginning of the 16th century. Tashkent: Uzbek SSR Academy of Sciences. (In Russ.)

Vakturskaya N.N. (1959) Chronological classification of medieval ceramics of Khorezm (9th–12th centuries). In: *Proceedings of the Khorezm archaeological and ethnographic expedition*. Vol. IV. Moscow: 261–342. (In Russ.)

Veyrman V.V. (1974) *The art of the Arab countries and Iran of the 7th–17th centuries*. Moscow. (In Russ.)

Vishnevskaya N.Y. (2007) Mechanisms of formation of the ceramic complex of the south of Khorezm in the 9th century (a case study of the ancient settlement Jigerbent). In: *Abstracts of the International Symposium “The Aral area at the crossroads of cultures” and the II field Seminar “Archaeology of the ancient Tashkyrman oasis”, dedicated to the 100th anniversary of S.P. Tolstov, Academician of the Republic of Uzbekistan Academy of Sciences*. Nukus-Bustan-Beruni: 15–16. (In Russ.)

Vorob’eva M.G. (1959) Khorezm ceramics of the ancient period. In: *Proceedings of the Khorezm archaeological and ethnographic expedition*. Vol. IV. Moscow: 63–220. (In Russ.)

Vyaz’mitina M.I. (1945) Airtam ceramics of the Kushan times. In: *Proceedings of the Academy of Sciences of the Uzbek SSR, Termez expedition*. Vol. II. Tashkent: 35–53. (In Russ.)

Yagodin V.N. (1981) *Hayvan kala ancient settlement – Early medieval Kerder. Archaeological research in Karakalpakstan*. Tashkent. (In Russ.)

About the author: Oktyabr T. Dospanov, Head of the Department of Archeology, I.V. Savitsky State Museum of Arts of the Republic of Karakalpakstan (52, T.Kaipbergenov St., Nukus 230100, Karakalpakstan, Republic of Uzbekistan); oktyabrd@gmail.com

Received April 10, 2023

Accepted for publication June 5, 2023

ТАТАРСКИЙ КОСТЮМ В МУЗЕЙНЫХ СОБРАНИЯХ РОССИИ

С.В. Сулова

*Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
sv_suslova@mail.ru*

Статья представляет собой обзор коллекций по народному костюму татар, хранящихся в фондах многочисленных музеев России и Татарстана. В ней содержится информация о традиционных типах верхней и нижней одежды, обуви и украшений волго-уральских татар (казанских, касимовских, мишарей, кряшен), а также аналогичные сведения по костюму астраханских, сибирских татар, проживающих на территории Российской Федерации. Особое внимание уделено женскому костюму, в наибольшей степени характеризующему народное декоративно-прикладное искусство. Значительная часть коллекций неплохо паспортизирована с указанием региона бытования, половозрастной принадлежности, местной терминологии. Материалы коллекций отражают этнолокальные и региональные особенности традиционной одежды. При условии твердой атрибуции музейные предметы имеют преимущества перед другими историческими источниками. Особую ценность представляют собой артефакты начала – середины XIX в. и более раннего времени – средневековые «нетленные» металлические украшения, кожаные изделия и др. Они служат надежной иллюстрацией для реконструкции донациональных вариаций костюма, чрезвычайно востребованных в современных музейных, театральных и обрядово-ритуальных практиках. Музейные артефакты при использовании синхронно-диахронных методик сравнительно-исторического анализа способствуют изучению истории татарского костюма, являющейся в значительной степени отражением этно- и культурогенеза народа в целом.

Ключевые слова: волго-уральские татары, сибирские татары, астраханские татары, музейные коллекции, традиционная одежда, региональные комплексы.

Для цитирования: Сулова С.В. Татарский костюм в музейных собраниях России // Историческая этнология. 2023. Т. 8. № 2. С. 202–221. DOI: 10.22378/he.2023-8-2.202-221

Выявление и изучение музейных материалов по костюму волго-уральских татар было связано с осуществлением крупномасштабного проекта «Историко-этнографический атлас татарского народа» (1970–1990 гг.). В ходе работы по этому проекту автором и другими сотрудниками Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала АН СССР были изучены многочисленные фонды государственных, областных, районных музеев России. Параллельно с целью сравнительно-исторического анализа выявлялись и атрибутировались этнографические коллекции по народному костюму астрахан-

ских, сибирских татар. Все это позволило собрать богатейший, порою уникальный, материал по народной одежде татар, проживающих в Российской Федерации. Традиционная одежда к концу прошлого столетия практически вышла из употребления. Только со слов информаторов и по отдельным сохранившимся в быту вещам невозможно воссоздать облик народного костюма начала – середины XIX в., особенно региональных его проявлений. Источниковой базой для его воссоздания, наряду с экспедиционными данными, служат музейные материалы.

Основу музейных собраний по костюму волго-уральских татар составляют этнографические коллекции Национального музея Республики Татарстан (Казань) и Российского этнографического музея (Санкт-Петербург).

Рис. 1. Праздничная одежда сельской мусульманки. Казанские татары. НМ РТ.

В фондах Национальный музей Республики Татарстан (Казань) (НМ РТ) содержатся материалы, наглядно иллюстрирующие комплексы одежды татар-мусульман и кряшен (крещеных татар), происходящие главным образом из г. Казани и уездов бывшей Казанской губернии (рис. 1). Коллекция насчитывает более 400 предметов, в том числе все известные в Казанской губернии типы плечевой одежды (верхней и нижней), головных уборов, обуви, украшений, аксессуаров. Рубах (женских, мужских, детских) – свыше 40. Из них к середине XIX в. относится более десятка. Три женских и четыре мужских рубахи (в том числе вышитые свадебные) происходят из ранних коллекций известных казанских коллекционеров А.Ф. Лихачева и Л.О. Сиклера. Среди них имеются и домотканые, и парчовые рубахи из среднеазиатских тканей. Остальные экземпляры представляют собой различные (по покрою, декоративному оформлению) рубахи, хронологически соответствующие концу XIX – началу XX в. и более позднему времени. Это традиционные туникообразные женские рубахи с удлиненным и укороченным остовом и рубахи в талию с обильными сборками сзади (наподобие шлейфа) и сильно присборенной головкой рукава.

Из верхней одежды в большом количестве присутствуют камзолы – около 50 ед. хр., в том числе и мужские. В названное число входят женские камзолы середины XIX в., сшитые из тяжелых парчовых тканей. Это наиболее ценные в коллекции вещи. Детские камзолы с короткими до локтя рукавами представлены единично, хотя они по полевым данным бытовали достаточно широко. *Жиленов*, *чекменей* и *чапанов* – более двух десятков; самые ранние из них также относятся к середине XIX в.

Чрезвычайно широко (типологически и хронологически) представлены женские головные уборы (различные типы калфаков, тастаров и других покрывал) и мужские, а также обувь (кожаная, лыковая, валяная), причем не только из уездов Казанской губернии, но и из некоторых весьма отдаленных районов, например, мишарские и касимовские тастарные комплексы из Окско-Сурского междуречья.

Фонды НМ РТ являются крупнейшей сокровищницей татарского ювелирного искусства и, главным образом, украшений женского костюма (Сулова, 1976: 56–62). Их основу составили коллекции частного собрания (№ 80–85; 89–93; 99) казанского археолога и этнографа А.Ф. Лихачева – около 600 предметов. Коллекции А.Ф. Лихачева включают полный комплекс женских украшений казанских татар середины XIX в. Среди них особо можно отметить украшения, относящиеся к ранним периодам этнокультурной истории народа. Так, в его коллекциях встречаются оригинальные литые застёжки для женского камзола, представляющие собой миниатюрные конструктивные аналоги этноспецифического воротникового ожерелья *яка чылбыры*. Застёжки отличаются особой художественно-образной выразительностью; большая их часть в той или иной мере напоминает стилизованные сдвоенные личины барана. По комплексу декоративных и технологических параметров их можно отнести к XVII–XVIII вв.

В целом собрание А.Ф. Лихачева «замечательно потому, что составлено не только любителем, но и образованным специалистом-знатоком, который определяет значение приобретенных им вещей с научной точки зрения и старается сделать свое собрание известным ученому миру, описывая и ученым образом исследуя его» (Шпилевский, 1877: 267).

Весьма внушительными являются коллекции Л.О. Сиклера – члена Общества археологии, истории и этнографии при Казанском императорском университете, приобретенные им в Казани в конце XIX – начале XX в. Каждая из его двенадцати коллекций (всего 1135 предметов) представляет собой собрание одного вида украшений. Это, например, серьги, нагрудные перевязи, воротниковые застёжки-ожерелья, наконечники, браслеты и т.д. Эти драгоценности впервые были презентованы Б.Ф. Адлером в «Казанском музейном вестнике» (Адлер, 1922: 38). Хронологически собрания Л.О. Сиклера, судя по этой публикации, относятся к более позднему времени, чем коллекции А.Ф. Лихачева, и они больше отражают быт городского сравнительно зажиточного населения (рис. 2).

В фондах НМ РТ, кроме двух основных собраний, хранятся и другие достаточно ценные в научном отношении коллекции. К таким, например, можно отнести украшения бывшего Музея народов Востока, Всесоюзной сельскохозяйственной выставки 1923 г., этнографические коллекции Селькредитпрома 1926 г. и др.

Рис. 2. Фрагмент ювелирного украшения *хаситэ*. Плоская и бугорчатая филигрань. Аметисты, бирюза, самоцветы. Казанские татары. НМ РТ.

Дореволюционные и ранние послереволюционные материалы являются преимущественно случайными собраниями коллекционеров. Началом же принципиально нового подхода к сбору этнографических материалов можно считать экспедиции 1920–1927 гг., руководимые Н.И. Воробьевым (Воробьев, 1927: 192–195). В двадцатые годы прошлого столетия им были обследованы татарские селения Арского, Мамадышского, Мензелинского, Челнинского, Чистопольского и ряда других кантонов республики; а приобретенные артефактыполнили музейные фонды. Заслуга профессора Воробьева в том, что в отличие от предшествующих исследователей, эпизодически обращавшихся к этнографии татар, он заложил основы системного изучения их культуры и быта, включая и народный костюм. В своих трудах (Воробьев 1953) ученый вплотную подошел к пониманию важности использования типологических подходов при систематизации этнографического материала. Это позволяло проследить эволюцию этноспецифических элементов, увидеть аналоги у других народов и, тем самым, поставить вопрос о генезисе традиционной культуры татарского народа (Габдрахманова и др., 2013: 162–178).

Более 30 коллекций по одежде татар поступили в музей в 1950–60-е гг.: коллекции профессионально описаны и, по возможности, атрибутированы.

Чрезвычайно ценными являются материалы, собранные в этнографических экспедициях в 1970–80-е гг. научным сотрудником музея М.К. Завьяловой. При сборе материалов она, кроме перечисленных выше моментов, обращала внимание

на выявление специфики локальных комплексов костюма. В 1996 г. ею опубликован красочный альбом-каталог по материалам НМ РТ (Завьялова, 1996).

Не менее важной представляется коллекция (около 200 предметов), поступившая в 1986 г. от этнографов Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала АН СССР. Эти материалы, порою целые региональные комплексы костюма, были собраны и атрибутированы учеными в

Рис. 3. Выходной костюм казанской татарки. РЭМ.

Рис. 4. Головной убор *ортэк* пожилой женщины. Казанские татары. РЭМ.

середине прошлого века в процессе сплошного территориального обследования татар в рамках Историко-этнографического атласа.

Крупнейшим хранилищем традиционного костюма являются фонды Российского этнографического музея (Санкт-Петербург) (рис. 3, 4, 5). Комплектование татарских коллекций в дореволюционный период производилось различными путями. Часть их поступала с выставок (Парижской всемирной 1900 г., Кустарной Всероссийской 1902 г., с выставки археологической комиссии 1911 г. и др.). Другие доставлялись в музей с мест татарскими собирателями – Ахмаровым, Абдрашитовым. Ряд коллекций по костюму татар (к сожалению, не в полном объеме паспортизированных) был приобретен музеем у известных коллекционеров Ф.М. Плюшкина и графини Н.Л. Шабельской (рис. 6). Уникальная коллекция по женской одежде татар-мишарей (д. Караево Темниковского уезда Тамбовской губернии) куплена в 1903 г. у В.П. Шнейдера. Следует заметить, что одна из рубах этой коллекции (Российский этнографический музей (Санкт-Петербург) (РЭМ), колл. 360/8) из белой льняной ткани домашнего производства, расшитой цветным шелком в технике мелкого креста, в монографии Н.И. Гаген-Торн ошибочно трактуется как кряшенская (Гаген-Торн, 1960: 50).

Рис. 5. Женские узорные ичиги *каюлы читек*. Казанские татары. РЭМ.

Рис. 6. Женское нагрудное украшение лунница *айчык*. Казанские татары. РЭМ (Из собраний Н.Л. Шабельской).

Достаточно полно собран материал по костюму мусульман и кряшен Сарапульского и Елабужского уездов Вятской губернии народным учителем И.К. Зеленовым, а кряшен Казанской губернии профессором И.Н. Смирновым. В 1915 и 1917 гг. идентичные коллекции (свыше 200 предметов) по касимовским и уфимским татарам Бирского уезда были доставлены сотрудником музея А.К. Сержпутовским. Основные дореволюционные коллекции по костюму мишарей собраны в уездах Уфимской губернии С.М. Петровым.

Рис. 7. Воротниковая застёжка-ожерелье *яка чылбыры*. Серебро, позолота, филигрань, самоцветы, бирюза. Казанские татары. РЭМ.

Фонды РЭМ включают богатейшее собрание татарских украшений, в том числе и ювелирных – всего около 1300 предметов. Основу их составляет коллекция бывшего Московского музея народов СССР. В ней преобладают богатые серебряные украшения казанско-татарской знати, нередко позолоченные, значительная часть которых хранится в Особой кладовой музея. Интерес представляют многочисленные вариации традиционных серег, наручных украшений и особенно шейно-нагрудных (рис. 7). Некоторые из них являются уникальными, например, лунница-пектораль, декорированная традиционным чеканным цветочно-растительным орнаментом, розетками из сердолика, осыпанного бирюзовыми пастовыми вставками (РЭМ, инв. 25402).

В хранилищах РЭМ содержатся многочисленные дореволюционные поступления, приобретенные по поручению этнографического отдела Русского музея от частных лиц и сотрудников музея. В коллекции 1914 г., например, содержится старинное украшение казанских татар – головная повязка *баш хаситәсе* (РЭМ, инв. 3100/13), поступившая в музей от антиквара Абдрашитова из Казани и известная нам ранее лишь со слов информаторов. Она представляет собой металлическую филигранной работы цепочку из листовидных звеньев с прикрепленными к ней по центру округлой формы бляхами, изящно ниспадающими на лоб женщины. Это ювелирное изделие использовалось в комплексе каркасного головного убора начала XVIII в. В составе такого убора оно хорошо просматривается на известном изображении знатной татарки Корнелия де Бруини (1711). Коллекции в целом неплохо аннотированы. Большинство их отличает подробное описание экспоната, его местное название и назначение, место происхождения и возрастная принадлежность (носили данный элемент костюма девушки, женщины или старухи).

В 1927 г. из Ленинградского музейного фонда поступил комплект головных, шейно-нагрудных, наручных украшений крещеных татар – всего 27 предметов, представляющий научную ценность уже вследствие своей этнолокальной определенности (РЭМ, инв. 4653).

С конца 1950-х годов сбор этнографического материала осуществлялся по пути приобретения предметов, характеризующих быт среднего и беднейшего слоев населения «старой» татарской деревни, а в дореволюционных коллекциях преобладали вещи элитарные, отражающие быт городской верхушки. Такие артефакты представлены в коллекциях сотрудников музея С.А. Авижанской, Т.А. Крюковой (РЭМ, инв. 6983, 7428).

В отличие от фондов НМ РТ, которые иллюстрируют главным образом комплексы костюма татар основной этнической территории – уездов Казанской губернии, хранилища РЭМ содержат как отдельные элементы, так и ряд полных комплексов одежды самых различных этнолокальных групп народа. В них представлена одежда татар (середины XIX в. и конца XIX – начала XX в.) не только Казанской губернии, но и Уфимского Приуралья и Окско-Сурского междуречья. Совершенно уникальными являются комплексы женского и девичьего костюма XVIII – середины XIX в., приобретенные у мишарей Шадринского уезда Пермской губернии – переселенцев из Пензенской губернии. Не менее ценной реликвией является и ранний (XVIII – середина XIX в.) комплект одежды темниковских мишарей Елатомского уезда Тамбовской губернии

Татарский костюм фрагментарно представлен в Государственном историческом музее (Москва). В отделах ткани и металла хранятся предметы традиционной одежды казанских и уфимских татар, а также украшений, главным образом серег, район бытования которых не обозначен.

Существенная роль при изучении народной одежды принадлежит материалам из фондов областных, районных и даже школьных музеев, в силу их, как правило, региональной направленности – отражения костюма именно периферийных групп народа, чего порой недостает центральным музеям.

Так, богатые материалы к характеристике традиционной одежды касимовских татар и татар-мишарей Елатомского уезда Тамбовской губернии хранятся в Историко-краеведческом музее г. Касимова. Головных уборов – женских и мужских (летних и зимних) содержится около 60; некоторые из них типологически восходят к середине XIX в. Из ранних женских головных уборов здесь представлены вязаные девичьи калфаки, богато орнаментированные вышивкой (синелью) и большие бархатные калфаки, расшитые золотошвейной гладью цветочно-растительного характера, а также полотенеобразные тастары. К середине XIX в. относится и девичий убор *такья* (к сожалению, без инвентарного номера), также украшенный золотошвейной гладью. Из ранних мужских уборов особый интерес представляют бархатная тюбетейка в виде низкого конуса, искусно расшитая золотошвейной гладью (Касимовский историко-культурный музей-заповедник (ИКМК), инв. 2335) и золотошвейный также бархатный убор с околышем и тульей, скроенный из шести клиньев (ИКМК, инв.4312). Верхняя

одежда (около 30 предметов) включает различные типы распашной одежды. Среди женских камзолов имеются удлиненные, что говорит о вероятной принадлежности их к середине XIX в. К этому же времени можно отнести и женские камзолы с коротким рукавом. Мужская верхняя одежда представлена, главным образом, *чапанами* среднеазиатского типа. Рубах в фондах музея около десятка, в основном женские с вшивным рукавом, по покрою не отличающиеся от рубах, отражающих общегородские национальные направления в моде конца XIX – начала XX в. Достаточно хорошо в хронологическом отношении здесь представлена обувь (около двух десятков), в основном ичиги. Богато орнаментированные женские ичиги изготовлены в традиционной технике кожаной мозаики. Некоторые из них можно датировать периодом более ранним, чем середина XIX в. (ИКМК, инв.10278).

Коллекция ювелирных украшений этого фонда насчитывает свыше 200 предметов. Это головные, главным образом, накосные украшения и серьги, шейно-нагрудные, преимущественно воротниковые застёжки *яка чылбыры* и ожерелья, наручные украшения, а также всевозможные застёжки, бляхи и прочее. Часть украшений типологически можно отнести к середине XIX в. К сожалению, ювелирные изделия, как и коллекция этого музея в целом, полноценных аннотаций за редким исключением не имеет.

В Касимовском музее хранится ценная серия фотографий касимовских татар в старинной одежде. На двух из них изображена группа женщин в одежде середины XIX в.: в домотканых платьях, длинных камзолах и тастарных комплексах головных уборов (рис. 8). Кроме касимовских, в этом музее имеются материалы, отражающие, в определенной мере, и костюм темниковских мишарей Елатомского уезда Тамбовской губернии, особенно конца XIX – начала XX в.

Рис. 8. Касимовские татарки в традиционных одеждах середины XIX в. Фото. ИКМК.

Однако наиболее ценные материалы по костюму мишарей названного уезда, относящиеся к середине XIX в., хранятся в Историко-архитектурном музее-заповеднике г. Истры Московской области (ИАМЗИ), а также в Нижегородском историко-архитектурном музее-заповеднике. Здесь же хранятся и материалы, отражающие комплекс одежды сергачской мишарки. Это редкие экземпляры рубахи *юле кулмэк* и головного убора *башикец*, богато орнаментированные специфической аппликацией (лоскутный орнамент) (рис. 9).

Достаточно представительный материал по костюму мишарей Самарской и Саратовской губерний содержат фонды Саратовского краеведческого музея.

Коллекции приобретены, главным образом, в 20-е годы XX столетия сотрудником музея В.И. Трофимовым, а также профессорами Д.П. Степановым и Б.М. Соколовым. Из головных уборов здесь имеются хорошо аннотированные женские *калфаки* – черные бархатные, вышитые золотошвейной гладью, девичьи головные повязки *ука чачак*, мужские старинные головные уборы – из кожи и декорированного золотым шитьем бархата (рис. 10). Материалы Саратовский областной музей краеведения (СМК) по верхней и нижней одежде в основном также хорошо паспортизированы. В музее имеется несколько пар женской кожаной и плетеной обуви. Это узорные ичиги, ступни *башмак*, тупоносые и остроносые лапти с колодкой. Фонды музея содержат и местный набор женских украшений, относящихся к середине XIX в. Это, например, ожерелье *яка* – из бус, чередующихся с подвесками из серебряных монет (СМК, инв. 3916), ожерелье в виде цепи металлических звеньев, инк-

Рис. 9. Комплекс одежды с традиционной рубахой *юле кулмэк*. Аппликация. Сергачские мишари. ИАМЗИ.

Рис. 10. Мужской головной убор. Мишари. Бархат, золотное шитье. СМК.

рустированных яшмой (СМК, инв. 3936), а также накосное украшение *касник* (СМК, инв. 3936). Особую ценность составляет коллекция женских нагрудников, отражающая специфику костюма мишарей кузнецко-хвалынской группы. Нагрудники вышиты канителью, металлическими (золотными, серебряными) или шелковыми нитями в технике глади, с преобладанием вихревой розетки в центре орнаментального комплекса.

Кроме вещевого материала, здесь хранятся и ценные экспонаты в виде зарисовок и фотографий. Так, оригинальный способ ношения тастарного комплекса головного убора у кузнецко-хвалынских мишарей середины XIX в. показан на фотографии, сделанной в д. Мосеевка Кузнецкого уезда Саратовской губернии (СМК, инв. 51/13). Любопытно, что подобного наглядного материала, иллюстрирующего устную информацию, не пришлось встретить даже во время ранних экспедиций (60-е годы XX в.) известного этнографа Р.Г. Мухамедовой. Уникальны две групповые фотографии татар из д. Мансуркино Бугурусланского уезда Самарской губернии – мужчин, женщин, детей разных возрастных и социальных категорий в традиционных одеждах середины – конца XIX в.

Небольшая коллекция по костюму самарских татар конца XIX – начала XX в. представлена в экспозиции Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина. Это традиционного покроя женская рубаха с верхним воланом *оске итэкле кулмэк*, девичий головной убор *такья*, женское покрывало *француз яулык* и др. Татарский костюм этого региона содержится в районных музеях г. Похвистнево Самарской обл., г. Бугуруслана Оренбургской обл., и, особенно, в школьных музеях с. Алькино и с. Старое Ермаково Самарской обл.

В Оренбургском губернаторском историко-краеведческом музее хранится небольшая коллекция, отражающая в общих чертах особенности костюма оренбургских татар. Здесь имеется несколько женских камзолов, *жылэн* с длинными рукавами и позументной отделкой, мужские *казаки* и *чапан*, различные головные уборы, а также украшения женского костюма, как матерчатые, так и ювелирные, например, филигранные *яка чылбыры*, браслеты, выполненные в традиционной для Закавказья технике.

Фонды Ульяновского областного музея им. Гончарова содержат экспонаты по костюму татар Симбирского и Карсунского уездов бывшей Симбирской губернии, а также мишарей Хвалынского уезда Саратовской. Из головных уборов заслуживает внимания старинный *калфак* (Ульяновский областной краеведческий музей имени И.А. Гончарова (УКМ), инв. 13631) – голубой шелковый, украшенный цветочным орнаментом в розовых тонах (ушковая техника в сочетании с жемчугом). Любопытна коллекция нижних женских нагрудников, декорированных в технике золотошвейной и шелковой глади, иногда в сочетании с тамбурной техникой, выполненной разноцветным шелком, либо шерстью (УКМ, инв. 17360). Особый интерес представляет верхний бархатный темно-зеленого цвета нагрудник (аналог *алныча* кузнецко-хвалынских мишарей), богато орнаментированный золотошвейной гладью (УКМ, инв. 17624).

Костюм мишарей (особенно Пензенского и Инсарского уездов Пензенской губернии и Петровского уезда Саратовской губернии) в значительной степени отражают собрания Пензенского объединенного краеведческого музея. Коллекции отличаются содержанием редких, порою уникальных предметов середины XIX в., особенно головных уборов. Такими представляются женские волосники *сылавыч*, накосники-чехлы *чэчкап*, перевязи *чапук*, нагрудники *алныча*, головные покрывала *тастар*, орнаментированные золотной гладью (рис. 11). Эта же техника золотного шитья, нередко в сочетании с тамбурным швом украшает нижние нагрудники (Пензенский государственный объединенный краеведческий музей (ПОКМ), инв. 15061, 11602/2, 12779/46, 9939, 15062) и оригинальные мишарские перевязи *чапук* (ПОКМ, 15064).

Рис. 12. Комплект домотканой женской одежды. Полихромное браное (выборное) ткачество. Казанские (пермские) татары. ПКМ.

Рис. 11. Женский волосник *салавыч* с накосником-чехлом *чэчкап*. Золотное шитье. Мишари. ПОКМ.

Среди женских украшений, кроме многочисленных ювелирных изделий казанско-татарского образца, представлены чисто мишарские вариации. Это заколки для тастаров *кашлинэ* (ПОКМ, инв. 15095), шейное украшение *якалык*, напоминающее русскую *ожерелку* (ПОКМ, инв. 12350).

Сравнительно небольшая коллекция одежды имеется в фондах Пермского областного краеведческого музея. Предметы соответствуют главным образом концу XIX – началу XX в., плохо аннотированы. Известно только, что приобретены они у местных пермских татар. Из верхней распашной одежды наиболее интересной является домотканая *чоба* середины XIX в. (Пермский краеведческий музей (ПКМ), инв. 5979), а из нижней – ранние же домотканые туникообразные рубахи и передники (рис. 12). Дополнением и конкретизацией материалов этого музея можно считать немногочисленные, но хорошо аннотированные мате-

риалы Кунгурского краеведческого музея, приобретенные в Кунгурском уезде Пермской губернии. Здесь, в частности, имеются характерные для пермской группы татар варианты верхней одежды: *букавтан* (Кунгурский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник (ККМ), инв. 1600) и набор местных женских украшений – браслеты (ККМ, инв. 1336, 1562), воротниковые ожерелья *яка чылбыры*, накосники *чуллы*, типы обуви (ККМ, инв. 1301, 1334–1336, 1562, 1563).

Ценный материал по татарам Уфимского Приуралья содержится в фондах Национального музея Республики Башкортостан. Здесь, наряду с широко распространенными в конце XIX – начале XX в. уборами, имеется серия старинных головных уборов середины XIX в. К таким можно отнести, например, мужской головной убор, кроенный из шерстяной ткани с околышем, богато орнаментированный тамбурной вышивкой цветочно-растительного характера. Из

Рис. 13. Женская домотканая одежда. Кряшены. Школьный музей. д. Васильевка Альметьевского р-на Татарстана.

ранних женских головных уборов здесь хранится большой бархатный *калфак* молодой женщины, искусно орнаментированный золотошвейной гладью (Национальный музей Республики Башкортостан (Уфа) (БКМ), инв. 3176) и головное треугольное покрывало пожилой женщины *өрпәк* (БКМ, инв. 3093/473).

Важную роль играют материалы многочисленных районных и школьных музеев, отражающие локальные особенности народного костюма. Наиболее значительными в этом отношении являются музеи городов Альметьевска, Бугуруслана, Чистополя, Бугульмы, Мамадыша, Чебаркуля, сел Большие Тарханы, Ципья и др. (рис. 13).

Так, общее представление об одежде крещеных татар нагайбаков дают коллекции районных краеведческих музеев в г. Чебаркуле (Чебаркульский район Челябинской области) и в с. Фершампенуаз (Нагайбакский район Челябинской области).

Здесь имеются материалы, отражающие местные особенности головных уборов, верхней одежды, рубах и женских украшений.

С костюмом приуральских татар, в том числе и тептярей, Учалинского района Башкортостана знакомят коллекция Историко-краеведческого музея г. Учалы и Ахуновского сельского музея. Здесь хранятся элементы и полные комплексы одежды конца XIX – начала XX вв.; ряд экспонатов (головные уборы и обувь) относятся к более раннему времени (рис. 14).

Фонды российских музеев хранят многочисленные изобразительные материалы XVIII – начала XX в., научная ценность которых при использовании в комплексе с вещественными источниками представляет собой чрезвычайную ценность. Особенно ценны ранние изобразительные материалы, выполненные с натуры. Гравюры с изображением татарок в традиционных одеяниях сопровождали, как известно, письменные сочинения XVIII века «о народах, обычаях и их нравах». Изображение татарки в одеждах начала XVIII в. с полным набором традиционных элементов костюма видим в сочинении нидерландского путешественника и художника Корнелиса де Бруина (Cornelis de Bruin, 1714). Детальное отображение каркасного головного убора в сочетании с налобным украшением *баш хаситэсе*, накосником типа *тезмэ*, традиционной рубахи с верхним воланом и специфическими элементами декора – нагрудником, высокой манжетой рукава и металлической амулетницей не оставляет сомнений в принадлежности женщины к знатному городскому сословию казанских татар. Её одеяние, включающее в себя средневековые элементы-украшения с большой долей вероятности можно отнести к ханскому времени.

Одежда татар середины XVIII в. запечатлена на гравюре И.Б. Лепренса (Государственный исторический музей (Москва) (ГИМ). Гр. И.Б. Лепренса. Отд. ИЗО. Я. 25; № 48), молодой татарки на рисунке художника В. Худякова (Государственный Русский музей (Санкт-Петербург) (ГРМ). Гр.5812 В. Худякова. Альбом. Художественный автограф), на гравюре Заунера «Татарин около пчелиного улья» (ГИМ. Гр. Заунера, Отд. ИЗО. Я. 25; № 184). Интересен выполненный маслом «Семейный портрет царицы Сююмбике» из собраний НМ РТ (инв. 944/1305).

Рис. 14. Комплект женской одежды приуральских татар. Музей с. Ахуново Учалинского р-на Башкортостана

Несомненную историческую ценность представляют собой рисунки и гравюры академика исторической живописи Е.М. Корнеева с изображением одежды татар конца XVIII – начала XIX в., а также три гравюры художника А.Е. Мартынова, оригиналы которых хранятся в Государственном Русском музее в Санкт-Петербурге (ГРМ инв. 27061, 27062, 27064). При просмотре гравюр А.Е. Мартынова обращает внимание головной убор на девицах-татарках – высокий красный конус с шариком наверху и позументной отделкой, нижняя часть убора унизана четырьмя рядами позолоченных монет. Именно такие уборы, по сообщению К. Фукса (Фукс, 1844: 18) встречались у татарок до середины XIX в. Своеобразной элегантностью, тонкостью и точностью изображения отличаются зарисовки татарок середины XIX в., выполненные Ф.Г. Солнцевым, В.И. Штернбергом, В.Г. Худяковым. Особое место среди этих материалов занимают рисунки и акварели известного латышского художника К.Ф. Гуна. Из общего количества этнографических рисунков, хранящихся в Государственном Русском музее в Санкт-Петербурге, 56 относится к татарам. Часть его акварелей опубликована в монографии А. Эглита (Эглит, 1955). Небольшие, почти миниатюрные изображения, созданные в 1862–1863 гг. во время его пребывания в г. Елабуге, выполнены с исключительной документальной точностью. Зафиксированные им с историко-этнографической достоверностью сельские и городские комплексы костюма мусульманок и кряшенок Вятской губернии дают четкое представление о покроях, формах, декоре, технологиях изготовления предметов одежды и конкретные сведения для выделения региональных и возрастных комплексов.

Российские музеи хранят богатый материал по традиционной одежде сибирских и астраханских татар. При изучении костюма сибирских татар особую историко-этнографическую ценность представляют собой коллекции Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника. Они чрезвычайно богаты и по содержанию (представлены все элементы, составляющие традиционный городской и сельский костюм), и по художественной ценности экспонатов – всего более 600 предметов (рис. 15). В фондах Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник (ТИАМЗ) содержится богатая коллекция ювелирных украшений, порою уникальных предметов, которые в разные периоды истории сопровождали костюм сибирско-татарской знати (Суслова, 2004: 210–229). Большое значение для воссоздания комплекса традиционной одежды сибирских татар имеют ранние (XIX – начало XX в.) фотографии и зарисовки. Их немного, около двух десятков. На одной фотографии (ТИАМЗ, инв. 11757) изображена семья рыбака в традиционных одеяниях начала XX в. из д. Ишкулово (заболотные татары). На двух других фотографиях запечатлены городские тобольские татарки в старинных костюмах XIX в. (ТИАМЗ, инв. 15559/22–23). В музее экспонируется и интересный в этнографическом отношении «Портрет Кульмаметьевой» художника П.П. Чукомина, на котором тобольская татарка – потомок известного сибирско-татарского рода, изображена в полный рост.

Рис. 15. Головные уборы-волосники *сарауц* сибирских татарок.
Золотное шитье. ТИАМЗ.

Коллекции по сибирско-татарскому костюму имеются в фондах Томского областного краеведческого музея: полный комплект женского костюма сибирской татарки, предметы мужской одежды, аксессуары (рис. 16). Интересны визуальные образы сибирских татар (томских, чулымских) середины прошлого века на фотографиях, сделанных в этнографических экспедициях А.П. Дульзона. Сибирско-татарский костюм – весьма ценные образцы традиционной верхней и нижней одежды, головных уборов, украшений экспонируются в Краеведческом музее с. Большеречье Омской области.

Рис. 16. Пояс знатного сибирского татарина. ТОКМ.

Рис. 17. Комплект традиционной женской одежды. Карагаш. АКМ.

В Астраханском историко-архитектурном музее-заповеднике и Саратовском областном краеведческом музее наряду с народной одеждой поволжских татар (казанских, мишарей) хранятся богатые материалы по костюму астраханских татар, а также близкородственных ногайских групп населения (карагашей, кундровцев) (рис. 17). Наиболее ранние татаро-ногайские аналогии прослеживаются в одежде южной группы мишарей – темниковско-азеевских, лямбирских, кузнецко-хвалынских (Суслова, 2020: 6–26). Ценные экспонаты Астраханского музея представлены в коллекциях П.А. Алексеева, собранных в сельских поселениях астраханцев (Астраханский государственный объединенный историко-архитектурный музей-заповедник (АКМ), инв. 3608, 3464, 9009–9010, 10023–10025). Эти материалы четко атрибутированы, в том числе и хронологически.

Фонды СМК по количеству экспонатов по костюму астраханских татар, значительно уступают АКМ, но по научной ценности в ряде случаев превосходят их. Центральное место в этом собрании принадлежит коллекциям и уникальным фотографиям профессионального этнографа В.И. Трофимова.

Подводя итог изложенным в публикации материалам, можно констатировать следующее: коллекции по традиционному костюму татар, хранящиеся в фондах и экспозициях российских музеев, весьма внушительны. В них представлено региональное разнообразие покроев одежды, конструкций и форм головных уборов, обуви, украшений, богатство декоративно-художественного оформления костюма. Значительная их часть неплохо паспортизирована с указанием региона бытования, половозрастной принадлежности, местной терминологии. Музейные материалы отражают этнолокальные и региональные особенности костюмных комплексов волго-уральских татар (казанских, касимовских, мишарей, кряшен), а также татар сибирских и астраханских. При условии твердой атрибуции музейные артефакты имеют безусловное преимущество перед другими видами исторических источников, в частности, изобразительными материалами, которые, зачастую, не являются документальными, а лишь воль-

ным воспроизведением подлинников художниками (Каралькин и др., 1964: 2). Особую ценность представляют собой артефакты начала–середины XIX в. и более раннего времени – средневековые «нетленные» металлические украшения, кожаные изделия и др. Они служат надежной иллюстрацией для реконструкции донациональных вариаций костюма, чрезвычайно востребованных в современных музейных, театральных и обрядово-ритуальных практиках. Музейные артефакты при использовании синхронно-диахронных методик сравнительно-исторического анализа способствуют изучению истории татарского костюма, являющейся в значительной степени отражением этно- и культурогенеза народа в целом.

ЛИТЕРАТУРА

Адлер Б.Ф. Коллекция Сиклера // Казанский музейный вестник. № 2. Казань: Издание Государственного Издательства Т. С. С. Р., 1922. С. 35–48.

Воробьев Н.И. Этнографические исследования в Татарской АССР с 1920 по 1927 г. // Этнография. 1927. № 1. С. 192–195.

Воробьев Н.И. Казанские татары. Казань: Татгосиздат, 1953.

Габдрахманова Г.Ф., Мусина Р.Н., Сулова С.В. Тюрко-татарский вектор российской этнологии (к 25-летию отдела этнологии Института истории Академии наук Республики Татарстан) // Этнографическое обозрение. № 5. 2013. С. 162–178.

Гаген-Торн Н.И. Женская одежда народов Поволжья (материалы к этногенезу). Чебоксары: Чувашское государственное издание, 1960.

Завьялова М.К. Татарский костюм. Из собраний государственного музея Республики Татарстан. Казань: Заман, 1996.

Каралькин П.И., Крюкова Т.А., Предтеченская З.В. Использование этнографических коллекций как источника в научно-исследовательской работе (Из опыта ГМЭ народов СССР). М: Наука, 1964.

Сулова С.В. Коллекции Государственного музея Татарии, как основной источник при изучении женских украшений казанских татар // Из истории культуры и быта татарского народа и его предков. Казань, 1976. С. 56–62.

Сулова С.В. Сибирско-татарская коллекция ювелирных украшений Тобольского музея как историко-этнографических источник // Татарская археология. Казанское и другие татарские ханства: археология, эпиграфика и искусство. Казань: Институт истории АНТ, 2004. С. 210–229.

Сулова С.В. Материалы к культурогенезу волго-уральских татар: ногайский компонент в структуре народного костюма // Историческая этнология. 2020. Т. 5, № 1. С. 6–26. DOI: 10.22378/he.2020-5-1.6-26

Фукс К.Ф. Казанские татары в статистическом и этнографическом отношениях. Казань, 1844.

Штилевский С.М. Древние города и другие болгаро-татарские памятники в Казанской губернии. Казань: Унив. тип., 1877.

Элит А. Карл Фёдорович Гун. Рига, 1955.

Cornelis de Bruin Reizen Over Moskovie, door Persie en Indie. Amsteldam: R. en G. Wetstein, 1714.

Сведения об авторе: Сулова Светлана Владимировна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнологических исследований, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); sv_suslova@mail.ru

Поступила 17.04.2023

Принята к публикации 05.06.2023

TATAR COSTUME IN MUSEUM COLLECTIONS OF RUSSIA

S.V. Suslova

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences

Kazan, Russian Federation

sv_suslova@mail.ru

The article is an overview of the collections on the folk costume of the Tatars, stored in the funds of numerous museums in Russia and Tatarstan. It contains information about the traditional types of upper and lower clothing, shoes and jewelry of the Volga-Ural Tatars (Kazan, Kasimov, Mishars, and Kryashens), as well as similar information on the costume of Astrakhan and Siberian Tatars living on the territory of the Russian Federation. Particular attention is paid to women's costume which characterizes folk arts and crafts to the greatest extent. A significant part of the collections is well passportised, indicating the region of existence, gender and age, and local terminology. The materials of the collections reflect the ethno-local and regional features of traditional clothing. On provision of firm attribution, museum objects have advantages over other historical sources. Artifacts from the early to mid-19th century and of the earlier period – medieval “imperishable” metal jewelry, leather goods, etc. are of particular value. They serve as a reliable illustration for the reconstruction of pre-national costume variations, which are extremely in demand in modern museum, theater, and ritual practices. When using the synchronous-diachronic methods of comparative historical analysis, museum artifacts considerably contribute to the study of the history of the Tatar costume, which largely reflects the ethno- and cultural genesis of the people as a whole.

Keywords: Volga-Ural Tatars, Siberian Tatars, Astrakhan Tatars, museum collections, traditional clothing, regional complexes.

For citation: Suslova S.V. (2023) Tatar costume in museum collections of Russia. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 8. No. 2: 202–221. DOI: 10.22378/he.2023-8-2.202-221 (In Russ.)

REFERENCES

- Adler B.F. (1922) Sickler Collection. *Kazanskiy muzhjnij vestnik* [Kazan Museum Bulletin]. No 2. Kazan: the State Publishing House Publ.: 35–48. (In Russ.)
- Cornelis de Bruin Reizen Over Moskovie, door Persie en Indie* (1714). Amsterdam: R. en G. Vetstein. (In Dutch.)
- Eglit A. (1955) *Karl Fedorovich Gun*. Riga. (In Russ.)
- Fuks K.F. (1844) *Kazan Tatars in statistical and ethnographic terms*. Kazan. (In Russ.)

Gabdrakhmanova G.F., Musina R.N., Suslova S.V. (2013) The Turko-Tatar vector of Russian ethnology (to the 25th anniversary of the Department of Ethnology of the Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences). *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. No. 5: 162–178. (In Russ.)

Gagen-Torn N.I. (1960) *Women's clothing of the Volga Region peoples: materials for ethnogenesis*. Cheboksary: Chuvashgosizdat Publ. (In Russ.)

Karal'kin P.I., Kryukova T.A., Predtechenskaya Z.V. (1964) *The use of ethnographic collections as a source in scientific research work (based on the experience of the State Museum of Ethnography of the USSR peoples)*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)

Shpilevskiy S.M. (1877) *Ancient towns and other Bulgar-Tatar monuments in the Kazan Province*. Kazan: University Printing House. (In Russ.)

Suslova S.V. (1976) Collections of the State Museum of Tatarstan as the main source for studying women's jewelry of Kazan Tatars. In: *From history of culture and life of the Tatar people and their ancestors*. Kazan: 56–62. (In Russ.)

Suslova S.V. (2004) Siberian-Tatar jewelry collection of the Tobolsk Museum as a historical and ethnographic source. In: *Tatar archeology. Kazan and other Tatar khanates: archeology, epigraphy and art*. Kazan: Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences: 210–229. (In Russ.)

Suslova S.V. (2020) Materials for the cultural genesis of the Volga-Ural Tatars: The Nogai component in the structure of folk costume. In: *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology], vol. 5, no. 1: 6–26. DOI: 10.22378/he.2020-5-1.6-26 (In Russ.)

Vorob'ev N.I. (1927) Ethnographic research in the Tatar ASSR from 1920 to 1927. *Etnografiya* [Ethnography]. No. 1: 192–195. (In Russ.)

Vorob'ev N.I. (1953) *Kazan Tatars*. Kazan: Tatgosizdat Publ. (In Russ.)

Zav'yalova M.K. (1996) *Tatar costume. From the collections of the State Museum of the Republic of Tatarstan*. Kazan: Zaman Publ. (In Russ.)

About the author: Svetlana V. Suslova, Cand. Sc. (History), Leading Research Fellow of the Department of Ethnological Research, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7A, Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation), sv_suslova@mail.ru

Received April 17, 2023

Accepted for publication June 5, 2023

**КОЛЛЕКЦИЯ ОТДЕЛА ЭТНОГРАФИИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ИСКУССТВ
РЕСПУБЛИКИ КАРАКАЛПАКСТАН ИМ. И.В. САВИЦКОГО**

З.И. Курбанова

*Каракалпакский научно-исследовательский институт
гуманитарных наук Каракалпакского отделения
Академии наук Республики Узбекистан
Нукус, Каракалпакстан, Республика Узбекистан
sapphire.ethno@gmail.com*

В статье анализируется коллекция предметов декоративно-прикладного искусства каракалпаков в собрании Государственного музея искусств Республики Каракалпакстан имени И.В. Савицкого. Коллекция предметов народного искусства сосредоточена в фондах отдела этнографии музея. Она всесторонне отражает традиционно-бытовую культуру каракалпакского народа. Предметы декоративно-прикладного искусства каракалпаков сосредоточены в следующих хранилищах: фонд ковровых изделий, ювелирных изделий, вышивки, изделий из дерева, металла и кожи. Тематически коллекция подразделена на предметы ювелирного искусства, конское снаряжение, ковровые изделия, юрта, одежда, кухонная утварь, посуда. Автором предпринята попытка охарактеризовать тематически и количественно коллекции отдела этнографии. Анализ поступления экспонатов не позволил идентифицировать их по району бытования, месту приобретения ввиду отсутствия в документации необходимых сведений. Большая часть экспонатов обладает лишь информацией о наименовании предмета и его функциональном назначении. Для создания полной картины накопления предметов прикладного искусства привлечены статистические сведения о поступлении предметов, начиная с 1967 по 2021 гг., показана динамика пополнения экспонатами.

Ключевые слова: Музей искусств, коллекции, декоративно-прикладное искусство, ковровые изделия, ювелирное искусство, вышивка, резьба по дереву.

Для цитирования: *Курбанова З.И.* Коллекция отдела этнографии Государственного музея искусств Республики Каракалпакстан им. И.В. Савицкого // Историческая этнология. 2023. Т. 8. № 2. С. 222–233. DOI: 10.22378/he.2023-8-2.222-233

Декоративно-прикладное искусство каракалпаков, получившее развитие еще в глубокой древности, оставило в наследство уникальные изделия мастеров, поражающие богатством художественной фантазии и совершенством форм. Оно представляет собой необычайно сложное и многообразное явление, включающее в себя искусство ювелиров, резчиков по дереву, ковроткачество, вышивку.

Предметы декоративно-прикладного искусства каракалпаков в современных условиях можно видеть лишь в собраниях музеев. В Республике Каракалпакстан обладателями наиболее полных коллекций являются Государственный Музей истории и культуры Республики Каракалпакстан и Государственный музей искусств Республики Каракалпакстан им. И.В. Савицкого (ГМИ РК им. И.В. Савицкого). Коллекции этих музеев по сей день не подверглись детальному научному изучению. Обращение к описанию предметов декоративно-прикладного искусства музея искусств им. И.В. Савицкого в некоторой степени служит восполнению этого пробела. Для достижения этой цели предпринята попытка количественного и качественного анализа предметов отдела этнографии музея.

Несколько слов об основателе музея

Игорь Витальевич Савицкий впервые попал в Каракалпакию в 1950 г. в составе археолого-этнографической экспедиции¹, в качестве художника (Бабаназарова, 2011: 2022). Здесь же произошло его знакомство с народно-прикладным искусством каракалпаков. Интерес к природе края, народу, его культуре и истории натолкнул Савицкого на мысль о создании музея народно-прикладного искусства. Его мечте суждено было осуществиться в 1966 г., когда после долгих лет хождений по инстанциям, вопрос об открытии музея был решен положительно. Став во главе нового музея, Савицкий с воодушевлением занялся собирательской работой. Одним из первых в структуре музея стал отдел народно-прикладного искусства (ныне этнографии).

Сбор и пополнение фонда этнографии

Основу собрания предметов декоративно-прикладного искусства ГМИ им. И.В. Савицкого составили 845 предметов, переданных в 1968 г. лабораторией прикладного искусства Института истории, языка и литературы Каракалпакского филиала Академии наук УзССР (ныне Каракалпакский научно-исследовательский институт гуманитарных наук Каракалпакского отделения Академии наук Республики Узбекистан). В дальнейшем собрание пополнялось за счет экспедиций, проводимых музеем, а также закупок разных лет. На сегодняшний день количество экспонатов народно-прикладного искусства насчитывает 8820 единиц. Хронологически коллекция охватывает период с конца XIX в. по первую половину XX в.

Пополнение коллекции происходило с разной степенью интенсивности на протяжении всего периода существования музея. Этот процесс продолжается и в настоящее время, однако в последние годы пополнение осуществляется в основном за счет предметов, передаваемых в дар. Из приведенной диаграммы хорошо видна динамика пополнения музейных фондов. Из нее можно видеть, что наибольшее количество экспонатов было приобретено в период с 1966 по

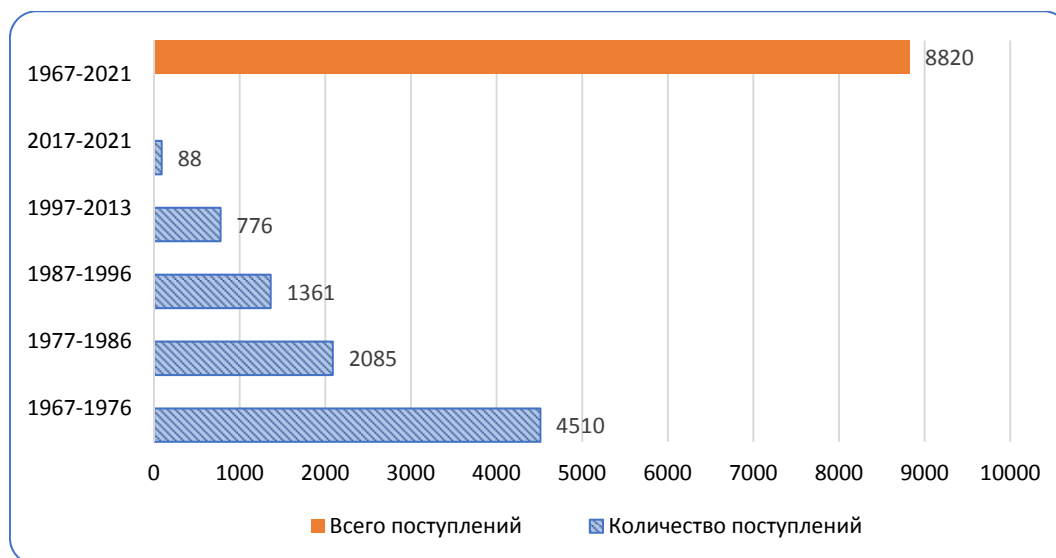
---

¹ Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция, организованная Институтом этнографии АН СССР (позже – Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН).

1980-е годы. К 1990-м годам процесс пополнения предметами декоративно-прикладного искусства замедляется, так как с этого времени при формировании бюджета музея перестали закладываться средства на покупку предметов. Прекращение финансирования закупок было вызвано новыми для республики условиями, экономическими сложностями. Это обстоятельство сказалось на пополняемости фондов музея.

Динамика поступлений экспонатов в ГМИ РК в 1967–2021 гг.

Характеристика предметов декоративно-прикладного искусства

Предметы декоративно-прикладного искусства каракалпаков сосредоточены в следующих фондах: ковровых изделий, ювелирных изделий, вышивки, изделий из дерева, металла, кожи. Тематически эти предметы подразделены на ювелирное искусство, конское снаряжение, ковровые изделия, юрта, одежда, кухонная утварь, посуда.

Одной из наиболее крупных является коллекция ювелирных изделий. Стоит она из женских украшений и мужских поясов. На сегодняшний день ювелирные изделия составляют 4021 предмет, из которых 3623 представляют женские украшения. Большинство ювелирных украшений изготовлены из меди, бронзы, олова, серебра по традиционным художественным канонам и технологии, инкрустированы сердоликом, бирюзой, кораллами.

Серьги в коллекции нескольких типов – серьги, основу которых составляют вертикальные фигурки, простые мелкие серьги, конусовидные, с гравировкой – *собық сырға*. *Шашақлы сырға* – серьги с бахромой. Серьги в форме полумесяца – *ай сырға* или *бүршекли сырға*. Оригинальным видом серег являются *халқаплы сырға*. Серьги состоят из конусовидной основы, завершающейся дутым шариком, с небольшими колечками, к которым на цепочках крепятся тонкие лепестки. Серьги соединяются между собой с помощью цепочки, которая

проходит от одного уха к другому под подбородком. На цепочку нанизаны ромбообразные подвески, мелкие лепесткообразные детали, шарики. *Ҳалқаплы сырға* начинали носить приблизительно с 12–13 лет до замужества. Замужние женщины носили лишь основную часть серег, которую называли *сояў сырға*, цепочка снималась.

Носовое украшение *аребек* имеет форму круга, выполнено из золотой или серебряной проволоки, в центре располагается перемычка с нанизанными на нее дутыми шариками, розетками, разноцветными бусинами. У каракалпаков *аребек* украшается зеленой и голубой бирюзой. В музее этот элемент костюма каракалпачек представлен 52 экземплярами. Известно, что у каракалпаков *аребек* носили замужние женщины (Этнография..., 1980: 167), у узбеков-карлуков их носили девочки с 7–10 летнего возраста (Шаниязов, 1964: 123). В целом ношение носовой серьги было распространено в Средней Азии в XIX в. довольно широко. Носили серьгу туркменки и узбечки Хорезма и Бухары, таджички. В начале XX в. районы ее бытования значительно сократились.

Нагрудные украшения имеют следующие разновидности – *ҳэйкел*, *айшық*, *шартүйме*, *жалпақ түйме*, *тумар*, *тумарша*, *гилтишалғыш*, *өнгирмоншақ*. *Ҳэйкел* – центральное украшение женского комплекса. Представляет собой плоское прямоугольной формы украшение, состоящее из верхней массивной части сложной конфигурации и бахромы из цепочек, бляшек, листовидных подвесок и колокольчиков. Верхняя массивная часть включала в себя футляр для хранения выписок из Корана или заклинаний. На лицевой стороне футляра располагаются от 3 до 5 высоких оправ с сердоликами или красным стеклом. Верхняя часть украшения фигурная в виде загнутых кверху или к низу парных рогов. В коллекции имеются варианты, где вместо рогов расположен ступенчато суженный трилистник, силуэтом напоминающий буддийскую ступу.

Искусствовед А. Алламуратов в поисках истоков каракалпакского *ҳэйкел* с рогатым верхом обратился к традиции изображения рогатых животных в древнем мире. Везде она связана с аграрным культом плодородия – коровой или быком – символами плодородия. Как считает А. Алламуратов, «рогатую кичку на Руси носили молодые замужние женщины, меняя ее в старости на безрогую» (Алламуратов, 1989: 81), точно также каракалпачки после прекращения деторождения рогатый *ҳэйкел* меняли на безрогую *тумарша* с такими же оправками и бахромой как *ҳэйкел* (Алламуратов, 1989: 81).

Кольца в коллекции прикладного искусства представлены следующими видами: *каслы жузик*, *касыз жузик*, *дөнгелек жузик* или *сахына* и др.

Одним из широко распространенных женских украшений является женский браслет – *билезик*. Браслеты имеются литые (*күйма билезик*) с рельефным орнаментом; несомкнутые, массивные, широкие, состоящие из двух-трех рядов с глазками (спаянные друг с другом). Концы браслетов зубчатые, напоминают лапы или зубы хищных животных.

Хорошо представлены в коллекции музея мужские пояса. Лучшей сохранностью обладают *қамары белбеу* (9 шт.), кожаный пояс, украшенный крупными металлическими бляхами, называемыми *қас*, *бәнт*. Имеются образцы, в которых присутствует подкладка из грубой хлопчатобумажной ткани *бөз*. Существовали узкие пояса из кожи *қайыс*, обязательным элементом которых был комплекс подвесок, в который входили «*қынап* (ножны с ножом), *шақша* (табакерка из рога для жевательного табака), *шай қалта* (мешок с чаем), *шынықап* (футляр для чайника и пиалки), *темеки қалта* (мешок для табака)» (Курбанова, 2016: 50).

Коллекция предметов конского снаряжения, несмотря на свою малочисленность (24 шт.), дает яркое и достаточно полное представление о богатстве и художественных достоинствах этого направления каракалпакского народного творчества. Мастера-седельщики *ерши* производили седла *ер*. Сначала мастер подготавливал и обрабатывал основные части седла, затем собирал и склеивал остов клеем. Иногда на головку седла прикреплялась обработанная кость. Такое седло у каракалпаков называлось *ак баслы ер* (седло с белой головкой) (Өтемисов, 1991: 55). Один из лучших образцов *ак баслы ер* выставлен в экспозиционном зале музея.

Украшенная ювелирными накладками сбруя целиком называется *алақайыс жууен*, т.е. сбруя с полосатыми ремнями. Она состоит из нагрудника *си-немент*, подхвостника *қуйыскан* и самой сбруи *жууен*. В музейных коллекциях очень мало полных комплектов сбруи и других ременных поясов с ювелирными украшениями.

Рис. 1. Элементы конского снаряжения – *ак баслы ер* (1), *тебинги* (2).
Начало XX в. ГМИ РК

Изготовленная из кожи подкладка под стремена *тебинги* богато оформляется геометрическими и зооморфными элементами, а также волнообразными мотивами. В другом бытовом предмете – подседельнике *жипек жона* – однотонная поверхность кожи оживлена вышивкой шелковыми нитями и представляет собой богато декорированную цветную композицию (рис. 1).

Быт каракалпаков был приспособлен к особенностям полукочевogo образа жизни. Одним из наиболее ярких образцов полукочевogo быта является юрта *қара үй* и ее внутренний инвентарь (рис. 2).

Быт каракалпаков был приспособлен к особенностям полукочевogo образа жизни. Одним из наиболее ярких образцов полукочевogo быта является юрта *қара үй* и ее внутренний инвентарь (рис. 2).

Рис. 2. Юрта в экспозиционном зале. ГМИ РК им. И.В. Савицкого. Фото автора.

Юрта представляет собой круглое в плане разборное жилище, состоящее из деревянных, тканых, плетенных и войлочных частей. Остов юрты *сүүек басы* составляют решетчатые раздвижные стенки *кереге*, состоящие из отдельных звеньев *канат*, купольных жердей *уўық*, верхнего круга *шанарақ*, дверцы *ергенек*. Сверху деревянный остов покрыт войлоком, а по бокам – циновкой в два слоя, одна из циновок украшается переплетёнными цветными шерстяными нитями и называется *жез ший*. Система покрытия каракалпакской юрты резко отличается от юрт соседних народов обилием употребляемых циновок и малым количеством войлока (*кошма*). Конструкция *шаңарақ* является ярким отличительным элементом этнической принадлежности владельца юрты. У каракалпакской юрты он состоит из двух деревянных ободов – *табан*, соединенных пикообразными шпильками (Глеубергенова, 1995; 1996). В юрте не должно быть случайных вещей, это древний закон единства функциональности и красоты. Так, у каракалпаков каждая тканая узорная дорожка юрты, украшая её, служит для практического скрепления каркаса и покрытия. Дорожками стягивают решетку стенки и спицы свода, фиксируют циновку покрытия стенки *ший* и войлок кровли *кийиз*.

Значительную часть коллекции составляют ковровые изделия. Они подразделяются на: 1) постилочные, навесные ковры, в основном безворсовые – *палас*, *алаша*, коротковорсовые – *галы*, *гилем*, молитвенные коврики – *жайнамаз*; 2) ковровые дорожки, тесьма для украшения и укрепления юрты – *ақ басқур*, *қызыл басқур*, *ақ қур*, *қызыл қур*, *белдеу*, *шики жанбау*, *ийнбау*, *есиқ қас*, *дизбе*; 3) бытовые и хозяйственные вещи из ковровой ткани. У всех народов Каракалпастана имелись разнообразные вещевые мешки для хранения одежды, посуды – *боқжама*, *керги*. Ковровые изделия употреблялись не только в

домашнем быту населения. Они широко применялись и для верхового, вьючного транспорта – попоны – *дегде*, подседельники, переметные сумы – *қоржын*.

Перечисленные изделия, в свою очередь, классифицируются по технике исполнения:

- 1) изделия, которые выполняются техникой комбинирования – *ақ басқур*, *белдеу*, *белжип*, *жанбау*, *ийнбау*, *сууағар*, *шийоңир*, *керги*;
- 2) изделия, выполненные в технике безворсового ткачества – *алаша*, *қызыл басқур*, *ақ қур*, *туркмен қур*, *избе*, *дизбе* и др.;
- 3) изделия, выполненные в технике ворсового ткачества – *қаршын*, *галы*, *гилем*, *дегде*, *есик кас*.

Особое место в собрании занимают предметы традиционного костюма. Общее количество экспонатов, относящихся к народному костюму, составляет 3786 единиц, из которых предметы одежды исчисляются 660. Коллекция одежды формировалась из отдельно приобретенных предметов, не составлявших единый костюмный комплекс.

Женский костюм состоит из следующих предметов одежды: рубаха-платье *көйлек*, халат *паишайы шапан*, *мәдели шапан*, *зер шапан*, шуба *ишик*, головные накладки *жегде*. Обувь женская, как и мужская, представлена довольно скудно: туфлями местного производства, галошами, ичигами.

В коллекции музея имеются женские головные уборы *сәукеле*, *төбелик*, *жаулық*, *тақыя*, которые в общей сложности составляют 50 предметов. Наиболее внушительной является коллекция *қызыл киймешек* – 165 образцов (включая фрагменты, где в хорошей сохранности передняя часть и отсутствуют другие детали).

Женский костюм включает в себя несколько видов рубах, в том числе повседневные и праздничные. К праздничной одежде относится рубаха-платье *көк көйлек*, имеющий богато орнаментированную переднюю часть, которая называется *сауыт нагыс* (узор кольчуги). Исследователи считают эту композицию наиболее архаичной (Алламуратов, 1977: 16). Т.А. Жданко, обращаясь к изучению этого элемента костюма, отмечала, что он представляет большую ценность в изучении обрядовых, религиозных, художественных традиций разного времени и происхождения, наложивших свой отпечаток на орнаментацию платья (Жданко, 1971: 169–171).

Еще одним предметом традиционного женского костюма является халат-накидка *жегде*. Этот предмет одежды имеет возрастные особенности: молодые женщины носили *қызыл жегде*, женщины старшего возраста *ақ жегде* (рис. 3).

Мужская одежда состоит из таких элементов костюма, как рубаха *көйлек*, халат *шапан*, шуба *сен-сен постын*. Головные уборы представлены традиционными шапками *дегелей*, *шөгирме*, тюбетейками *тақыя*. Мужской комплекс в Музее искусств им. И. Савицкого в плане полноты уступает коллекции Государственного музея истории и культуры Республики Каракалпакстан. Так, отсутствуют традиционные сапоги *байкем етик*. В целом эти предметы дают

представление о национальном костюме каракалпакских мужчин конца XIX – первой четверти XX в.

Резьба по дереву – один из самых древних видов народного ремесла. Она была широко распространена в архитектурном убранстве юрты, в декоративной отделке ее несложного инвентаря. Резьбой покрывали деревянные двери юрты, обкладку очага, шкафчики и подставки под продукты *сандық*, *сабаяқ*.

Резьбой украшали орудия труда, поверхность шкатулок для инструментов и ящики для ножей, ступки для жевательного табака, рамы ткацкого станка *сазан*, а иногда тыльную сторону круглых столиков – досок для раскатывания теста *астахта*. Резьбой покрывали столбики на арках, гнутые хомуты для лошадей и разную утварь (рис. 4).

Каракалпакская резьба выполняется целиком от руки. Сначала в соответствии с замыслом мастера прорезается контур рисунка – вертикально или под углом, со скосом наружу от оконтуриваемой поверхности узора или линии. Затем, в соответствии с поставленной декоративной задачей, углубляется фон.

Инкрустация обычно делалась красным сукном и костью, которые эффектно сочетались с резьбой и придавали вещам праздничность и насыщенность цвета. Кость покрывалась тонкой геометрической гравировкой. Дерево чаще всего красилось в тёмно-коричневый или чёрный цвета.

В ГМИ им. И.В. Савицкого хранятся интересные экспонаты – предметы гигиены. Они были найдены во время археологических и этнографических исследований на территории Каракалпакстана в течении XX столетия. Среди них имеются такие предметы, как *мәсиуек* – палочка для чистки полости рта, *тарақ* – расческа для волос, *тис*

Рис. 3. *Ақ жезде*. Первая четверть XX в. ГМИ РК им. И.В. Савицкого. Фото автора.

Рис. 4. *Астахта*. Начало XX в. ГМИ РК им. И.В. Савицкого. Фото автора.

шуқлағыш – зубочистка, *қулақ шуқлағыш* – копоушка, зеркала, парфюмерные сосуды. Очень интересен предмет детской гигиены, продолжающий бытовать и в наше время – *сумек*. Предмет является деталью детской колыбели *бесик*, функциональное назначение которого – сток мочи в специальный сосуд в нижней части колыбели. В зависимости от пола ребенка, эти приспособления имеют различную форму. *Сумек* для мальчиков представляет собой стеклянную трубочку с загнутым концом в виде буквы «Г». *Сумек* для девочек представляет собой трубочку с закругленным и углубленным концом в виде ложечки. Подобные предметы издавна использовались народами, населяющими Южное Приаралье.

Аналогичные находки известны по материалам археологических находок средневекового Миздахкана (Ягодин, Ходжайов, 1971: 102, рис. 46) (рис. 5).

Большинство зубочисток из фонда Музея искусств датируется концом XIX в. Изготовлены они из белого металла, редко встречаются экземпляры из серебра. Зубочистки, за исключением некоторых деталей, имеют схожую форму: вытянутая верхняя часть каплевидной формы, на которой расположена оправа со вставкой из стекла, на которую напаяны штампованные узоры из металла с мелкими зернами, розетками и с заостренной нижней частью. К краю зубочистки припаяна петля с кольцом. Техника, особенности художественного оформления позволяют предположить, что большинство имеющихся зубочисток являются казахскими (Курбанова, Давлетияров, 2016: 112).

Қулақ шуқлағыш – копоушка в музее представлена единственным экземпляром. Данный предмет по своей прямой функции предназначался для чистки ушных раковин от загрязнения серой. Он изготовлен из белого металла, имеет плоскую форму. Средняя часть немного расширена в виде ромба. К верхней части припаяна петля. Нижняя часть вытянута и у основания имеет углубление. Поверхность копоушки покрыта орнаментом: по краю ромба идут линии, повторяющие данную фигуру, в центре нанесены волнообразные линии и точки (Курбанова, Давлетияров, 2016: 112).

К сожалению, документация по большинству экспонатов неполная, отсутствуют сведения о наименовании предмета, его функциональном назначении, районе бытования и месте приобретения. Это серьезно затрудняет исследование музейных коллекций.

Рис. 5. Копоушка, зубочистка.
ГМИ РК им. И.В. Савицкого.
Конец XIX в. Фото автора.

Перечисленные образцы народного творчества каракалпаков, которые создавались и использовались с целью художественного обогащения окружающей среды, для придания ей большей декоративности и выразительности, составляют в настоящее время собрание декоративно-прикладного искусства ГМИ им. И.В. Савицкого. Эти коллекции являются ценным информативным ресурсом, а сам музей – источником информации по традиционной культуре. Чем богаче коллекция музея, тем больший научный интерес она представляет. Значимость их для этнографических исследований не вызывает сомнений.

ЛИТЕРАТУРА

- Алламуратов А.* Каракалпакская народная вышивка. Нукус: Каракалпакстан, 1977.
- Алламуратов А.* Каракалпакское нагрудное украшение хайкель // Этническая история и традиционная культура народов Средней Азии и Казахстана / отв. редакторы В.Н. Басилов, Р.Г. Кузеев. Нукус: Каракалпакстан, 1989. С. 77–87.
- Бабаназарова М.М.* Игорь Савицкий: художник, собиратель, основатель музея. Лондон: Silk Road Publishing House, 2011.
- Бабаназарова М.М.* Воспоминания о Савицком. Ташкент: Vaktria press, 2022.
- Жданко Т.А.* О близости некоторых исторических традиций у каракалпаков и башкир // Археология и этнография Башкирии. Т. IV. Уфа, 1971. С. 169–171.
- Курбанова З.И., Давлетияров М.М.* Предметы личной гигиены населения Южного Приаралья (на материалах Каракалпакского государственного музея искусств имени И. Савицкого) // История и археология Турана № 2. Самарканд, 2016. С. 109–114.
- Курбанова З.И.* Традиционный мужской костюм каракалпаков (конец XIX – конец XX в.) // Проблемы востоковедения. 2016. № 2. С. 48–53.
- Шаниязов К.* Узбеки-карлуки (историко-этнографический очерк). Ташкент: ФАН, 1964.
- Тлеубергенова Н.А.* Этнокультурные аспекты юрты каракалпаков // Вестник Каракалпакского отделения Академии наук Республики Узбекистан. 1995. № 2. С. 104–109.
- Тлеубергенова Н.А.* Истоки традиционного деления внутреннего пространства юрты каракалпаков // Вестник Каракалпакского отделения Академии наук Республики Узбекистан. 1996. № 3. С. 93–100.
- Этнография каракалпаков (материалы и исследования) / отв. редакторы *Т.А. Жданко, С.К. Камалов.* Ташкент: Фан, 1980.
- Ягодин В.Н., Ходжайов Т.К.* Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент: ФАН, 1970.
- Өтемисов А.* Қарақалпақлардың өнер-кәсіптері. Нөкіс: Қарақалпақстан, 1991.

Сведения об авторе: Курбанова Земфира Ибрагимовна, доктор исторических наук, заведующая отделом этнографии, Каракалпакский научно-исследовательский институт гуманитарных наук Каракалпакского отделения Академии наук Республики Узбекистан (230100, ул. Амира Темура, 179А, Нукус, Каракалпакстан, Республика Узбекистан); sapphire.ethno@gmail.com

Поступила 10.04.2023

Принята к публикации 5.06.2023

**COLLECTION OF THE DEPARTMENT OF ETHNOGRAPHY
OF I.V. SAVITSKY STATE MUSEUM OF ARTS
OF THE REPUBLIC OF KARAKALPAKSTAN**

Z.I. Kurbanova

*Karakalpak Research Institute for the Humanities
of the Karakalpak Branch of the Uzbekistan Academy of Sciences
Nukus, Karakalpakstan, Republic of Uzbekistan
sapphire.ethno@gmail.com*

The article discusses the collection of objects of the Karakalpaks' decorative and applied art in the funds of the I.V. Savitsky State Museum of Arts of the Republic of Karakalpakstan. The collection of folk-art objects is concentrated in the funds of the ethnography department of the museum. It comprehensively reflects the traditional everyday culture of the Karakalpak people. The objects of decorative and applied art of the Karakalpaks are concentrated in the following repositories: the fund of carpet products, jewelry, embroidery, wood, metal and leather products. Thematically, the collection is divided into jewelry items, horse equipment, carpets, yurt, clothing, kitchen utensils, and dishes. The author attempts to give a thematic and quantitative assessment of the collections of the Department of Ethnography. The analysis of the accession of exhibits did not allow identifying them by the area of existence, the place of purchase due to the absence of such information in the documentation. Most of the exhibits have only the information about the name of the object and its functional purpose. To create a complete picture of the accumulation of applied arts objects, statistical data on the accession of objects from 1967 to 2021 has been referred to, the dynamics of replenishment with exhibits is presented.

Keywords: Art Museum, collections, decorative and applied arts, carpet products, jewelry, embroidery, wood carving.

For citation: Kurbanova Z.I. (2023) Collection of the Department of Ethnography of I.V. Savitsky State Museum of Arts of the Republic of Karakalpakstan. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 8. No. 2: 222–233. DOI: 10.22378/he.2023-8-2.222-233 (In Russ.)

REFERENCES

- Allamuratov A. (1977) *Karakalpak folk embroidery*. Nukus: Karakalpakstan. (In Russ.)
- Allamuratov A. (1989) Karakalpak breast decoration haikel. In: *Ethnic history and traditional culture of the peoples of Central Asia and Kazakhstan*. Basilov V.N., Kuzeev R.G. (eds). Nukus: Karakalpakstan: 77–87. (In Russ.)
- Babanazarova M.M. (2011) *Igor Savitsky: artist, collector, founder of the museum*. London: Silk Road Publ. (In Russ.)
- Babanazarova M.M. (2022) *Memories of Savitsky*. Tashkent: Baktaria Press.
- Ethnography of the Karakalpaks (materials and research)* (1980). Zhdanko T.A., Kamalov S.K. (eds). Tashkent: FAN Publ. (In Russ.)
- Kurbanova Z.I. (2016) Traditional men's costume of the Karakalpaks (late 19th – late 20th century). *Problemy vostokovedeniya* [The Problems of Oriental Studies]. No. 2: 48–53. (In Russ.)
- Kurbanova Z.I., Davletiyarov M.M. (2016) Items of personal hygiene of the population of the South Aral Sea (based on the materials of I. Savitsky Karakalpak State Museum of Arts). In: *History and Archeology of Turan*. No. 2. Samarkand: 109–114. (In Russ.)

Shaniyazov K. (1964) *Uzbek-Karluks (historical and ethnographic essay)*. Tashkent: FAN Publ. (In Russ.)

Tleubergenova N.A. (1995) Ethno-cultural aspects of the Karakalpak yurt. *Vestnik Karakalpakskogo otdeleniya Akademii nauk Respubliki Uzbekistan* [Bulletin of the Karakalpak branch of the Republic of Uzbekistan Academy of Sciences]. No. 2: 104–109. (In Russ.)

Tleubergenova N.A. (1996) The origins of the traditional division of the internal space of the Karakalpak yurt. *Vestnik Karakalpakskogo otdeleniya Akademii nauk Respubliki Uzbekistan* [Bulletin of the Karakalpak branch of the Republic of Uzbekistan Academy of Sciences]. No. 3: 93–100. (In Russ.)

Yagodin V.N., Khodzhayov T.K. (1970) *Necropolis of ancient Mizdakhkan*. Tashkent: FAN Publ. (In Russ.)

Zhdanko T.A. (1971) On the proximity of some historical traditions among the Karakalpaks and the Bashkirs. In: *Archeology and Ethnography of Bashkiria*. Vol. IV. Ufa: 169–171. (In Russ.)

Ütemisov A. (1991) *Decorative and applied art of the Karakalpaks*. Nukus: Karakalpakstan. (In Karak.)

About the author: Zemfira I. Kurbanova, Doctor Sc. (History), Head of the Department of Ethnography, Karakalpak Research Institute for the Humanities of the Karakalpak Branch of the Uzbekistan Academy of Sciences (179A, Amir Temur St., Nukus 230100, Karakalpakstan, Republic of Uzbekistan); sapphire.ethno@gmail.com

Received April 10, 2023

Accepted for publication June 5, 2023

**ЮВЕЛИРНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО
МУЗЕЯ ИСКУССТВ РЕСПУБЛИКИ КАРАКАЛПАКСТАН
ИМЕНИ И.В. САВИЦКОГО**

Д.А. Кудайбергенова

*Каракалпакский научно-исследовательский институт
гуманитарных наук Каракалпакского отделения
Академии наук Республики Узбекистан
Нукус, Каракалпакстан, Республика Узбекистан
dilfuza_ka@mail.ru*

В статье представлены сведения об ювелирных украшениях каракалпаков на основе анализа коллекции Государственного музея искусств Республики Каракалпакстан имени И.В. Савицкого. Каракалпакское ювелирное искусство является значительным проявлением художественной культуры этноса. Судя по сохранившимся образцам в музейных коллекциях, оно имеет много общего с искусством соседних народов в терминах названий, узоров и форм. Однако некоторые каракалпакские ювелирные изделия обладают уникальными этническими и художественными особенностями.

В статье представлены все виды традиционных ювелирных украшений каракалпаков, относящиеся к XIX–XX вв. Женские украшения имеют яркие черты своеобразия и самобытности, свидетельствуют о существовавшей локальной школы ювелирного искусства каракалпаков. Стилю ювелирного искусства этого народа присущи цельность, монументальность, архаичность форм, ясность контуров, выразительность и в то же время немногословность декора. Автор классифицирует ювелирную коллекцию музея по следующим категориям: украшения для головного убора; украшения для головы; шейно-нагрудные украшения; нагрудно-поясные украшения и украшения для рук. Классификация женских украшений каракалпаков показывает несомненное богатство их видов, форм и типов. Помимо материалов о каракалпакских народных украшениях, хранящихся в ювелирной коллекции, приводятся сведения об украшениях узбекского, туркменского и казахского народов.

Ключевые слова: каракалпаки, ювелирное изделия, музей, коллекция, типы.

Для цитирования: *Кудайбергенова Д.А.* Ювелирная коллекция Государственного музея искусств Республики Каракалпакстан имени И.В. Савицкого // Историческая этнология. 2023. Т. 8. № 2. С. 234–244. DOI: 10.22378/he.2023-8-2.234-244

Ювелирное искусство является неотъемлемой частью культурной и художественной истории народа, олицетворяя его мечты и традиции. Каракалпакские ювелиры создавали украшения, отражающие дух времени и сохраняющие уникальные черты местной культуры. Ювелирные изделия были разделены на повседневные и ритуальные, последние использовались на праздничных мероприятиях. Женские украшения, благодаря своим эстетическим и функциональным свойствам, занимают особое место в ювелирном искусстве.

Ювелирное искусство XIX в. в Каракалпакстане представлено городами Кунград, Ходжейли, Турткуль, Чимбай и Халхабад. Искусство каракалпаков отражает древние традиции кочевого искусства, которое генетически связано с искусством Сурхандарьи, полукочевых племен Ферганской долины и туркменских племен. Ювелирные изделия каракалпаков характеризуются сохранением архаической формы и орнаментики, которые сочетаются с лаконичностью очертаний силуэта, укрупненностью формы и деталей, а также насыщенностью символики и колористическим решением. В работе каракалпакских ювелиров использовалось серебро, а золото применялось лишь для золочения и прорисовки отдельных линий орнамента. Кроме того, для создания украшений использовались сердолик, коралл и иногда бирюза (Юлдашева, 2021: 1367). Семантика этих украшений всегда была связана с идеями зарождения и сохранения жизни, продолжения рода.

Ювелирная коллекция Государственного музея искусств Республики Каракалпакстан имени И.В. Савицкого (ГМИ РК им. И.В. Савицкого) богата и разнообразна. В его фондах представлены все виды традиционных ювелирных украшений каракалпаков, относящиеся к XIX–XX вв. Ювелирная коллекция музея относится к фонду «Драгоценные металлы и нумизматика» и насчитывает 6199 единиц экспонатов.

Технику изготовления украшений можно разделить на две группы: формообразующие (литье, ковка, вырезание по шаблону и т.д.) и декоративные (чеканка, гравировка, зернь и т.д.). Их можно классифицировать следующим образом:

- 1) украшения для головного убора – *саўкеле, төбелик, тақыя*;
- 2) украшения для головы – *аребек, серьги, накосные украшения*;
- 3) шейно-нагрудные украшения – *айшық, хәйкел, тумар, өңирше, шарүйме, жумалақ түйме, жалпақ түйме, айры түйме*;
- 4) нагрудно-поясные украшения – *өңирмоншақ, гилтшалгыш*;
- 5) украшения для рук – *кольца и браслеты* (рис. 1).

Рис. 1. Набор ювелирных украшений.
Из фотоархива ГМИ РК им. И.В. Савицкого.

Украшения для головного убора. В коллекции музея имеются головные уборы, украшенные ажурными декоративными металлическими деталями. Это *саўкеле*, *төбелик*, различные виды *тақыя*.

Саўкеле – традиционный свадебный головной убор невесты. В настоящее время данный предмет является редким образцом народного искусства каракалпаков. Он объединил в себе лучшие национальные традиции этноса, такие как высокое мастерство ювелира, изысканную вышивку с использованием технических навыков, продуманную конструкцию и моделировку. Верхняя часть *саўкеле* напоминает шлем воина, однако в нем отсутствует заостренная вершина,

Рис. 2. *Саўкеле*. Из фотоархива ГМИ РК им. И.В. Савицкого.

которая могла бы указывать на воинственность. Все линии плавны, закруглены и завершены, что придает изделию особую эстетическую привлекательность. Верхняя часть убора состоит из двух основных частей: вышитой тамбуром изящной шапочки-*тахии* и очелья с большими наушниками, которое обрамляет лоб и щеки, спускаясь к плечам. Эта часть *саўкеле* выполняет декоративную роль. Она сплошь зашита коралловыми бусами разных размеров и серебряными ювелирными бляхами. В центре налобной части расположена круглая бляха с золоченой оправой внутри, украшенной чеканным узором. Приобретение *саўкеле* было заветной мечтой каракалпакских этнографов и искусствоведов. Поиски этого головного убора велись давно и лишь на третий год поисков сотрудники музея в 1967 г. обнаружили его у Г. Алламбергеновой, проживавшей в местности *Тогызтерек* близ Казахдарьи в Муйнакском районе Республики Каракалпакстан (ОЭ ГМИ РК: Л. 1). По словам владелицы, оно принадлежало еще ее матери, а возможно и бабушке. В

настоящее время данный экспонат (КП 5971. ГМИ РК им. И.В. Савицкого) считается одним из уникальных в ювелирной коллекции музея (рис. 2).

Төбелик – это древний головной убор каракалпакских женщин, который традиционно изготавливался из металла и имел форму круглой плоской шапки. Головной убор отличается необычной формой и является редким элементом костюма в комплексе традиционного каракалпакского наряда. На сегодняшний день нам известно о существовании трех целых образцов данного головного убора, один из которых хранится в ГМИ РК им. И.В. Савицкого, а два других – в Российском этнографическом музее (РЭМ) (Курбанова, 2021: 137). Металлическая основа данного экспоната изготовлена из серебряных пластин, покрытых позолотой, которые представляют собой три части головного убора:

1) плоская макушка со скатом вперед; 2) налобно-высочная часть, декорированная множеством крупных бусинок красных кораллов, нанизанных на серебряную цепочку и цепочкой нарядных серебряных пластинок с инкрустациями из цветных камней; 3) в затылочной части подвесные ряды из цветных бусинок и серебряных лепестков (Алиева, 2004: 68).

Тақыя – это головной убор, который давно является неотъемлемой частью традиционного женского костюма. В зависимости от украшений *тақыя* имеет различные названия, такие как *маржан тақыя* – украшенная кораллами, *купели тақыя* – с выступом на макушке, и *төзеу тақыя* – с ювелирными украшениями. *Тақыя*, украшенная монетами и кораллами, носилась только девочками-подростками до 14–15 лет. В коллекции чаще встречаются *тақыи*, украшенные монетами. Например, по краю передней части ободка нашивался ряд серебряных монет или узкие полоски из материи, на которые вышивались бусинки и монеты.

Украшения для головы. Носовое украшения *аребек* изготавливалось по тому же принципу, что аналогичные украшения у народов Центральной Азии из золота и серебра. *Аребек* в основе своей имел кольцо, отделанное снаружи спиралевидной проволокой. В декоративном оформлении *аребека* использовались бусины, которые нанизывались на нижний сегмент кольца.

Серьги. Обязательным украшением для девочек и женщин всех возрастов считались серьги. Они были очень разнообразны по форме, от маленьких и простых, предназначенных для младенцев, знатных женщин. Как и другие украшения серьги в основном служили амулетами. Об этом свидетельствуют некоторые приметы, имеющиеся в народе и сохранившиеся до сегодняшнего дня. Серьги отличались многообразием формы – от самых простых и лаконичных до сложных и тяжёловесных. В коллекции музея имеются следующие типы серег каракалпакского народа: *шашақлы сырға*, *буршекли сырға*, *сояу сырға*, *шыйыртпақ сырға*. Последние использовали в основном девушки, пожилым женщинам такие серьги носить не полагалось. Весьма оригинальными были бытовавшие у каракалпачек еще в начале столетия *халқаплы сырға*. Они представляли собой серьги с длинной цепочкой, переходящей под подбородком от одного уха к другому. Цепочка состояла чаще из ромбовидных подвесок, реже – из мелких деталей в виде лепестков, мелких дутых шариков. Серьги *халқаплы* носили девушки с 12-летнего возраста до замужества. После замужества цепочка снималась и оставалась основная часть серег, которая называлась *сояу сырға* (Курбанова, 2018: 304) (рис. 3).

Рис. 3. *Халқаплы сырға*. Из фотоархива ГМИ РК им. И.В. Савицкого.

Накосные украшения «шаибаў» каракалпакских женщин выгодно отличались дизайном, материалом от подобных украшений других народов. Их можно классифицировать на два типа. *Тип I* – металлические накосные украшения. Этот тип относится к самым древним украшениям. Его можно разделить на несколько подтипов. *Тип II* – тканно-плетённые накосные украшения, сделанные из хлопчатобумажных и шелковых нитей с преобладанием красных, желтых, зеленых и коричневых тонов. В соответствии с использованной техникой украшения можно разделить на два подтипа. Накосные украшения выразительно маркировали социально-возрастной статус владелицы.

Шейно-нагрудные украшения. Данная категория украшений включает в себя сложный комплекс, в котором самым массивным является *хайкел*. Он был частью свадебного украшения невесты и носился девушками и молодыми женщинами до рождения первого ребенка, иногда до 40 лет. *Хайкел* представляет

Рис. 4. *Хайкел*. Из фотоархива ГМИ РК им. И.В. Савицкого.

собой плоское нагрудное украшение, состоящее из верхней массивной части сложной конфигурации и бахромы из цепочек, бляшек, листовидных подвесок и колокольчиков. Верхняя массивная часть состоит из длинного футляра в виде прямоугольной призмы и двух фигурных крышек по бокам. Из этих крышек одна припаяна наглухо, другая снимается. Обычно девушки в них хранили выписки из Корана или заклинания. На лицевой стороне средней части *хайкел* расположено обычно нечетное количество 3–5, реже – 7 каст со вставками из сердолика или его имитации. Бытовал *хайкел*, в котором вместо цепочки использовали матерчатую ленту с нашитыми бляшками или цепочками. В фондах ювелирной коллекции музея имеются и другие варианты *хайкел*. Среди них *кыз хайкел* – девичий *хайкел* – один из наименее сохранившихся видов *хайкеля*. Информатор дает такие сведения об этом ук-

рашении: «*В народе существовали хайкелы только для девушек. По размеру они были поменьше других видов хайкеля и его носили только незамужние девушки*» (ПМА, 2023). Следует отметить, что это редкое явление, так как *хайкел* был частью свадебного комплекта украшений невесты, и только состоятельные семьи заказывали *кыз хайкел* своим дочерям до того, как они стали невестами (рис. 4).

Өңирше – нагрудное украшение, представляющее собой вид нагрудника. Существовали разнообразные варианты *өңирше*. Шили их обычно из цельных кусков красной ткани или из сшитых узких вышитых полосок, украшали нашитыми серебряными монетами и различными видами *түйме*.

Туйме (пуговица, бляха) закреплялась на *өңирше* по строго устоявшимся правилам и отдельно не носилась. *Туйме* были самыми популярными нагрудными украшениями каракалпакских женщин. В музейных собраниях они самые многочисленные. Их можно классифицировать на следующие виды:

а) *жумалақ* и *илгек түйме* – шарообразные пуговицы с рельефным узором растительного характера;

б) *жалпақ* и *айры түйме* – это две разные, но в то же время приблизительно сходные, плоские бляхи, украшенные в центре драгоценными камнями;

с) *шар түйме* – сравнительно большие, крестообразные бляхи. Они обычно заменяли *хайкел*.

Туйме, *хайкел*, *өңирмошақ* составляли единый комплект девичьих украшений. Поэтому их носили одновременно.

Нагрудно-поясные украшения. Существовали украшения, которые располагались на груди и спускались до пояса и ниже.

Оңирмоншақ – полусферическое по форме украшение, верх которого напоминает купол мечети. Снизу с него свисает множество гремящих подвесок – цепочек с ромбовидными рельефными листочками и колокольчиками. Укрепляется *оңирмоншақ* на нижней части нагрудной вышивки *өңирше*.

Нагрудно-поясная подвеска *анишық* (другие названия этого украшения – *гилтшалгыш* или *гилтбауы*, т.е. петли-связки для ключей) имеет форму двойной петли и схематично повторяет очертания цифры «8» с увеличенной нижней дугой. Подвеску носили на уровне пупочной ямки, закрепляя к нижнему концу вышитого нагрудника платья *өңирше* (Курбанова, 2021: 152).

Қарсы илгек – застежки для камзола или халата (парные, противостоящие застежки), одновременно служили ювелирным украшением. Они, как правило, были двухсторонними и несли утилитарную функцию. Каждая часть застежки пришивалась к одной из сторон камзола. В фондах музее хранятся застежки в основном треугольной формы с растительными и геометрическими узорами.

В категории «украшения» нужно рассмотреть и мужские ремни, так как они обильно украшены декоративными элементами. Пояса являются одним из основных составляющих каракалпакского мужского костюма. Они обычно выполняют две функции – декоративную и практическую. Ремни, использовавшиеся в XIX–XX вв., состояли из трех частей – длинной ленты, пряжки с крючками и металлических блях. Ювелирные детали каракалпакских поясов отличаются преобладанием ажурного литья с позолотой, применением форм и узоров растительных очертаний. Вставок из цветных камней в них нет. В ювелирной коллекции представлен уникальный, единственный в своем роде мужской ремень с цельнометаллическими деталями (КП 29167, ГМИ РК им. И.В. Савицкого). Размер ременной части данного пояса 55x2,5 см. Основа из замши, сплошь покрыта узорными мелкими фигурными бляшками, составляющими подвижную ленту. Она состоит из следующих деталей: в центре четырехгранная фигурка (05x04см), от нее отходят в стороны слегка изогнутые листовидные

отростки с трилистниковидным штампованным узором на каждом. На концах ремня имеется две круглые бляшки (Алламуратов, 2019: 91).

Украшения для рук. Наручные украшения у каракалпакских женщин широко представлены в ансамбле украшений невесты и замужней женщины. Их носили постоянно женщины всех возрастов и социальных слоев.

Каракалпакские браслеты *билезик* различались по форме и названию. Например, *қуйма билезик* (литой браслет), *жалпақ билезик* (плоский браслет), *қола билезик* (бронзовый браслет), *ҳасыл таслы билезик* (браслет со вставками сердолика), *жез билезик* (браслет из латуни). Браслеты имеют незамкнутую конструкцию, представляют собой согнутые или литые металлические пластины (Алиева, 2004: 90–92). Обрамленные разными (в основном сердоликом) камнями носили молодые девушки и женщины, литые – женщины в возрасте. Среди выделенных браслетов каракалпачек особенно интересны тяжёлые литые браслеты – *қуйма билезик* с рельефным орнаментом и массивные браслеты – *ҳасыл таслы билезик* из двух или трех рядов сердоликов и узоров «змеиный след». Концы таких браслетов напоминают лапы или зубы хищных животных.

Кольца являлись обязательными украшениями в повседневной жизни женщины-каракалпачки. Ювелиры изготавливали кольца, которые имели простую форму обруча. Они назывались *қассыз жүзик*. К этим изделиям относились *жүзик* (широкое, плоское кольцо), *балдақ* или *халқа* (тонкое кольцо) (Курбанова, 2021: 153).

Рис. 5. Перстень. ГМИ РК им. И.В. Савицкого. 2022 г. Фото автора.

Вместе с женскими кольцами встречаются мужские перстни. Они указывали на высокое общественное положение владельца, порой служили печатью. В коллекции музея имеются два перстня с арабскими надписями, на каждом из которых изображено имя мужчины. На одном из них надпись гласит «*Данияр бий ибн Алтын бий*» (КП 6705, ГМИ РК им. И.В. Савицкого), а на другом – «*Бекмурза бин Мухаммадийадий 1336*» (КП 2292, ГМИ РК им. И.В. Савицкого). Буквы и цифры на перстнях иногда переплетались, формируя выразительные изгибы линий и декоративные мотивы, что в целом создавало кружевную орнаментальность.

Каждое должностное лицо (особенно мужчины) имело собственный перстень-печать, который обычно носился на мизинце правой руки. Для мужчин перстни служили не только украшением, но и необходимым предметом, так как они являлись именно печатью, заменявшей подпись (рис. 5).

Помимо каракалпакских украшений, в ювелирной коллекции ГМИ РК им. И.В. Савицкого представлены украшения узбекского, казахского, туркменского народов. Туркменские украшения представляют собой серебряные, массивные, обильно орнаментированные, со множеством мелких изящных сереб-

ряных подвесок. Лишь изредка встречаются серьги и кольца из золота. У бедных туркменок украшения прежде бывали медные, посеребренные сверху. Туркменские девочки 9–12 лет (в этот период они уже считались невестами) даже в повседневной жизни носили много украшений (Василева, 1973: 93).

Узбекские украшения в коллекции в основном выполнены в хорезмийском стиле. Хорезмские ювелирные украшения, хотя и имеют общие черты с украшениями узбеков других регионов Узбекистана по составу комплектов, назначению и форме, тем не менее обладают особенностями, отличающими их от других украшений. Они изготавливались главным образом из серебра, иногда использовались золото и камни – сердолик (*хақиқ*), бирюза (*фирузе*, *тирузе*), кораллы (*марджан*), перламутр (*садаф*), цветные бусы или бисер.

В музейных коллекциях в отличие от небольшого числа туркменских и узбекских украшений содержится значительное количество казахских украшений. Традиционные казахские ювелирные изделия изготавливались из серебра и золота. Мастера-ювелиры широко использовали драгоценные и полудрагоценные камни в своей работе. Среди них наиболее популярным был сердолик. С рождения и до самой смерти женщины носили национальные украшения, которые могли рассказать о своей хозяйке практически все: замужем она или нет, ее возраст и происхождение. Коллекция включает практически все виды казахских женских украшений. Особняком среди них стоит украшение *өңіржіек*, выделяющееся своей компактностью и массивностью. Нагрудная подвеска *өңіржіек* имеет прямоугольную форму, состоит из трех полых прямоугольных пластин, скрепленных по вертикали цепочками с подвесками из ромбов и бубенчиков. *Өңіржіек* носили замужние женщины и кормящие женщины для защиты грудного молока от сглаза. При изготовлении нагрудных подвесок мастера использовали различную технику – литье, штамповку, чеканку, чернение.

Особую и важную деталь украшений составляют декоративные монеты. Самый востребованный контекст использования монет в традиционной культуре – женские костюмные комплексы. Монеты пришивались на различные части костюма, входили в композицию съемных украшений. В коллекции можно встретить два вида декоративных монет – это рубли и *хантенге* с арабской надписью. Использование монет в качестве украшений можно условно разделить на три вида: нашивные монеты; монеты с отверстием, которые пришивались нитками к тканевым элементам одежды и украшений, навесные монеты. К последней категории относятся монеты, которые имеют отверстия или напаянные ушки и соединяются с металлическими украшениями механическим способом. Данный вид крепления монет применялся во множестве украшений.

Ювелирные украшения Средней Азии и Казахстана XIX – первой трети XX в. продолжают жить в настоящее время, выполняя преимущественно декоративную функцию. В качестве дополнения к национальному костюму они надеваются во время семейных праздников и торжеств. Многие из них находятся в музейных коллекциях, представляя собой богатейший источник художест-

венных образов и форм для художников-ювелиров, создающих национальные украшения.

Сохраняя традиции прошлых веков, современные мастера умело соединяют их с требованиями современности, внося свой вклад в развитие декоративно-прикладного искусства. Они бережно хранят и передают наследие предков, создавая новые украшения, сочетающие красоту и функциональность. Являясь в прошлом необыкновенно устойчивой частью народной культуры, украшения с течением времени претерпевают некоторые трансформации, подчиняясь меняющимся эстетическим вкусам. При этом они иногда упрощаются и теряют свою сложность и самобытность, иногда же, напротив, усложняются и впитывают в себя то новое, что приходит в жизни (Сазонова, 1952: 114).

Каракалпакское ювелирное искусство достигло достаточно высокой степени развития. Каракалпакские мастера владели почти всеми известными приёмами ювелирного дела. Среди произведений каракалпакского ювелирного искусства XIX – начала XX в. имеются шедевры, не уступающие по художественным достоинствам лучшим образцам ювелирного искусства Средней Азии. В коллекции музея можно увидеть такие каракалпакские ювелирные украшения, как *хайкел* с роговидным верхом, *шар туйме*, *жалпақ туйме*, *бақа туйме*, *гилтишалгыш*, не имеющие аналогий в искусстве других народов. Это свидетельствует об этническом и художественном своеобразии каракалпакского декоративного искусства.

ИСТОЧНИКИ

ПМА – Полевые материалы автора в г. Нукус Республики Каракалпакстан. Март 2023. Запись № 21.

КП ГМИ РК им. И.В. Савицкого – Книга поступлений Государственного музея искусств Республики Каракалпакстан имени И.В.Савицкого. № 1; 3; 4; 23 книги.

ЛИТЕРАТУРА

Алиева З.Ж. Женские ювелирные украшения каракалпаков XIX – начала XX в. Дисс. на соиск. уч. степени канд. иск. наук. Ташкент, 2004.

Алламуратов А. Каракалпакское декоративно-прикладное искусство. Вопросы художественного своеобразия // Архивные материалы Центральной Азии. Том VI. МИЦАИ. Самарканд, 2019. С. 220.

Васильева Г.П. Туркменские женские украшения // Советская этнография. 1973. № 3. С. 90–98.

Курбанова З.И. Каракалпакский костюм: традиции и новации. Нукус: «Илим», 2021.

Курбанова З.И. Традиционный костюм каракалпаков в литературных источниках и музейных коллекциях // Оазисы шелкового пути. Современные проблемы этнографии, истории и источниковедения Центральной Азии. М.: 2018. С. 295–305.

Сазонова М.В. Украшения узбеков Хорезма // Сборник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Т. XXVI. Л., 1970. С. 386.

Юлдашева Н.И. Ювелирное искусство в Узбекистане. История и современность // Academic research in educational sciences. 2021. Vol 2. Is. 4. P. 1362–1370. DOI: 10.24411/2181-1385-2021-00744

Сведения об авторе: Кудайбергенова Дилфуза Аскарровна, базовый докторант отдела этнографии, Каракалпакский научно-исследовательский институт гуманитарных наук Каракалпакского отделения Академии наук Республики Узбекистан (230100, ул. Амира Темура, 179А, Нукус, Каракалпакстан, Республика Узбекистан); dilfuza_ka@mail.ru

Поступила 29.04.2023

Принята к публикации 5.06.2023

JEWELRY COLLECTION OF I.V. SAVITSKY STATE MUSEUM OF ARTS OF THE REPUBLIC OF KARAKALPAKSTAN

D.A. Kudaibergenova

*Karakalpak Research Institute for the Humanities
of the Karakalpak Branch of the Uzbekistan Academy of Sciences
Nukus, Karakalpakstan, Republic of Uzbekistan
difuza_ka@mail.ru*

This article provides information about the jewelry of the Karakalpak people in the collection of I.V. Savitsky State Museum of Arts of the Republic of Karakalpakstan. Karakalpak jewelry art is one of the brightest manifestations of the artistic culture of the people. Judging by the specimen preserved in the museum collections, they have much in common with the art of neighboring peoples in terms of names, pattern and form. Simultaneously, some Karakalpak jewelry has original ethnic and artistic features.

The article presents all types of traditional Karakalpak jewelry dating back to the 19th – 20th centuries. Women's jewelry are distinguished by notable features of originality and distinctive character, which testify to the existence of the Karakalpaks' local school of jewelry art. The style of jewelry art of the Karakalpaks is characterized by integrity, monumentality, archaism of forms, clarity of contours, expressiveness and at the same time laconic decor. In the article, the author classifies the museum's jewelry collection into the following categories: headdress ornaments; neck-chest ornaments; chest-waist ornaments, and ornaments for hands. The classification of women's adornments of the Karakalpaks showed the undeniable wealth of their types, shapes and designs. In addition to the Karakalpak folk jewelry collection, information about the jewelry of the Uzbek, Turkmen and Kazakh peoples is also presented.

Keywords: Karakalpaks, jewelry, museum, collection, types.

For citation: Kudaibergenova D.A. (2023) Jewelry collection of I.V. Savitsky State Museum of Arts of the Republic of Karakalpakstan. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 8. No. 2: 234–244. DOI: 10.22378/he.2023-8-2.234-244 (In Russ.)

REFERENCES

- Alieva Z.Zh. (2004) *Women's jewelry of the Karakalpaks of the 19th – early 20th centuries*. Dis. Cand. Hist. Sciences. Tashkent. (In Russ.)
- Allamuratov A. (2019) Karakalpak arts and crafts. Issues of artistic originality. In: *Archival materials of Central Asia*. Vol. VI. ICAI Samarkand Publ.: 220. (In Russ.)
- Vasil'eva G.P. (1973) Turkmenskie zhenskie ukrasheniya. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography]. No. 3: 90–98. (In Russ.)
- Kurbanova Z.I. (2021) *Karakalpak costume: traditions and innovations*. Nukus: Ilim Publ. (In Russ.)
- Kurbanova Z.I. (2018) Traditional costume of the Karakalpaks in literary sources and museum collections. In: *Oases of the Silk Road. Modern problems of ethnography, history and source studies of Central Asia*. Moscow: 295–305. (In Russ.)
- Sazonova M.V. (1970) *Ornaments of the Uzbeks of Khorezm*. Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography named after Peter the Great (Kunstkamera) RAS. Vol. XXVI. Leningrad. Publ.: 386. (In Russ.)
- Yuldasheva N.I. (2021) Jewelry art in Uzbekistan. History and modernity. In: *Academic Research in Educational Sciences*. Vol. 2. Is. 4: 1362–1370. DOI: 10.24411/2181-1385-2021-00744 (In Russ.)

About the author: Dilfuza A. Kudaibergenova, Basic Doctoral Student of the Department of Ethnography, Karakalpak Research Institute for the Humanities of the Karakalpak Branch of the Uzbekistan Academy of Sciences (179A, Amir Temur St., Nukus 230100, Karakalpakstan, Republic of Uzbekistan); dilfuza_ka@mail.ru

Received April 29, 2023

Accepted for publication June 5, 2023

УДК 908

КАЗАН АРТЫ ТАТАР АВЫЛЛАРЫНДА МИЛЛИ АЯК КИЕМНӘРЕ ЖИТЕШТЕРҮ ТАРИХЫННАН (ЯМАШИРМӘ АВЫЛЫ МИСАЛЫНДА)

Х.З. Баһаветдинова

*Татарстан Республикасы Фәннәр академиясенең
Ш. Мәрҗани исемендәге Тарих институты
Казан, Россия Федерациясе
halida12_61@mail.ru*

Каюлы күн сәнгатенә караган милли аяк киёмнәре житештерү тарихы галимнәр тарафыннан яхшы гына өйрәнелгән. Тәкъдим ителгән мәкаләдә автор Ямаширмә авылы мисалында Казан арты каюлы читек тегүчеләренең Казан бистәләре эшмәкәрләре белән тарихи бәйләнешен күрсәтергә омтыла. XIX йөз ахырында башланып киткән үзенчәлекле бу һөнәрнең әртилләргә оешу этаплары анализлана. Совет чорында эшчеләрнең эш ысуллары һәм хезмәт шартлары бәян ителә.

С.Петербург шәһәрндә 1913 елда уздырылган “Икенче Бөтенроссия вак һөнәрчеләр күргәзмәсе”ндә Ямаширмә авылы хатын-кызларының катнашулары турындагы мәгълүмат фәнни әйләнешкә беренче тапкыр кертелә. Мәкаләдә Татарстан Республикасы Дәүләт архивы һәм Арча муниципаль архивы фондлары чыганакларын өйрәнүгә өстенлек бирелә.

Ачыкч сүзләр: каюлы читек, кәсеп, Казан арты авыллары, Ямаширмә авылы, әртилләр, күргәзмәләр, “Милли аяк киёмнәре житештерү берләшмәсе”.

Милли каюлы читекләр, чүәкләр житештерү – XIX–XX йөз башында Казан бистәләрендә һәм Казан арты татар авылларында киң үсеш алган кәсепләрнең берсе. Һөнәрчелекнең бу төре – этнографлар, сәнгать белгечләре һәм тарихчылар тарафыннан яхшы ук өйрәнелгән. Күп кенә үрнәкләре бүгенге көндә музейларда саклана (Фукс, 1991; Воробьев, 1953; Валеев, 1969; Валеев, 1984; Валеев, 2002; Гулова, 1983; Валеева-Сулейманова, 1995; Саттарова, 2013).

Казан арты татар авыллары халкы буыннан-буынга әлеге һөнәр белән шөгыйльләнгән һәм аяк киеме тегүне традицион гаилә кәсебе буларак саклап калган. Бу һөнәр революциягә кадәр гажәеп бер үзенчәлекле кәсеп формасында шәхси йортларда башкарылган. Чималны гадәттә Казан шәһәрәннән алдырганнар.

Ямаширмә авылы (хәзерге Биектау районы) Казан артында иң борынгы тарихи авылларның берсе. Бүгенге көндә авыл зиратында Алтын Урда чорына караган 1382 елгы кабер ташы саклана. Бай тарихы булган авыл халкы элек-электән иген үстерү белән беррәттән, һөнәрчеләктән һәм сәүдә итеп өстәмә табыш алган. XIX йөз ахырында авылдагы 100 кешенең төрле кәсепләр белән шөгыльләнгәнлеге билгеле. Мәсәлән, олаучы 15 ир заты Казан шәһәренә йөк ташыган (Экономическое..., 2022: 329–331). Моннан тыш, 25 мунчала житештерүче, 20 чабата үрүче, берәр тегүче, балта остасы һәм пыяла куючы, 3 мич чыгаручы, 2 умартачы булган. Бер елга иң зур табышны умартачы һәм мунчала житештерүчеләр алган (20 шәр сум). Мич чыгаручы 15 сум, олаучылар 12 шәр сум акча эшлэгәннәр. Иң аз табыш чабата үрүчеләрдә – 5 сум булган. Авыл халкының чит жирләргә, хәтта Уфа губернасына да, барып ялланганнарлыклары билгеле.

Авылның хатын-кызлары читек, чүәк тегәләр. 1902 елгы “Казан өязендә иң киң таралган кәсепләр турында статистик белешмә” исемлегеннән күренгәнчә, Чыпчык волосте Ямаширмә авылында чигү, читек жөйләре тоташтыру белән 50 хатын-кыз, 50 яшүсмер егет, 150 кыз бала шөгыльләнгән (Татарстан Республикасы Дәүләт архивы (ТР ДА), 11 эш: 24–40).

1913 елны Санкт-Петербург шәһәрендә уздырылган “Икенче Бөтенроссия вак һөнәрчеләр күргәзмәсе”нең Казан губернасы челтәр бәйләү, чигү үрнәкләре, алтын чигү (золотошвейное), трикотаж эшләнмәләре бүлгә күрсәткеченә караганда, Казан өязе Чыпчык авылынан Старостина Авдотья Васильевнаның бәйләнгән челтәр әйберләре, Ямаширмә авылы хатын-кызларының чигү үрнәкләре белән катнашканлыклары ачыкланды. Гатауллина Бибигафифә ефәк белән чигелгән чүәк, Әхмәтсафина Бәдерхәят, Вәлиуллина Гайшәбикә, Хәснетдинова Бибилайшә, Шәмсетдинова Бибисәйдәләр каты кәгазь белән жөйләгән читек үрнәкләре күрсәтелә. Күргәзмә март аеннан май урталарына кадәр эшли. Кагыйдә буенча, урын өчен түләү алынмый, экспонатлар, сатылмаган очракта, май ахырына кадәр кире алынырга тиеш булалар.

Күргәзмәдә катнашучы кызлар бу кәсеп белән XX йөз башыннан ук шөгыльләнгәннәр. Бер елда 300 сумлык чимал сарыф ителгән, алынган табыш 50 сум булган (Указатель..., 1913: 170–171). Подрядчы чимал белән тәмин итеп, эшләнмәләрне бер башкаручыдан икенчесенә тапшыруны оештыруда арадашчы ролен үтәгән. Әзер товар Казанда сатылган.

Арадашчылар белән эш итү кайвакыт һөнәрчеләргә, табыш алу урынына, киресенчә, зыян гына китергән. Алга таба житештерүчеләр әртилләргә берләшеп эшләүне кулай күргәннәр.

Бу һөнәргә авыл кешеләре каян өйрәндә икән дигән сорау туа. Ямаширмә авылы халкы Казан шәһәрендә яшәүчеләр белән элекке заманнардан ук аралашып яшәгән. Беренчедән, авыл егетләре Казандагы Татар бистәсеннән кыз алганнар, туганлашканнар, кунакка йөрешкәннәр. 1764 елгы 3 ревизия материалларында Үтәгән Тилмәшевнең Кәримә Ишмәт кызына, Ишморза Ишкинның Салихә Ишбулды кызына өйләнгәнлеге турында мәгълүмат бар (Россия Дәүләт

борынгы актлар архивы (РДБАА), 1182 эш: 285–285 и.я.). Икенчедән, алар шәһәрдәге завод-фабрикаларда эшлэгәннәр. 1870 елда авылдагы 1227 кешенен 321е эшче булганлыгы билгеле (Экономическое..., 2022: 299).

Язучы Гомәр Бәшировның “Туган ягым – яшел бишек” дигән автобиография повестендә “Ул елларда Ямаширмә бүтән авылларга караганда бик зур да, баерак та иде. ... Ирләре Казанда эшләп акча таба, кызлары, киләннәре кышларын байларга читек кайыйлар”, дип искә алына (Бәширов, 1967: 38). Авылга бу һөнәрне бистә кызлары, яисә Казанда ялланып эшлэгән крестьяннар алып кайткандыр дип уйларга жирлек бар.

1790 елларда Казанның популяр итекчесе Мостафа Фәйзуллин, Оренбург губернасының Сәет Бистәсендә булганда, үрнәккә дип, ирләр өчен Бохарада тегелгән кәвешле читекләр сатып ала. Казанга кайткач, әлеге үрнәккә нигезләнеп, ирләр һәм хатын-кызлар аяк киёмнәре эшли башлый, аңа башкалар да кушыла (Обзор..., 1896: 55).

XIX йөзнен беренче яртысында сәүдәгәр-сәнәгатьче Абдуллин һәм Фәйзуллиннарның фабрикалары булса, 1869 елдан 2 гильдия сәүдәгәре Мөхәммәтжан Галиев “азиат аяк киеме” тегү¹ һәм сату эшен башлап жибәрә. Әйтеп үтик, аның күн эшләнмәләре Чикаго һәм Түбән Новгород шәһәрләрендә узган күргәзмә-ярминкәләрдә бүләкләр ала, медальләргә лаек була (Галеев (Галиев), 2023).

XIX йөз ахырында Казанда бу кәсеп белән шөгыйльләнүче унлап эре фирма санала. Барлык эшмәкәрләр диярлек татар милләтеннән, араларында берсе генә әрмән була. Сәүдә кибетләре Печән базарында урнашкан. Товарлар шулай ук Түбән Новгород, Минзәлә, Эрбет һәм башка шәһәр ярминкәләрендә сатыла. Биредән алар Себергә, Кавказ аръягына, Төркестанга, аннары Бохарага, Хивага һ.б. жирләргә дә озатыла (Рылов, 1887: 196). XX йөз башында сәүдәгәр Мөхәммәтжан Галиев 25 мең сум капиталы булган «М.И. Галиев уллары белән» дигән Сәүдә йортын төзи. Этисенен эшен улы Газизжан дәвам итә (Галеев (Галиев), 2023). Шәһәр эшмәкәрләре Казан арты авыллары һөнәрчеләре белән элементдә торалар.

Революциядән соң Казан шәһәрндә “азиат аяк киёмнәре” житештерү бунча “Азиатское обувное т-во” (1919), “Ичиги” (1919), “Азад” (1924), “Трудовик” (1924), “Берләшкән көч” (1925), “Умид” (1925), “Чувяк” (1926), “Таткустпромсоюз” (1926), “Азиатская обувь” (1928) һ.б. әртилләр ачыла (ТР ДА, 303 эш: 1–28; 478 эш: 10, 17, 25 и.я., 54, 78, 81–81 и.я.; 793 эш: 252 и.я.). Әмма, кирәкле күләмдә чимал белән тәэмин ителмәү сәбәпле, аларның күбесе тиз арада ябылып бетә. Шуңа күрә берләшеп кооперативлар төзәргә мәжбүр булалар. Нәтижәдә барлык кәсепчеләрне берләштергән “Таткустпромсоюз” кооперативы барлыкка килә, ул соңрак “Таткожвалпромсоюз” дип үзгәртелә.

---

¹ Сәүдәгәр М.И. Галиев фикеренчә, “азиат аяк киёмнәре” атамасы беренчел үрнәкләренен Азиядән китерелүенә бәйле.

1926 елның 29 маенда “Таткустпромсоюз” кооперативы составында Арча кантоны Дөбъяз волосте Битаман авылында (хәзерге Биектау районы) “Алга” әртиле ачыла. Анда Бикнарат, Әсән, Кодаш, Олы Көөк, Кече Рәс авылларыннан 48 кеше эшли (ТР ДА, 578 эш: 39). Бу әртил Казан арты читекчеләренә беренче берләшмәсе була.

Казан губернасында инкыйлабка кадәр 1 млн. пардан артык “азиат аяк киеме” житештерелгән. Эмма революция елларында милли күн эшләнмәләр житештерү күләме күпкә кими. Татсовнарком продукциянең күләмен арттыру юлларын эзләргә мәжбүр була. Мәсәлән, 1928 елда “Таткустпромсоюз” кооперативы елга 10 мең пар аяк киеме эшләп чыгарган. Татсовнаркомга жавап биргән эш кәгазендә “Татарстан Республикасы кантоннарында булган житештерүчеләренә мөмкинлекләре шактый зур булуын истә тотып, берләшеп елга 200 мең пар аяк киеме житештереп булыр иде”, дип белдерәләр (ТР ДА, 849 эш: 36). Алга таба шартларын да күрсәтәләр: 1) тиешле күләмдә күн чималы белән тәмин итү (урда токымлы сарык, кәжә тиресе яки эшкәртелгән кәжә, тәкә тиресе); 2) әйләнештәге акчадан бүлеп бирү (тире чималы белән тәмин ителгән очракта – өч айлык, яисә эзер күн товарлары белән тәмин ителгәндә – ике айлык эшләнмәләр).

1928 елның 14 гыйнварында Арча кантоны Тукай волосте Өнсә авылында татар халкының бөөк шагыйре исемен йөрткән “Тукай” әртиле ачыла (ТР ДА, 959 эш: 66). 1941 елда “Тукай” составыннан Колачы авылы пайчылары аерылып чыгып, “Труд” әртиле оештыралар һәм “Кожвалпромсоюз” идарәсенә буйсыналар (Арча муниципаль архивы (АМА), 46 эш: 1).

Ямаширма авылы чигүчеләре “Тукай” әртиленә карыйлар. Бу елларда әле кәсепчеләр үзләренә өйләрендә эшлиләр. Авыр сугыш елларында икмәк житештерү, фронтны азык-төлек белән тәмин итү карт-коры, хатын-кызлар һәм балаларга йөкләнә. “Тукай” әртиле эшчеләре милли аяк киёмнәре житештерү белән беррәттән, солдатлар өчен киез итекләре ямау белән дә шөгыйльләнәләр (АМА, 3 эш).

Архивта 1945 елның ноябрь аендагы эш хаклары турындагы хисап исемлегә (ведомость) сакланган. Барлыгы 13 хатын-кыз 746 сум 50 тиен акча эшлэгәннәр. Аның 144 сум 79 тиене төрле салымнарга тотылган. Чиста керем 601 сум 71 тиен тәшкит иткән. Уртача хезмәт хакы 46 сум 30 тиен булган. Иң югары керем алучылар: Исхакова Фатыйма (223 сум 74 тиен), Галиәхмәтова Кәшифә (67 сум 82 тиен), Сафина Бәдерхәят (59 сум 24 тиен), Шәмсетдинова Гөл... (52 сум 95 тиен), Гәрәева Асия (48 сум 55 тиен); ә аз эш хакларын: Исмәгыйлева Фатыйма (8 сум 90 тиен), Закирова Миңлегөлләр (10 сум 73 тиен) алган. Югарыда санап үтелгәннәрдән тыш, калганнарның ноябрь аенда хезмәт хакы күләме 21 сум 48 тиеннән 27 сум 77 тиенгә кадәр булган (АМА, 43 эш: 56).

Сугыш елларында милли күн эшләнмәләр житештерү күләме кими. 1941 елда житештерү планы 48,12% ка гына үтәлә, чиста табыш 136990 сум 67 тиен тәшкит итә (92,5%). Чимал белән тәмин итү тиешле күләмдә үтәлми: 227400 урынына 190136 сумлык кына килә. Идарә утырышы 1941 елгы хезмәтне

канәгатләндерерлек түгел дип таба һәм жирле колхоз белән берлектә килешү төзү юлы белән кәсепчелекне ныгытуга аерым игътибар бирергә тәкъдим итә (АМА, 1 эш: 12–12 и.я.).

Бөек Ватан сугышыннан соң продукциянең сыйфатын яхшырту һәм житештерүчәнлекне арттыру мәсьәләсен хәл итәргә кирәк була. “Таткожвал-промсоюз” идарәсе, беренче чиратта, СССР Министрлар Советының 1948 елның 14 апрелендә чыккан 1229 номерлы карарының үтәлешен тикшерүне көн тәртибенә куя. Әртилләрнең эшчәнлеген ныклап тикшерергә, алыпсатарларга каршы көрәшәргә дигән карарга киләләр. 1949 елда берләшмә утырышында көндәлек контрольне ныгыту һәм ярдәм күрсәтү йөзеннән берләшмә эгъзасы Габдрахмановны “Тукай” әртиленә билгелиләр. Продукция складларын тикшерү нәтижәсендә, “Тукай” чигү цехында эшләнгән чүәкләрнең 35нче размерлары гына булуы ачыклана. Чигелешләре һәм күннең эшкәртелүе тупас, чүәкләр төссез дигән нәтижәгә киләләр. Брезентлы “азиат туфли”ләренә ихтыяж булмау сәбәпле, аларны житештерүдән алырга, балалар читекләрен, мозаикалы күн туфлиләрнең һәм тукымадан тегелгән балалар пинеткаларының сыйфатларын яхшыртырга, бәяләргә киметү чараларын булдырырга, яраксыз дип табылган аяк киёмнәрен кире әртилләргә кайтарырга дигән карар кабул ителә (АМА, 47 эш: 11, 15).

1958 елда “Тукай” әртиленең Ямаширмә чигү цехы составында 15 кеше исәпләнә. Әртил сугыш вакытында балалар бакчасы булган йортта урнаша. Чигүчеләрнең барысы да диярлек 7–8 сыйныф белемле, 16–20 яшьлек сугыш чоры балалары. Араларында иң өлкәне Закирова Зөләйха (1931 елгы). Цех житәкчесе булып Бөек Ватан сугышында катнашкан Хәсәнов Ситдыйк Хәсәнша улы² (1914 елгы) эшли (АМА, 120 эш: 11–12). Ул – сугышның беренче көненнән соңгы көненә кадәр сугышкан фронтовик. Өлкән сержант дәрәжәсендә Көнбатыш фронт артиллерия батальонында санинструктор булып хезмәт итә. 1942 елда “Сугышчан казанышлары өчен”, 1944 елда сугыш кырынан яралы солдатларны, офицерларны һәм Ленинград өлкәсендәге Перевоз авылы янындагы каты сугышта разведчикларны коткарган өчен “Батырлык өчен” медальләре һәм 1944 елда “Кызыл Йолдыз” ордены белән бүләкләнә (Россия Оборона министрлыгы үзәк архивы (РОМУА), 2424 эш).

Чигү һөнәренә укучы кызларны остазлар өйрәтә. 1958 елның 1 декабреннән 10 көнлек курслар да оештырыла. Үзәк берләшмәдән инструктор Мос-тафина Илсәя ярдәмгә жибәрелә (АМА, 85а эш: 19).

1960 елның 17 октябрдә 1 номерлы приказ нигезендә Хәсәнов Ситдыйкны карауылчы итеп күчәрәләр. Аның урынына Мөхетдинов Борһан Мөхетдин улын (1911 елгы) билгелиләр. Б.М. Мөхетдинов та Бөек Ватан сугышы ветераны, инвалид (сугышта бер кулын югалткан), 1958 елда “Кызыл Йолдыз” ордены белән бүләкләнгән фронтовик (РОМУА, 1 тартма). Цех житәкчесенең эшләрен тикшереп тапшыруны инженер Сабировка йөклиләр.

² Кайбер документларда Зәйнулла улы дип күрсәтелгән (ред. сн.).

Цехка өлге ярдәмендә киселгән эзер төсле күннәр үзәктән китерелә. Чигү осталары каюлы күнгә чүәк, башмак, читек башы һәм балтырларын каеп тегәләр. Эшлэгәндә махсус калып, мүлинә жебе, дунгыз кылы кулланыла. Эзер товар үзәк әртилгә жибәрелә. Махсус тегүче жөйнең уникаль техникасын кулланып төпләп бетерә. Кулдан тоташтыру ысулы “Казан (татар) жөе” дип аталган.

Казан арты авылларындагы әртилләр берничә тапкыр берләштерелә. Биектау һәм Арча районнарында урнашкан цехларны 1960 елның 5 октябринан (290 номерлы боерык) “Арча милли аяк киёмнәре фабрикасы” итеп үзгәртәләр.

Фотода 1970 елларда “Арча милли аяк киёмнәре” житештерү берләшмәсендә эшләнгән каюлы читек (Ямаширмә авылы Сафиуллина Әминә Хәбибулла кызыннан (1918–1998) алынды). Озакламый бу экспонат музейда үз урынын алачак.

“Тукай” әртиле Мүлмә бүлекчәсе дип йөртелә башлый. 1961 елда “Тукай” (Мүлмә), “Сигнал” (Суксу), “Фрунзе” (Олы Этнә) фабрикаларын берләштерү нәтижәсендә “Арча милли аяк киеме житештерү берләшмәсе” (ПОНО) төзелә. Берләшмәнең филиаллары Ямаширмә, Дөбяз, Этнә, Мүлмә, Өнсә, Урта Аты, Утар-Аты, Сәрдә, Тимерче авылларында була (АМА, 85а эш: 19).

1961 елдан Ямаширмә филиалы яңа бинада эшли башлый. Тау башында агачтан төзелгән зур гына агач йортны мин хәтерлим әле. Бинаның барлык мәйданы 52 кв. м, шуның 39 кв. м-ы житештерү цехын тәшкил итә. Эш цехы жылытылган, электрлаштырылган була (АМА, 429 эш: 3).

1960 елның 21 декабринан 7 сәгатьлек эш көненә күчәләр: иртәнге 8 дән кичке 4 кә кадәр. 1 сәгатьлек төшкә аш вакыты билгеләнә, түләүле ял карала.

Цехлар, бригадалар, эшчеләр арасында социалистик ярышлар үткәрелә. “Социализм байрагын тагын да югары күтәрик” дигән лозунг астында түбәндәге йөкләмәләр кабул ителә: “1) Партиябезнең карарларын эштә кулланма итеп алып .... яхшы сыйфатлы итеп, Конституция көне 5 декабрьгә үтәп чыгарга;

2) Союздан бирелгән сортлы лимитның I сортын 92%ка, II сортын 6,5%ка, III сортын 1,5%ка үтәргә: а) сыйфатны яхшыртырга, б) квалификацияне күтәргә (техникум, индивидуальный һәм алдынгы укуларын үткәргә), в) әртил членнары арасында социалистик ярышны жәелдергә;

3) Социалистик ярыш договорын айга бер мәртәбә тикшереп, нәтижәсен эшчеләргә аңлатып барырга;

4) Эшләр чыгарган продукциянең үз өстенә төшү бәясен киметергә;

5) Производства булган техникалардан дәрәс файдаланырга;

6) Бер генә туздыруны, урлашуны һәм алачак-бирәчәкләрне булдырмаска;

7) План үтәүгә зыян китермичә колхоз идарәсенә ярдәм итәргә” (АМА, 101 эш: 1).

Әртилнең үзенең профсоюз комитеты була. “Тукай” әртеле житекчеләге (Н.Я. Яруллин, 1961 елдан З.С. Сабиров) идарә белән берлектә профсоюз әгъзаларына ярдәм күрсәтергә тырышалар. Балаларга Яңа ел бүләкләре эзерләү (мәсәлән, 1961 елны каршылаганда 500 сум), ял йортларына юлланмалар белән тәмин итү һ.б. чаралар карала (АМА, 106а эш).

“Тукай” колхозына эшчеләр житмәгәнлектән, 1961 елның 15 мартыннан Гыйләжева Асия³ белән Сибгатуллина Розаны колхозга эшкә чакыртып алалар.

Шулай ук Биектау районы хезмәт ияләре депутатларының район советы карары нигезендә урып-жыю чорында эшчеләрне чигү цехыннан колхозга эшкә чыгаралар. Мәсәлән, 1961 елның 7 августыннан 10 көнгә ун хатын-кызны (Сәгъдиева А., Мөмәммәтъярова М., Исмәгыйлова А., Ногманова Ф., Сафина М., Хәйретдинова Ф., Гайнетдинова М., Нигъмәтуллина Ф., Хәбибуллина И., Гыймадиева М.) 53нче боерык нигезендә колхозда уңыш жырга чакырып алалар (уртача эш хакының 50% сакланган) (АМА, 106а эш: 18). Димәк, социалистик ярыш договорының “План үтәүгә зыян китермичә, колхоз идарәсенә ярдәм итәргә» дигән пункты үтәлгән.

1963 елдан филиалны Әхмәтжанова Халидә Мөбәрәкжан кызы житекли (1948 елгы) (АМА, 120 эш). Соңыннан аны Гәрәфиева Радания Рәис кызы (1956 елгы) алыштыра⁴.

1984 елдан Ямаширмә авылындагы участок цехы яңадан икенче бинага күчә. 84 кв. м булган бу йорт берләшмәгә 30 мең сумга төшә. Барлыгы бу участка 22,8 мең шартлы пар товар житештерелгән. 1988–1989 елларда цехка ремонт ясала, ял итү һәм ашау почмагы булдырыла, участок территориясе төзекләндерелә, куаклар, чәчәк клумбалары утыртыла (АМА, 566 эш: 8).

Бер гасырлык тарихы булган каюлы читекләр эшләү һөнәре 1992 елдан түбәтәйләр, калфаклар эшләүгә кайтып кала. Бүгенге көндә һөнәрчеләр “Туран Арт” фонды белән хезмәттәшлек итәләр.

Ямаширмә авылында туристларны авыл тормышы, татар халкының гореф-гадәтләре, сәнгате белән таныштыру мөмкинлегә зур. Тәвә кошы фермасы, кул эшләре осталарының остаханәләре эшли, төрле шифалы үләннәр жыеп, алардан чәй ясаучылар да бар. Мәктәптә Бөек Ватан сугышы һәм авыл тарихы музейлары бар. Мәдәният йортында халык театры, “Чияләр” жыр ансамбле ижат итә.

³ Сыер савучы булып эшләп, Сафина (Гыйләжева) Асия 1971 елны Ленин ордены белән бүләкләнә.

⁴ Гәрәфиева Радания Рәис кызы 2023 елның 29 августында “Татарстан Автономияле Совет Социалистик Республикасы төзелүгә 100 ел” медале белән бүләкләнә.

“Туран Арт” фонды житәкчесе Хәйбрахманова Суфия Камай кызы тырышлыгы белән “Халык һөнәрләре һәм гамәли сәнгать” музей-остаханәсе эшли. Килгән кунаклар да тиздән, авыл халкы, мәктәп укучылары белән беррәттән, XX йөздә үзенең каюлы читекләре, чүкләре белән бөтен дөньяга танылган милли аяк киёмнәре цехы эшчәнлегә тарихы һәм экспонатлары белән таныша алырлар.

ЧЫГАНАКЛАР

Арча муниципаль архивы (АМА). 500 ф. 1 тасв. 1 эш.

АМА. 500 ф. 1 тасв. 3 эш.

АМА. 500 ф. 1 тасв. 43 эш.

АМА. 500 ф. 1 тасв. 46 эш.

АМА. 500 ф. 1 тасв. 47 эш.

АМА. 500 ф. 1 тасв. 101 эш.

АМА. 500 ф. 1 тасв. 120 эш.

АМА. 500 ф. 1 тасв. 429 эш.

АМА. 500 ф. 1 тасв. 566 эш.

АМА. 500 ф. 1-л. тасв. 85а эш.

АМА. 500 ф. 1 л. тасв. 106а эш.

Бәширов Г. Туган ягым – яшел бишек // Казан утлары. 1967. 8 сан. 38–69 б.

Галеев (Галиев) Мухаммадзян Ибнаминович // Tatarica. Онлайн-энциклопедия. URL: <https://tatarica.org/ru/razdely/istoriya/novoe-vremya/personalii/galeev-galiev-muhammadzyan-ibnaminovich> (мөрәжәгать итү датасы: 29.05.2023).

Материалы исследования промыслов населения Казанской губернии. Казань, 1887.

Обзор кустарных занятий в Казанской губернии. Казань, 1896.

Россия Дәүләт борынгы актлар архивы (РДБАА). 350 ф. 2 тасв. 1182 эш.

Россия Оборона министрлыгы үзәк архивы (РОМУА). 3 ф. 686044 тасв. 2424 эш.

РОМУА. 60 шкаф, тартма 1.

Татарстан Республикасы Дәүләт архивы (ТР ДА). 81 ф. 14 тасв. 11 эш.

ТР ДА. Р–303 ф. 1 тасв. 303 эш.

ТР ДА. Р–787 ф. 1 тасв. 478 эш.

ТР ДА. Р–787 ф. 1 тасв. 578 эш.

ТР ДА. Р–787 ф. 1 тасв. 793 эш.

ТР ДА. Р–787 ф. 1 тасв. 849 эш.

ТР ДА. Р–787 ф. 1 тасв. 959 эш.

Указатель второй Всероссийской кустарной выставки в С.-Петербурге 1913 года, устроенной Главным управлением землеустройства и земледелия. Санкт-Петербург: тип. «Якорь», 1913.

Экономическое положение сельского населения Заказанья (XIX – начало XX века): сборник документов и материалов / сост., автор предисловия, примечаний, научно-справочного аппарата Х.З. Багаутдинова. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2022.

ӘДӘБИЯТ

Валеев Ф.Х. Народное декоративное искусство Татарстана. Казань, 1984.

Валеев Ф.Х. Орнамент казанских татар = Казан татарлары орнаменты. Казань, 1969.

Валеев Ф.Х. Татарский народный орнамент. Казань, 2002.

Валеева-Сулейманова Г.Ф. Декоративное искусство Татарстана: 1920-е – начало 1990-х годов. Казань, 1995.

Воробьев Н.И. Казанские татары. Казань, 1953.

Гулова Ф.Ф. Татарская национальная обувь (искусство кожаной мозаики). Казань: Татаркнигоиздат, 1983.

Саттарова Л. Сәхтияң читек, саурый үкчә... Казан, 2013.

Фукс К.Ф. Казанские татары в статистическом и этнографическом отношениях. Казань, 1991.

Автор турында белешмә: Баһаветдинова Халидә Зиннәт кызы, Идел буе һәм Урал алды тарихы бүлеге фәнни хезмәткәре, Татарстан Республикасы Фәннәр академиясенең Ш. Мәржани исемендәге Тарих институты (420111, Батулин ур., 7А, Казан, Россия Федерациясе); halida12_61@mail.ru

Редакциягә керде 6.06.2023

Кабул ителде 5.07.2023

ИЗ ИСТОРИИ ПРОИЗВОДСТВА НАЦИОНАЛЬНОЙ ОБУВИ В ТАТАРСКИХ СЕЛАХ ЗАКАЗАНЬЯ (НА ПРИМЕРЕ СЕЛА ЯМАШУРМА)

Х.З. Багаутдинова

*Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
halida12_61@mail.ru*

На сегодняшний день история развития национальной обуви с кожаной мозаикой у татар относится к числу наиболее изученных вопросов татароведения. В статье автор на примере села Ямашурма пытается объяснить связь заказанских вышивальщиц с предпринимателями казанских слобод. Показаны этапы становления артелей, которые берут начало с конца XIX в. Излагаются методы работы и условия труда вышивальщиц в советское время.

Впервые в научный оборот введена информация об участии женщин села Ямашурма во второй Всероссийской выставке мелких ремесленников, проходившей в 1913 г. в Санкт-Петербурге. В статье в приоритетном порядке изучаются источники из фондов Государственного архива Республики Татарстан и Арского муниципального архива.

Ключевые слова: простроченные ичиги, промысел, Заказанье, село Ямашурма, артели, выставки, «Производственное объединение национальной обуви».

Для цитирования: Багаутдинова Х.З. Казан арты татар авылларында милли аяк киемнәре житештерү тарихыннан (Ямаширмә авылы мисалында) // Историческая этнология. 2023. Т. 8. № 2. С. 245–255. DOI: 10.22378/he.2023-8-2.245-255

Сведения об авторе: Багаутдинова Халида Зиннатовна, научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); halida12_61@mail.ru

Поступила 6.06.2023

Принята к публикации 5.07.2023

**FROM THE HISTORY OF NATIONAL SHOE PRODUCTION
IN THE TATAR VILLAGES OF THE REAR-KAZAN AREA
(A CASE STUDY OF THE YAMASHURMA VILLAGE)**

Kh.Z. Bagautdinova

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences

Kazan, Russian Federation

halida12_61@mail.ru

At the present day, the history of the development of national shoes with leather mosaics has been well studied by researchers. In the given article, the author, using the case study of the Yamashurma village, tries to explain the connection between the Rear-Kazan embroiderers and the entrepreneurs of the Kazan settlements. The stages of formation of artels, which originate from the end of the 19th century, are presented.

For the first time, information was introduced into scientific circulation about the participation of women from the Yamashurma village in the Second All-Russian Exhibition of Small Craftsmen, held in 1913 in St. Petersburg. The article prioritises the sources from the funds of the State Archives of the Republic of Tatarstan and the Arsk Municipal Archives.

Keywords: stitched ichigs, fishing, Rear-Kazan area, Yamashurma village, artels, exhibitions, Production Association of National Footwear.

For citation: Bagautdinova Kh.Z. (2023) From the history of national shoe production in the Tatar villages of the Rear-Kazan Area (a case study of the Yamashurma village). *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 8. No. 2: 245–255. DOI: 10.22378/he.2023-8-2.245-255 (In Tat.)

REFERENCES

- Fuks K.F. (1991) *Kazan Tatars in statistical and ethnographic relations*. Kazan. (In Russ.)
- Gulova F.F. (1983) *Tatar national shoes (art of leather mosaic)*. Kazan: Tatknigoizdat Publ. (In Russ.)
- Sattarova L. (2013) *Sahtiyān chitek, Sauri heel....* Kazan. (In Tat.)
- Valeev F.Kh. (1969) *Ornament of the Kazan Tatars*. Kazan. (In Russ.)
- Valeev F.Kh. (1984) *Folk decorative art of Tatarstan*. Kazan. (In Russ.)
- Valeev F.Kh. *Tatarskiy narodnyy ornament*. Kazan, 2002. (In Russ.)
- Valeeva-Suleymanova G.F. (1995) *Decorative art of Tatarstan: 1920s – early 1990s*. Kazan. (In Russ.)
- Vorob'ev N.I. (1953) *Kazan Tatars*. Kazan. (In Russ.)

About the author: Khalida Z. Bagautdinova, Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7A, Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); halida12_61@mail.ru

Received June 6, 2023

Accepted for publication July 5, 2023

УДК 94(470.41)

РЕЛИГИОЗНАЯ СИТУАЦИЯ В СОВЕТСКОЙ ДЕРЕВНЕ. ОПЫТ МИКРОИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

А.Г. Галлямова

*Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
alfiya1955@gmail.com*

В свете объявленного в 2023 г. в Республике Татарстан Года национальных культур и традиций несомненна актуальность исторического знания об отдельных этно-региональных локусах, позволяющего показать на реальном пласте культуры степень сохранности в нем традиционного начала. Цель статьи – проанализировать роль религиозного фактора в советский период в жизни одного из старинных татарских сел – Новое Надырово Альметьевского района, раскрыть факторы и реалии трансформации религиозного сознания в советский период на основе проведенных в селе более 70 глубинных интервью. Испокон веков ислам играл консолидирующую роль в жизни сельского сообщества, обеспечивая систему прочных этических и нравственных устоев; несмотря на антирелигиозную политику советского государства, роль религии в жизни общества сохранялась. Призма микроисторического исследования, проведенного методом устной истории, представляет весьма функционально эффективной для интерпретации ретроспективы XX века. Она служит неконъюнктурности научных коннотаций истории, подвергнутой в советской историографии мощной идеологизации и в силу этого во многом искажавшую картину цивилизационного пространства.

Ключевые слова: Татарская АССР, советская эпоха, религия в СССР, ислам в ТАССР, Альметьевский район, «устная история».

Для цитирования: *Галлямова А.Г.* Религиозная ситуация в советской деревне. Опыт микроисторического исследования // Историческая этнология. 2023. Т. 8. № 2. С. 256–263. DOI: 10.22378/he.2023-8-2.256-263

Как известно, 2023 год в Татарстане объявлен Годом национальных культур и традиций. В этой связи возрастает актуальность исторического знания отдельных этно-региональных локусов, позволяющего показать на реальном пласте культуры связь времен, степень сохранности и ценности в нем традиционного начала, факторов и результатов его трансформации. Цель данной публикации – проанализировать роль религиозного фактора в советский период в жизни одного из старинных татарских сел – Новое Надырово Альметьевского района, известных как один из крупных религиозных центров края.

Источниковой базой исследования послужили материалы экспедиции, проведенной летом 2006 г. в этом селе. Они позволили составить и сохранить банк данных по многим аспектам жизни крестьян в XX в. В частности, Новое Надырово представляет весьма удачный объект для понимания пережитого в советский период антирелигиозной политики опыта мировоззренческих метаморфоз в нравственном воспитании и просвещении. Пережитый опыт для общества не проходит бесследно. Придерживаясь аксиологического подхода, мы провели более 70 глубинных интервью, стремясь отразить многосторонний спектр поведенческих установок без строгой схематизации, чтобы не скатываться к бинарности, обедняющей и упрощающей жизненные ситуации и анализ ретроспективы социума.

Новое Надырово было основано в двадцатых годах XVIII в. и его не случайно называют «древней столицей» края. Оно являлось главным населенным пунктом Надыровской волости, включавшей сегодняшние юго-восточные районы Республики Татарстан и Клявлинский, Камышлинский районы Самарской области. Это административное образование находилось в эпицентре борьбы между Российским государством и населением Ногайской Орды. В этой борьбе отражалась история становления и развития национального самосознания татарского народа.

В формировании его идентичности огромную роль играла и религия. В Новом Надырове в 1754 г. была возведена одна из самых первых мечетей в крае. Это был период, когда Екатерина II кардинально отошла от жесткой антиисламской политики петровской эпохи и пошла на многие уступки российскому мусульманству.

В «столице» Новонадыровской волости сформировался славный род имамов Рафиковых (Мухаммат-хазрат; Хасан, имам хатыб; Хабибулла, имам хатыб; Гильфан-мулла). Муллы, как самые уважаемые в ауле люди, осуществляли важные представительские функции. В их домах останавливались важные чины, деловые люди из уездного, губернского центра. В Новом Надырове таким домом был дом Мухаммата-хазрата Рафикова. Сам хазрат вместе со своей женой Хадичой один раз в год собирали закят в Самаре, Бугульме, Сарманове и других близлежащих селениях, который использовали в благотворительных целях.

К 1915 г. в Новом Надырове имелось три соборные мечети – Красная, Зеленая и Новая, соответственно 1, II и III приходов. Обычно мечети строились на средства жителей, мектебе и медресе при них иногда содержались богатыми купцами-меценатами из мусульман. Одним из таких меценатов в Новом Надырове был отставной зауряд-сотник Кутлукадым Исмагилович Надыров. 18 февраля 1855 г. он подал прошение в Самарское губернское правление о разрешении на строительство новой мечети взамен сгоревшей в 1854 г. Утверждение документов задерживалось, поэтому благотворитель, учитывая острую необходимость односельчан в помещении для молений, выстроил без разрешения деревянную мечеть по проекту помощника архитектора Волоцкого. Узнав о самовольной постройке мечети, Бугульминский уездный суд 12 декабря 1855 г. на-

чал расследование. Надырову грозил крупный денежный штраф, но он попал под амнистию. Так как здание мечети соответствовало всем предъявляемым требованиям, его без дальнейших проволочек передали верующим.

Новое Надырово издавна было и центром просвещения. При каждой мечети были медресе и школы-мектебы, которые оставались главным очагом знаний вплоть до середины 1920-х гг. несмотря на то, что первая советская школа открылась в селе еще в 1918 г. Первый мектеб при Красной мечети открылся в Новом Надырове еще в 1846 г. Известно, что в 1868 г. школу посещали 15 мальчиков и 17 девочек. Позднее, при мечети открылось 5 новых медресе, 3 из которых открылись в 1860-х гг., 2 – в 1911 г. При Зеленой мечети мектеб был открыт в 1901 г., при Новой мечети в Нижней части села – в 1903 г. (Новое Надырово, 2010: 246).

Внушительная часть надыровцев и в первой половине 1920-х гг. продолжала обучать детей при мечетях, где непререкаемым авторитетом пользовались Тазетдин-мулла и Гильфан-мулла. Именно благодаря их неустанному труду новонадыровцы в большинстве своем знали арабицу, мусульманскую литературу, произведения татарских писателей. В домах многих из них имелись солидные библиотеки.

В советское время дореволюционное книжное богатство, содержание которого не соответствовало государственной идеологии, было почти полностью уничтожено. Как вспоминает Халима Шакирова (урожденная Рафикова), когда в 1937 г. над ее родительским домом сгустились тучи и держать дома библиотеку, богатую дореволюционными изданиями, стало небезопасно, ее отец, Музагит-эфенде целый месяц со слезами на глазах сжигал религиозные книги. Часть наиболее ценных книг закопали в районе расположения современного сельского клуба. Потом, сколько ни старались, так и не смогли найти. В последующие годы и оставшиеся книги этой библиотеки были утрачены: часть не сохранилась из-за ветхости, часть была либо сожжена, либо сдана в макулатуру. До сегодняшнего времени сохранились лишь единицы. Так, у Рустема Рафикова хранится книга из библиотеки своих знаменитых предков «Мавлюдия набия» («День рождения пророка»).

Начиная с конца 1920-х годов, когда усилились гонения на религию, роль духовных наставников стала переходить к светскому учителю. Тем не менее первыми учителями становились зачастую дети мулл. В 1920–1930-е годы наиболее уважаемыми учителями были уже упомянутый выше Музагит и его сестра Рабига, дети одного из самых авторитетных на селе Мухаммета-хазрята. Постепенно искренне или нет новые учителя стали работать в парадигме коммунистической идеологии, иногда это сопровождалось драматическими коллизиями. Зримым примером в этом отношении являлась семья Рафиковых, когда во время революционных праздников сын – учитель Музагит – уходил в клуб читать лекцию на политическую тему, а его мать – Хадича Рафикова уходила

на молебен. По воспоминаниям родственников, это часто завершалось весьма острыми спорами. Хадича-абстай до конца своей жизни оставалась убежденной мусульманкой. Ее молитвой «Ясин» завершился земной путь сотен ее односельчан. Когда Хадичу-абстай предостерегали, что ее могут посадить за активную религиозную позицию, она отвечала, что будет молиться и в тюрьме.

Вопрос этот был далеко не праздным. В 1926–1929 гг. в Новом Надырове были лишены избирательных прав семьи мулл Исмагила Абдулнафикова, Гильфана Нафикова, Тазетдина Хамитова, в 1930-е годы большая их часть пострадала в кампании раскулачивания. Первыми жертвами стали: мулла Исмагил Абдулнафиков, его жена Сабира и сыновья Гали и Музагит; Рамазан Ахмадеев, Хафиз Ибрагимов, его жена Латыфа, сыновья Гариф, Харис, дочь Гайша; мулла Закий Мулюков, его жена Газиза, дети Фарид, Халима, Саит; Гильфан Рафиков, его жена Магира; Гариф Хафизов, Хамит Шагалиев, Заки Шарипов, его жена Гайша. Все они были высланы за пределы республики. На новом месте их ждали тяжелая работа на стройках и лесозаготовках, неустроенность быта. Тяжким испытанием становилась сама дорога – в товарных вагонах с малыми детьми.

В самом селе мечети закрывались, здания их использовались с учетом новых политических и экономических задач. В Новом Надырове мечеть первой махалли сгорела, второй – была превращена в избу-читальню, третьей – в трахоматозный пункт и родильный дом, а позже стала использоваться как птицеферма. Минареты на мечетях, переставших играть роль культовых заведений, были спилены, сделано это было под покровом ночи людьми, имена которых до сих пор произносятся стыдливым шепотом, причем минарет на мечети второго прихода был спилен не жителями Нового Надырова, а соседнего села – Новое Каширово.

Большинство новонадыровцев эти поступки воспринимало как кощунственные, а к репрессивным муллам относилось сочувственно. С особым сожалением очевидцы рассказывают об унижениях, которые пришлось испытать Тазетдину-мулле. Когда его арестовали, семью, конфисковав дом, выгнали на улицу в мороз. Домочадцы Тазетдина вынуждены были ютиться в маленькой баньке. Ему, человеку по тем временам очень грамотному, окончившему высшее духовное заведение, знавшему в совершенстве арабский, фарси (персидский язык), многие светские предметы – историю, географию, пришлось работать истопником в тюрьме.

Но, несмотря на это, люди по-прежнему шли к нему за советом, за духовной поддержкой, за ответами на многие сложные вопросы. Многие новонадыровцы отмечали, что несмотря на то, что обращение властей с ним, его семьей было весьма жестким, Тазетдин-мулла никогда не высказывал обиды на советскую власть, не проявлял озлобленности, учил людей толерантности и спокойствию.

В страшные годы репрессий обстановка во многих семьях Нового Надырова, чьи корни вели к муллам, была гнетущей. Как рассказывает Рафикова Халима, в их семье после ареста в Бугульме родственников: Фазыла Туйкина, преподавателя татарского языка школы комбайнеров Хаббана Надырова и Шагали Нугайбекова стали ждать и ареста отца Музагита Рафикова. Отец тесно общался с арестованными. Всем им предъявлялось нешуточное обвинение в участии в антисоветской националистической организации, которой якобы руководил Фазыл Туйкин. В момент их ареста Музагит находился в Казани, заканчивал учебу в педагогическом институте. Боясь попасть в зону внимания работников НКВД, он не посещал родственников арестованных.

Но от ареста Музагита Рафикова не уберегли ни былые заслуги, ни принятые меры предосторожности. В 1936–1938 гг. не только сами муллы, но и их родственники стали жертвами репрессий. В ночь с 30 по 31 октября 1938 г. в дома новонадыровских учителей Музагита Рафикова и Шайхрази Ишкуватова, также происходившего из рода мулл, пришли с обыском, о котором родственники до сих пор не могут говорить без содрогания. Все в доме перетряхнули, вплоть до грязного белья, ничего не нашли, забрали с собой воинские документы и фотографии тех, за кем пришли. Членам их семей, как отмечали многие информанты, повезло: их не тронули, более того, они получали мощную моральную поддержку со стороны земляков.

Борьба с религией продолжалась на протяжении всего советского периода. Сагадат Гилязетдинов вспоминает, какой ужас на односельчан наводил инспектор Кузьмин, который приезжал в село с проверкой в период проведения Курбан-байрама и Уразы с целью обнаружения, кто проявляет активность в проведении этого праздника. Вместе с тем, как вспоминает большинство респондентов, в 1960–1970-е годы антирелигиозная деятельность официальных структур носила зачастую фарисейский характер. Несмотря на официальную борьбу с религией, главные религиозные обычаи продолжали соблюдаться в Новом Надырове даже в семьях коммунистов, делалось это правда, не демонстративно, чаще в их отсутствие.

В памяти многих новонадыровцев остался особый в селе стиль чтения Корана, отличавшийся особой мелодичностью, изящностью исполнения и не похожий на современный, испытавший сильное влияние мусульман с арабского Востока. Многим запомнился красивый чистый сильный голос Искандера Рафикова во время возвещения азана. В Новом Надырове было немало людей, знавших Коран наизусть. Были и такие, кто знал арабский язык и понимал смысл его сур, к примеру, многие члены семьи Рафиковых.

Люди, исполнявшие обязанности муллы, пользовались в Новом Надырове большим авторитетом и уважением. Одним из них был указной мулла Бари Шайхуллов. Дожив до 1960-х годов, он оставался непреклонным не только в своих убеждениях. Несмотря на массовую колхозизацию населения, он и в

1960-х годах оставался единоличником. Несмотря на запреты, имел в личной собственности лошадь, на которой зарабатывал на жизнь. Кроме того, Баримулла столярничал: делал по заказам рамы, табуретки; продавал на базаре семена и овощи со своего огорода.

Кроме него, в 1940–1970-е годы религиозными авторитетами были Исхак Исмагилов, Галялетдин Каримов, Салимхан Миннеханов, Карам Нуретдинов, Нурулла Шайдуллин, Вали Ханнанов, Сагидулла Абдуллин и др. В 1970–1980-е годы обязанности муллы выполнял Шамиль Саримов.

Поколение, воспитанное в духе религиозных ценностей, продолжало придерживаться религиозных канонов: держать уразу (пост) даже в долгие летние дни, несмотря на тяжелый физический труд. К несчастью, это имело и свои печальные последствия. Ища спасения от жары и жажды, постившиеся летом, подолгу находились в ледяных погребах, отчего простужались, заболели и некоторые умирали. В селе еженедельно совершался пятничный молебен: летом – на камышовых ковриках в районе кладбища, в холодное время – традиционно в просторном доме Мисбаха и Таслимы Якуповых.

Старшее поколение, как правило, не навязывало молодежи своих убеждений, не заставляло учить молитвы, соблюдать обряды. Вместе с тем бабушки, получившие образование в медресе, старались передать внукам нравственные ценности, заложенные в исламе. В 1930–1950-е и даже в 1960-е годы сохранялось благоговейное отношение к религиозным ритуалам, культовым предметам. Так, Будра Исхакова (Мингазова) вспоминает, что ее отцу Гильфану Мингазову, передовому колхознику, бригадиру удалось спасти известную религиозную книгу – «Юсуф китабы», которую он принес домой из разоренной мечети, несмотря на то, что это могло ему «дорого стоить». Рабига Ахметова вспоминает, что ее мама, вечерами сидя у керосиновой лампы, читала религиозные книги.

В 1990-е годы с крушением коммунистической монополии в сфере идеологии началось возрождение традиционных ценностей, в том числе и религии. Руководство Совета ветеранов с. Новое Надырово во главе с Миргазияном Валиулловичем Галиуллиным стало настойчиво ходатайствовать об открытии мечети. В 1996 г. она начала строиться, а уже в 1998 г. ключ от нее был торжественно вручен Ш. Саримову. В середине 1990-х гг. установилась традиция присваивать мечетям имя человека, внесшего наиболее значимый вклад в возведение мечетей. В Новом Надырове мечеть по праву носит имя «Рафкат» в честь новонадыровца Рафката Рахманова, сыгравшего заметную роль в появлении мусульманского очага в селе. Опираясь на поддержку тогда Генерального директора ОАО «Татнефть» Рената Гимадельисламовича Галеева, Рафкат Мазитович сумел организовать слаженную работу по сооружению мечети в родном селе. Самое непосредственное участие в возведении мечети принял и другой новонадыровец, бывший военный Гамир Сабирзянович Загидуллин.

В 2010-е годы мечеть стала духовным центром в жизни верующих. Много молящихся собиралось на пятничный намаз. Имам-хатиб мечети – местный житель Абдельмалик (Ильдар Харисов). Для изучения основ религиозных знаний в мечети открыты вечерние и воскресные курсы. Их вела бывший работник нефтяной промышленности Суфия-абстай Каримова из соседнего с. Бишмунча. Начиная с 2002 г., каждая посевная проходила с благословения местного муллы. Значение религии в жизни общества особенно возрастает в период религиозных праздников.

Испокон веков ислам играл консолидирующую роль в жизни сельского общества, обеспечивая систему прочных этических и нравственных устоев. Центром общественной духовной жизни в селе, за исключением периодов насильственного крещения в XVI–XVIII вв., репрессий и массовой атеизации населения в советский период, являлись мечети. Татарам выпало немало испытаний на прочность веры. Однако во все времена важные события в жизни будь то никах, рождение ребенка, смерть осуществлялись с одобрения и при непосредственном участии мулл. исламское духовенство выступало важным и почти во все времена главным носителем культурных ценностей татар.

Призма микроисторического исследования, проанализированная методом устной истории, представляется весьма функционально эффективной для интерпретации ретроспективы XX в. Она служит полицветности, неконъюнктурности научных коннотаций истории, подвергнутой в советской историографии мощной идеологизации и в силу этого во многом искажавшую картину цивилизационного пространства.

ИСТОЧНИКИ

ПМА 2008 – Интервью с Шакировой (Рафиковой) Халимой Музагитовной, Рустамом Асгатовичем Рафиковым, Сагадатом Гилязетдиновым, Рафкатом Мазитовичем Рахмановым, Будрой Исхаковой и другими информантами (всего 74 человека), проведенные автором летом 2008 г.

ЛИТЕРАТУРА

Новое Надырово. Древняя столица края. Казань: Рухият, 2010.

Сведения об авторе: Галлямова Альфия Габдульнуровна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела новейшей истории, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); alfiya1955@gmail.com

Поступила 19.04.2023

Принята к публикации 26.05.2023

THE RELIGIOUS SITUATION IN THE SOVIET VILLAGE. MICROHISTORIC RESEARCH EXPERIENCE

A.G. Gallyamova

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
alfiya1955@gmail.com*

In the light of the Year of National Cultures and Traditions announced in the Republic of Tatarstan in 2023, the relevance of historical knowledge about individual ethno-regional loci is undeniable, which allows us to show the degree of preservation of the traditional origin in it on the real layer of culture. The purpose of the work is to analyze the role of the religious factor in the Soviet period in the life of one of the ancient Tatar villages – Novoe Nadyrovo Almetyevsk district. The objectives of the research are to reveal the factors and realities of the transformation of religious consciousness in the Soviet period since more than 70 in-depth interviews conducted in the village. From time immemorial, Islam has played a consolidating role in the life of the rural community, providing a system of strong ethical and moral foundations; despite the anti-religious policy of the Soviet state, the role of religion in the life of society has been preserved. The prism of microhistoric research conducted by the method of oral history seems to be very functionally effective for interpreting the retrospective of the twentieth century. It serves the non-opportunistic scientific connotations of history, which was subjected to powerful ideologization in Soviet historiography and, because of this, largely distorted the picture of the civilizational space.

Keywords: Tatar ASSR, Soviet era, religion in the USSR, Islam in the TASSR, Almetyevsk district, "oral history".

For citation: Gallyamova A.G. (2023) The religious situation in the Soviet village. Experience of microhistorical research. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 8. No. 2: 256–263. DOI: 10.22378/he.2023-8-2.256-263 (In Russ.)

REFERENCES

New Nadyrovo. The ancient capital of the region (2010). Kazan: Rukhiyat Publ. (In Russ.)

About the author: Alfia G. Gallyamova, Doctor Sc. (History), Leading Research Fellow of the Department of Contemporary History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7A, Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); alfiya1955@gmail.com

Received April 19, 2023

Accepted for publication May 26, 2023

ИДЕНТИЧНОСТЬ В ТЕОРИИ И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

УДК 316.4

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН В ОФИЦИАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ И ПРАКТИКАХ

Г.Ф. Габдрахманова

*Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
medi54375@mail.ru*

О.В. Лаукарт-Горбачева

*Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
olga241202@yandex.ru*

Одним из ключевых условий успешного развития современных государств является человеческий капитал. Международный подход расчета Индекса человеческого развития, разработанный в рамках Программы развития ООН, является унифицированным и не уделяет внимание социокультурному (этническому) фактору. Для оценки его значимости авторами статьи проведен дискурсивный количественно-качественный анализ «Стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 г.» и полуформализованные интервью с экспертами. Цель статьи: выявить значимость, основания и смыслы этнокультурного компонента человеческого капитала Республики Татарстан и то, как они воплощаются на практике.

Результаты исследования выявили высокую нацеленность Татарстана на поддержку этнокультурной составляющей человеческого капитала региона. Такой компонент рассматривается как показатель качества и разнообразия культурной жизни татарстанцев. Республиканская власть нацелена развивать человеческий капитал посредством поддержки творческих инициатив, мотивирования населения к наращиванию креативных компетенций. Позиционирование республики как региона с межнациональным миром и согласием используется Татарстаном для привлечения высокоразвитого человеческого капитала из других регионов и инвесторов, стимулирующих его развитие.

Ключевые слова: человеческий капитал, Республика Татарстан, этничность, культурный компонент, официальный дискурс, экспертное мнение.

Для цитирования: Габдрахманова Г.Ф., Лаукарт-Горбачева О.В. Этнокультурный компонент человеческого капитала Республики Татарстан в официальном дискурсе и практиках // Историческая этнология. 2023. Т. 8. № 2. С. 264–277. DOI: 10.22378/he.2023-8-2.264-277

Одним из важных факторов, обуславливающих благосостояние, конкурентоспособность современных территорий, является состояние человеческого капитала. Он является сложным интегральным показателем социально-экономического развития, представляющим на национальном уровне креативные высокоинтеллектуальные трудовые ресурсы, эффективную инновационную систему, дающие возможность эффективного применения и развития человеческого капитала, высокий уровень качества жизни населения.

В Российской Федерации вопросы развития человеческого капитала, наряду со сбережением населения, рассматриваются как составляющие национальных интересов страны. Значимость их решения подчеркивает «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации», утвержденная Указом Президента РФ 2 июля 2021 г.¹ Многообразие субъектов социально-экономического развития, социокультурных особенностей ее субъектов актуализируют обращение к изучению человеческого капитала на локальном уровне. Различия географических, климатических, ресурсных условий отдельных территорий страны, уровня жизни их населения отражается в отличающихся показателях индекса человеческого развития (ИЧР)². Однако ИЧР, представляя собой композитный индикатор, является унифицированным, рассчитывается на основе трех составляющих (экономического, социального (образование), демографического (включающего здоровье)), что, на наш взгляд, не способно в полной мере отразить многообразие факторов, компонентов, влияющих на развитие человеческого капитала конкретного региона.

В современных исследованиях человеческого капитала нередко упоминается значение социокультурного фактора в его развитии. Исследования о дви-

---

¹ Указ Президента РФ 2 июля 2021 г. N 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 22.10.2022).

² По данным Аналитического центра при Правительстве РФ самые высокие показатели ИЧР имеют Москва (0,940), Санкт-Петербург (0,918), Ханты-Мансийский автономный округ – Югра (0,914), Ямало-Ненецкий автономный округ (0,902), Татарстан (0,897), Тюменская область (0,891), тогда как самые низкие зафиксированы в Республике Тыва (0,787), Еврейской автономной области (0,788) и Чеченской Республике (0,793) (Индекс человеческого развития в России: региональные различия. Аналитическая записка (декабрь 2021 г.). URL: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/analitika/2022/_2021_long.pdf (дата обращения: 16.03.2022).

жущей силе культуры, берущие начало с М. Вебера, сконцентрированы вокруг вопросов экономического развития государств. Большой резонанс в мировой науке произвела монография Л. Харрисона и С. Хантингтона «Культура имеет значение...» (Харрисона, Хантингтон, 2002). Руководитель проекта Л. Харрисон, по итогам которого вышла в свет эта книга, как и другие исследователи (Р. Инглхарт (Inglehart, 1997), Г.К. Триандис (Triandis, 1995), Г. Хофстед (Hofstede, 2011)), разработали и апробировали методики определения характерных для того или иного социума норм, установок и ценностей. Результаты их использования во время масштабных международных исследований доказали влияние ценностной матрицы на социально-экономическое развитие отдельных стран.

В последние десятилетия в отечественных исследованиях человеческого капитала появился регионалистский дискурс, актуализирующий роль социокультурного фактора в его развитии. В качестве основ человеческого капитала рассматривается ментальность, проявляющаяся в этнокультурных традициях народов, их отношении к трудовой деятельности, семейным ценностям, обусловленные историческими и религиозными особенностями (Корчагин, 2011). Ученые исследуют этнические особенности отношения к здоровому образу жизни (Татарко, Лебедева, 2009), анализируют этнические факторы неравенства в контексте развития человеческого капитала российских регионов (Социальное неравенство..., 2002; Валиахметов, 2020), изучают эффективные практики и потенциал регионального образования (Габдрахманова, 2010; Лаукарт-Горбачева, 2019), выявляют влияние этнических, религиозных факторов на развитие бизнеса (Грошева, Грошев, 2020), актуализируют влияние этнокультурного фактора на формирование национальной безопасности (Савельев, 2001).

По нашему мнению, наряду с образовательной, экономической и демографической составляющими, значимой компонентой человеческого капитала является этнокультурная составляющая. Актуальным видится выявление значимости, векторов конструирования и смысловых наполнений этнокультурного компонента в двух дискурсах – официальном и экспертном, определяющих стратегию накопления и развития человеческого капитала на конкретной территории. Интересным полем для изучения обозначенной проблемы является Татарстан. Республика является полиэтничной, что позволяет оценить возможное влияние этнокультурного компонента на формирование и развитие человеческого капитала региона.

Методы

Для изучения официального дискурса об этнокультурном компоненте человеческого капитала мы обратились к доктринальному документу – к «Стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 г.». Этот ключевой документ рассматривается высшим руководством региона как программа действий для республиканских органов власти и управления³. Текст Стратегии был подвергнут контент-анализу. Он выстраивался поэтапно. На первом этапе в тексте выискивалось прилагательное «человеческий» и слова, прямо или опосредованно, связанные с четырьмя составляющими человеческого капитала – «экономика, «образование», «демография, здоровье», «культура и этничность». На следующем подсчитывалась частота их использования в документе. Количественный контент-анализ дополнился содержательным анализом контекста упоминаний слов, связанных с этнокультурным компонентом человеческого капитала.

Для решения второй задачи – выяснить насколько официальный письменный дискурс о человеческом капитале реально воплощается в фактических результатах декларируемой политики – использован метод экспертного опроса (N=13). Он проведен авторами в октябре-декабре 2021 г. по специально разработанному полужформализованному вопроснику. Экспертами стали известные специалисты в области экономики, здоровья и этнокультурной сферы Республики Татарстан, обладающие достаточными компетенциями для оценки всех составляющих человеческого капитала. Отдельной темой интервью стали вопросы о влиянии пандемии COVID-19 на развитие человеческого капитала региона. Этот аспект представляется методологически важным, поскольку в условиях современной постиндустриальной эпохи необходимым является учет факторов риска как одно из перспективных направлений развертывания концепции человеческого капитала (Юдин, 2006: 175).

Результаты

Подсчет используемых в Стратегии слов, прямо или опосредованно связанных с человеческим капиталом, позволил выстроить рейтинг интересов ее авторов. Наибольшее число слов ассоциируется с образованием (329 слов-упоминаний) всех уровней – дошкольное, основное (общее), профессиональное среднее и высшее. На втором месте – с экономикой (228), третьем – культурой и этничностью (185), четвертом – демографией, здоровьем (133). Количество слов-упоминаний об этнокультурном компоненте человеческого капитала представлено в таблице.

---

³ Угаров А. Минниханов: Татарстан за год вложил 100 млрд рублей в социальную сферу по Стратегии-2030 // Татар-информ. 2022. 21 января. URL: <https://www.tatar-inform.ru/news/minnixanov-tatarstan-napravil-100-mlrd-rublei-na-socialnye-obekty-po-strategii-2030-5851389> (дата обращения: 21.01.2022).

Таблица

**Распределение упоминаний в Стратегии слов, связанных
с этнокультурным компонентом человеческого капитала, ед.**

Единица анализа	Количество упоминаний
Культура	72
Идентичность	15
Культурное наследие	14
Национальные традиции, праздники, ремесла	13
Культурно-досуговые учреждения	10
Культурная жизнь	9
Культурный туризм	4
Татарский язык	4
Культурное развитие	3
Культурная среда	3
Культурные услуги	3
Национальная культура	3
Татарский народ	3
Двуязычие	2
Культурные бренды, арт-бренды	2
Культурная деятельность	2
Культурная инфраструктура	2
Культурные проекты, площадки	2
Национальное образование	2
Национальный «стержень»	2
Национальность	2
Поликультурное образование	2
Поликультурное пространство	2
Русский язык	2
Межнациональное согласие	1
Многонациональный народ	1
Поликультурная образовательная среда	1
Поликультурность	1
Русский праздник	1
Татарская культура	1
Этническое разнообразие	1
Всего	185

Анализ контекста упоминаний слов, связанных с этнокультурным компонентом человеческого капитала, показал, что он увязывается авторами Стратегии с качеством и разнообразием культурной жизни татарстанцев. Эта идея получает развитие в предполагаемом к реализации проекте «Креативные индустрии Татарстана». Он призван подчеркнуть стремление республики к развитию человеческого капитала путем поддержки творческих инициатив и привития у населения мотивации к поиску новых культурных идей, которые потенциально способны повлиять на социальную активность. Другая, поднимая в указанном проекте тема – это создание качественной, разнообразной, доступной культурной среды, способствующей не только накоплению, но и притяжению в Татарстан высокоразвитого человеческого капитала. Это подчеркивает интерес республики как к содержанию культурных проектов, так и к их форме – к обеспечению культурной сферы с соответствующей инфраструктурой, способной привлечь в Татарстан носителей высокого человеческого капитала из-за пределов республики. Привлекательным по замыслу авторов Стратегии является полиэтничная, поликонфессиональная специфика региона. Для ее подчеркивания используются слова «идентичность», «национальные традиции», «праздники», «ремесла». Актуализация и сохранение этнического наследия и самобытности народов Татарстана декларируются как факторы развития человеческого капитала республики.

Особое звучание в тексте Стратегии приобретает миграция, благодаря которой Татарстан нацелен на приращение человеческого капитала путем привлечения высококвалифицированных специалистов. Ее, по мнению разработчиков документа, способен простимулировать бренд Татарстана, презентующий республику как полиэтничное и поликонфессиональное сообщество и как место с качественной, разнообразной, доступной культурной средой, активным партнером развития которой выступает население. Этничность выступает в документе в качестве фактора, влияющего на развитие человеческого капитала. Поэтому по замыслу авторов документа важно прививать этническую идентичность и интерес к этнокультурному наследию уже со школьной скамьи.

При обсуждении рейтинга Татарстана по показателям человеческого капитала эксперты-участники исследования выходили на вопросы, связанные с управленческими интересами первых лиц республики. Информанты отметили, что вопросы человеческого капитала на протяжении всей постсоветской истории республики всегда входили в повестку внутренней политики региона. *«Политическое руководство республики в лице первого президентов обоих – цену, качество работы – это они всегда понимали. Они этому уделяли внимание все эти годы достаточно серьезно, потому что они видели, что предприятие где разрыв поколений есть, оно просто не способно работать. Жизнь заставляла их стимулировать развитие ресурсных центров. И это имело свою роль. Мы этого просто часто чуть-чуть пораньше начинали этот процесс и чуть-чуть активнее этим занимались»* (№7). Производимые руководителями Татарстана установки неизменно проецировались на разные сферы региона. *«Татарстану*

посчастливилось (я говорю это абсолютно искренне), что у нас было два очень и есть мощных лидера. Это первый президент Республики Татарстан – Минтимер Шарипович Шаймиев, и сегодняшний, действующий президент – Рустам Нургалиевич. Это очень сильные лидеры. И это лидерство транслируется на весь аппарат Правительства, на Аппарат Президента республики и дальше транслируется в реальную жизнь, в экономику и все аспекты нашей жизни» (№5). В числе названных экспертами продуктивных идей управленческой команды республики стала ориентация татарстанского сообщества на образование. «Основная задача и основной посыл Республики Татарстан в том, что мы учимся и учимся все вместе» (№6). В тоже время эксперты сообщили о неудачных проектах. Так, республиканская программа «Алгарыш», направленная на обучение талантливой молодежи за рубежом и предполагавшая их возвращение в Татарстан, сработала лишь частично. Причиной этой ситуации стало то, что, по мнению информантов, руководство республики «...не создало избыточные условия для того, чтобы я с желанием вернулась и здесь работала» (№6).

При оценке культуры и этничности эксперты нередко ставили эти составляющие человеческого капитала в один ряд с образованием. Для таких информантов человеческий капитал – «...это не только высшая школа, это безусловно и средняя школа, и инфраструктура, связанная с культурными учреждениями, сфера культуры» (№3). По их мнению, в республике «...конечно же образованию большое уделяется внимание, культуре» (№8). Саму же культуру они воспринимают как этническую. «...самый первый глубинный фактор, который определяет качество человеческого потенциала, базовый принцип – это культура. А культура формируется как раз внутри этноса» (№5). Тем самым информанты подчеркнули значение этничности в определении семантики человеческого капитала – именно благодаря ей закладываются смыслы качеств человека, суть его мотивации. «Уважение к своему народу, гордость, что ты представитель этого народа ... – это обогащает, безусловно, понятие человеческого капитала. Без сомнения, любые грани, которые позволяют расширить понятие человеческого капитала, любые зерна полезные – они никогда не будут лишними. И, конечно, этнокультурная составляющая – она должна быть в руках умелых людей, а не каких-то националистов, которые спекулируют этими вопросами. ... Капитал – это то богатство, которое у нас есть. А как оно может формироваться богатство без традиций веков, которые формировались? Народ тем богаче, чем у него богаче история, сохраненное этим народом» (№11). Даже деятельность национально-культурных обществ, по мнению одного эксперта, нацелена на развитие человеческого капитала этнической группы. Рассуждая о Всемирном Конгрессе татар, он отметил, что «...этот центр ... не просто национальная самобытность, но и интеллектуальный потенциал этноса в целом» (№1).

Одним из производимых этничностью смыслов человеческого капитала, по мнению экспертов, являются традиционные здоровьесберегающие практики. «Если говорить с точки зрения религиозной, то мы прекрасно знаем, что вред-

ные привычки осуждаются и в православии, и в мусульманстве. Такие явления как аборт, например, осуждаются как в православии, так и в мусульманстве. Поэтому с точки зрения даже религиозной здесь тоже очень много общего, и представители всех религий ратуют за здоровый образ жизни, за крепкую семью, за повышение рождаемости» (№11). В числе важных практик названа халляль-индустрия, которая занимается производством продуктов и услуг без вредных препаратов, исключая алкоголь и нацеленная на тиражирование ценностей здорового образа жизни.

Другим, обозначенным в интервью, значением культуры и этничности в преумножении человеческого капитала Татарстана является «...взаимопроникновение культур. Об этом тоже надо понимать, что живущие рядом народы они берут друг у друга какие-то интересные традиции и может быть потом развивают даже больше, чем тот народ, который поделился этой традицией» (№11). Эксперты уверены, что поскольку «у нас множество национальностей, множество этносов, которые живут в мире, дружбе и сотрудничестве, конечно, это взаимообогащает. Это наверняка тоже влияет на качество, на развитие человеческого потенциала» (№5). Некоторые из них на этот счет приводили примеры из зарубежного опыта: «...мы видим, что ведущие мировые университеты идут ровно по этой логике. Они отбирают самых талантливых, чем разные группы, абсолютно разные они представляют, тем больше и лучше результат проектной логики» (№6). Таким образом, информанты выразили уверенность в том, что полиэтничность Татарстана является важным и эффективным ресурсом развития человеческого капитала республики. По их мнению, происходившее здесь в течении многих веков взаимообогащение разных культур, привело к формированию специфической ментальности местных жителей, а подчеркивание этнокультурной специфики стимулирует социальную активность жителей республики. «Национальные особенности нашей республики таковы, что общая культура, развитие личности всегда приветствовались» (№9); «...человеческий капитал включает в себя не только профессиональные компетенции, но и духовно-нравственное, культурный компонент. Исторически моментом для этого региона можно считать, что здесь всегда было сочетание двух культур, двух религий. ...И это создавало условия для такого взаимодействия, которые не приводило к конфликтам, но приводило к взаимообогащению этих культур, и соответственно к расширению границ личности» (№3).

Эксперты указали и на то, что этничность нередко используется как средство привлечения инвесторов в различные отрасли экономики Татарстана. Это, в свою очередь, потенциально влияет на воспроизводство и реализацию человеческого капитала в республике. «Мы сейчас готовимся к форуму «Деловые партнеры Татарстана». Это представители крупного бизнеса татарского, которые содействуют, помогают нашим татарским общественным организациям в регионах страны и зарубежья. Мы их привлекаем в Татарстан для инвестиций, для общих проектов совместных. Наши татарские предпринима-

тели понимают то, что это благоприятный климат – инвестиционный, экономический, предпринимательский» (№2). Эксперты единодушно подчеркнули, что межнациональный мир и согласие в регионе являются одними из привлекательных особенностей Татарстана для мирового сообщества. Полиэтничность выступает эффективным инструментом укрепления идентичности с республикой: *«Территория будет иметь тем больше преимуществ, чем больше она намешана, чем больше разных взглядов совершенно этносов, тем она получается интереснее ...мы стараемся сохранять культурные особенности, мы пропагандируем язык... Это более серьезно держит территорию как некую административную единицу»* (№6).

При обсуждении вопроса о возможной специфике человеческого капитала этнических групп республики эксперты единодушно отметили отсутствие во внутренней политике Татарстана преференций в отношении отдельных этнических общностей. Представитель национально-культурного общества мордовского народа подчеркнул, что *«...студенты ... учатся в разных университетах, финансовых, исторических, авиационный, технических. Они все перемешаны»* (№8). Он отметил равенство этнических групп при открытии бизнеса. *«Допустим, Иванова Мария Ивановна. Если она захотела быть бизнесменом либо там Мухаметшин там какой-то – он тоже захотел. У них одинаковая дорога перед ними, одинаково работают университеты, одинаково потом они могут в бизнес уйти. Никакой дискриминации в этом не вижу... не цвет, не язык, не национальность не влияет. Для всех нас открыты университеты, академии и разные учреждения. Зависит все только от человека»* (№8).

Идея социального равенства представителей этнических общностей, живущих в Татарстане, звучала во всех интервью. Эксперты единодушно подчеркнули, что приоритетную роль в развитии человеческого капитала играют личные качества человека, его мотивация, а не принадлежность к этнической группе.

«...возможность человека получить работу, продвинуться по карьерной лестнице, открыть свой бизнес – это все зависит от профессиональной компетентности, от профессионализма, от компетентности, от трудолюбия самого человека. ... у нас в республике я бы не сказала, чтобы есть какие-то ограничения по отношению к другим народам, которые хотели бы себя проявить. То есть профессиональная компетентность она очень важна. ... это зависит от профессиональной компетентности каждого индивидуума, отношение к работе – не формальное отношение к работе, а именно то душевное, когда ты полностью сдаешься в эту работу» (№2).

«Социально-экономическое развитие в равной степени для всех народов, я думаю, имеет одинаковые условия. Здесь зависит опять же не от национальной принадлежности, социально-экономического состояния того или иного народа, от конкретного трудолюбия, желания своего карьерного роста, от конкретной личности. ... Желание учиться, обучаться, ...познавать что-то новое с ранних лет позволяет тем, кто мотивирован на серьезное учение, соответ-

ственно учиться в престижных вузах, соответственно повышать свою квалификацию и соответственно карьерно развиваться независимо от национальности» (№11).

Существующие в Татарстане разграничение этнической и социально-экономической сфер объяснилось экспертами проводимой в регионе соответствующей политикой. «... в политическом руководстве республики есть глубокое понимание того, что необходима паритетность: если здесь построили храм, то там надо построить обязательно другим тоже. ...Если не будет паритетности в политике, то, естественно, все это разрушится очень быстро. ...если вы посмотрите на медийное пространство республиканское, то там раньше об этом почти не говорили, ...был местечковый такой характер. Скажем, праздник в Мордовии ... сейчас пытаются это освещать, и более того, пытаются проводить их (этнокультурные мероприятия – прим. авт.) совместно. Это, я считаю, в принципе очень адекватно и правильно. Но это на республиканском уровне мало где так. ...молчаливое игнорирование инородцев – оно во многих регионах есть, и вообще пытаться ускорить процесс ассимиляции. Я думаю, не очень добросовестные такие подходы» (№7).

Оценивая пандемию как риск, эксперты признались, что в таких условиях в этнической сфере им удалось «...охватить более широкую аудиторию, используя дистанционное освещение этих (этнокультурных – прим. авт.) событий. В географическом плане тоже более широкая аудитория. ... популяризация местных праздников в широком масштабе, в масштабе всей страны, даже мира позволяет данная возможность» (№11). Тем самым они подчеркнули некоторый положительный эффект для этнокультурной деятельности. Диаметрально противоположные оценки звучали при обсуждении демографических процессов и здоровья населения в условиях COVID–19.

* * *

Контент-анализ текста «Стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года» позволил выявить высокий интерес руководства региона к этнокультурной составляющей человеческого капитала региона. Она увязывается им с качеством и разнообразием культурной жизни татарстанцев, стремлением республиканских властей развивать человеческий капитал посредством поддержки творческих инициатив, мотивирования населения к наращиванию креативных компетенций, способных повлиять на социокультурную сферу и повысить инновационный потенциал, социальную активность.

С целью сохранения, накопления и притяжения высокоразвитого человеческого капитала республиканскими властями разрабатываются и реализуются проекты, ориентированные на создание доступной, качественной и разнообразной культурной среды. Полиэтническая, поликонфессиональная специфика региона декларируются авторами Стратегии в качестве факторов, формирующих

привлекательный бренд республики и как средство привлечения человеческого капитала из других регионов.

Значение культуры и этничности для воспроизводства и реализации человеческого капитала в Республике Татарстан оценено экспертами с рациональной стороны. Именно этничность, по их мнению, закладывает смыслы требуемых для преумножения человеческого капитала качеств человека (например, с помощью ориентаций традиционных культур на здоровьесберегающие практики). Тиражирование таких смыслов жизненных ценностей национально-культурными обществами способствует развитию человеческого капитала конкретных этнических групп.

Прозвучавшей в интервью практикой развития человеческого капитала в этническом пространстве Татарстана является привлечение потенциальных инвесторов для развития образования и экономики региона путем позиционирования республики как региона с межнациональным миром и согласием. Тем самым подчеркнулось, что этничность используется как инструмент, стимулирующий развитие других составляющих человеческого капитала Татарстана – экономического, социального (образование) и демографического. Этническая принадлежность не влияет на возможности представителей разных национальностей республики по его накоплению.

ЛИТЕРАТУРА

Валиахметов Р.М. Этнические факторы неравенства в контексте концепции человеческого развития // Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации [Электронный ресурс]: материалы IV Всероссийской научно-практической онлайн конференции, посвященной 100-летию ТАССР, г. Казань, 7–8 октября 2020 г. / Под ред. Г.Ф. Габдрахмановой, Г.И. Макаровой, Л.В. Сагитовой. Электронные данные. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2020. С. 35–38. URL: http://www.tataroved.ru/publicat/books/pozitiv_opit2020.pdf (дата обращения: 10.09.2022)

Габдрахманова Г.Ф. Этнокультурные ресурсы экономического развития. Казань: Казан. ун-т, 2010.

Грошева И.А., Грошев И.Л. Роль диаспор в организации этнического бизнеса // Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации [Электронный ресурс]: материалы IV Всероссийской научно-практической онлайн конференции, посвященной 100-летию ТАССР, г. Казань, 7–8 октября 2020 г. / Под ред. Г.Ф. Габдрахмановой, Г.И. Макаровой, Л.В. Сагитовой. Электронные данные. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2020. С. 53–56. URL: http://www.tataroved.ru/publicat/books/pozitiv_opit2020.pdf (дата обращения: 10.09.2022)

Корчагин Ю. Человеческий капитал – интенсивный социально-экономический фактор развития личности, экономики, общества и государственности. М.: Высшая школа экономики, 2011.

Лаукарт-Горбачева О.В. Проблемы развития системы билингвального образования Республики Татарстан // Вестник экономики, права и социологии. 2019. №3. С. 127–130.

Савельев В.В. Этнический фактор национальной безопасности Российской Федерации // Национальная безопасность и геополитика России. 2001. № 4–5. С. 169–170.

Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / Авт. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Academia, 2002.

Татарко А.Н., Лебедева Н.М. Социальный капитал: теория и психологические исследования. Монография. М.: РУДН, 2009.

Харрисон Л., Хантингтон С. (ред.) Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. М.: Московская школа политических исследований. 2002.

Юдин Б.Г. Концепция человеческого потенциала // Гуманитарное знание: тенденции развития в XXI веке. В честь 70-летия Игоря Михайловича Ильинского / колл. моногр.; под общ. ред. В.А. Лукова. М.: Изд-во Нац. ин-та бизнеса, 2006.

Hofstede G. Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context // Online Readings in Psychology and Culture. 2011. (1). DOI: 10.9707/2307-0919.1014

Inglehart R. Modernization and postmodernization: Cultural, economic and political change in 43 societies. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1997.

Triandis H.C. Individualism and collectivism. Boulder, CO: Westview Press, 1995.

Сведения об авторах:

Габдрахманова Гульнара Фаатовна, доктор социологических наук, доцент, заведующая отделом этнологических исследований, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); medi54375@mail.ru

Лаукарт-Горбачева Ольга Викторовна, кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела этнологических исследований, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); olga241202@yandex.ru

Поступила 24.11.2022

Принята к публикации 16.01.2023

ETHNO-CULTURAL COMPONENT OF THE HUMAN CAPITAL OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN IN OFFICIAL DISCOURSE AND PRACTICES

G.F. Gabdrakhmanova

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
medi54375@mail.ru*

O.V. Laukart-Gorbacheva

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
olga241202@yandex.ru*

One of the key conditions for the successful development of modern states is human capital. The international approach to calculating the Human Development Index, developed within the framework of the UN Development Program, is unified and does not pay attention to the socio-cultural (ethnic) factor. To assess its significance, the authors of the article carried out a discursive quantitative and qualitative analysis of the "Strategy for the socio-economic development of the Republic of Tatarstan until 2030" and semi-formalized interviews with experts. The purpose of the

article: to identify the significance, foundations and meanings of the ethno-cultural component of the human capital of the Republic of Tatarstan and how they are implemented in practice.

The results of the study revealed the high focus of Tatarstan on supporting the ethno-cultural component of the region's human capital. Such a component is considered to be an indicator of the quality and diversity of the cultural life of the people living in Tatarstan. The republican government aims to develop human capital by supporting creative initiatives, motivating the population to build up creative competencies. The positioning of the republic as a region with international peace and harmony is used by Tatarstan to attract highly developed human capital from other regions and investors to stimulate its development.

Keywords: human capital, Republic of Tatarstan, ethnicity, cultural component, official discourse, expert opinion.

For citation: Gabdrakhmanova G.F., Laukart-Gorbacheva O.V. (2023) Ethno-cultural component of the human capital of the Republic of Tatarstan in official discourse and practices. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 8. No. 2: 264–277. DOI: 10.22378/he.2023-8-2.264-277 (In Russ.)

REFERENCES

Gabdrakhmanova G.F. (2020) *Ethno-cultural resources of economic development*. Kazan: Kazan University Publ. (In Russ.)

Grosheva I.A., Groshev I.L. (2020) The role of diasporas in the organization of ethnic business. In: *Positive experience in regulating ethno-social and ethno-cultural processes in the regions of the Russian Federation [Electronic resource]: Materials of the IV All-Russian scientific and practical online conference dedicated to the 100th anniversary of the TASSR*. Gabdrakhmanova G.F., Makarova G.I., Sagitova L.V. (eds). Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences: 53–56. URL: http://www.tataroved.ru/publicat/books/positiv_opit2020.pdf (accessed: 10.09.2022) (In Russ.)

Harrison L., Huntington S. (2001) *Culture matters: How values shape human progress*. Basic Books Publ., 2001.

Hofstede G. (2011) Dimensionalizing cultures: the Hofstede model in context. *Online Readings in Psychology and Culture*. No. 1. DOI: 10.9707/2307-0919.1014

Inglehart R. (1997) *Modernization and postmodernization: Cultural, economic and political change in 43 societies*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Korchagin Yu. (2011) Human capital is an intensive socio-economic factor in the development of personality, economy, society and statehood. Moscow: Higher School of Economics. (In Russ.)

Laukart-Gorbacheva O.V. (2009) Problems of development of the bilingual education system of the Republic of Tatarstan. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii* [Bulletin of Economics, Law and Sociology]. No.3: 127–130. (In Russ.)

Savel'ev V.V. (2001) The ethnic factor of the national security of the Russian Federation. *Natsional'naya bezopasnost' i geopolitika Rossii*. [National Security and Geopolitics of Russia]. No. 4–5: 169–170. (In Russ.)

Social inequality of ethnic groups: ideas and reality (2002). Drobizheva L.M. (eds). Moscow: Academia Publ. (In Russ.)

Tatarko A.N., Lebedeva N.M. (2009) *Social capital: theory and psychological research*. Moscow: RUDN Publ. (In Russ.)

Triandis H.C. (1995) *Individualism and collectivism*. Boulder, CO: Westview Press.

Valiakhmetov R.M. (2020) Ethnic factors of inequality in the context of the concept of human development. In: *Positive experience in regulating ethno-social and ethno-cultural processes in the regions of the Russian Federation [Electronic resource]: materials of the IV All-Russian scientific and practical online conference dedicated to the 100th anniversary of the TASSR*. Gabdrakhmanova G.F., Makarova G.I., Sagitova L.V. (eds). Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences: 35–38. URL: http://www.tataroved.ru/publicat/books/positiv_opit2020.pdf (accessed: 10.09.2022) (In Russ.)

Yudin B.G. The concept of human potential (2006). In: *Humanitarian knowledge: development trends in the 21st century. In honour of the 70th anniversary of Igor Mikhailovich Ilyinsky*. Lukov V.A. (eds). Moscow: National Institute of Business. (In Russ.)

About the authors:

Gulnara F. Gabdrakhmanova, Doctor Sc. (Sociology), Associate Professor, Head of the Department of Ethnological Research, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7A, Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); medi54375@mail.ru

Olga V. Laukart-Gorbacheva, Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor, Senior Research Fellow of the Department of Ethnological Research, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7A, Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); olga241202@yandex.ru

Received November 24, 2022

Accepted for publication January 16, 2023

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

УДК 908

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОГРАНИЧИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ МУСУЛЬМАН В ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX В.

О.А. Юзеева

*Государственный архив в г. Тобольске
Тобольск, Российская Федерация
sibir-tour.yuzeevaolga@mail.ru*

Представлена публикация документов конца XIX в., иллюстрирующих политику Губернского правления по отношению к совершению традиционного хаджа в Мекку и Медину мусульманским населением Тобольской губернии и реакцию на отказ мусульманского населения носить атрибуты волостного правления, напоминающие православный символ.

Ключевые слова: богомолье, мусульмане, Тобольская губерния, волостной старшина, инородная волость, знак.

Для цитирования: Юзеева О.А. Некоторые аспекты ограничительной политики в отношении мусульман в Тобольской губернии в конце XIX в. // Историческая этнология. 2023. Т. 8. № 2. С. 278–283. DOI: 10.22378/he.2023-8-2.278-283

В архивном фонде И–686 «Тобольское окружное полицейское управление» выявлено «Секретное Предписание Тобольского губернатора от 4 ноября о точном исполнении требований шариата каждым магометанином, желающим отправиться на богомолье в Мекку 1881 г.» (Государственное бюджетное учреждение Тюменской области Государственный архив в городе Тобольске (ГБУТО ГА в г. Тобольске): Д. 173. Л. 4–6об).

В конце XIX в. законодательные акты нередко имели целью пресечение опасных общественных движений. Выявленное предписание, прежде всего, было направлено на приостановку распространения негативного влияния, но не имело целью ограничить мусульман в их религиозных потребностях. В Секретном Предписании Тобольского губернатора от 4 ноября 1881 г. о точном исполнении требований шариата каждым магометанином, желающим отправиться на богомолье в Мекку, были установлены такие правила как оставить семье необходимые средства на период своего отсутствия и пр.

Некоторые стандартные гражданские правила иногда воспринимались как притеснения на религиозной почве. Так, в архивном фонде И-335 «Отделение по крестьянским делам Тобольского губернского управления» в выписке из Журнала общего присутствия Тобольского губернского управления от 10 июля 1900 г. рассматривалась жалоба от инородцев Тобольской губернии и уезда Карагайской инородной волости на распоряжение Крестьянского начальника 2 участка Тобольского уезда о принуждении местного Волостного Головы носить на груди крестообразный знак. Знак был установлен законом для Волостных Старшин русских волостей. По окончании разбирательства для пресечения негативного отношения к должности волостного старшины, ношение знака для мусульманского волостного старшины оказалось требующим установления специального знака.

Секретное Предписание Тобольского губернатора от 4 ноября о точном исполнении требований шариата каждым магометанином, желающим отправиться на богомолье в Мекку 1881 г. (ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-686. Оп. 1. Д. 173 Л. 4-6об).

Совершенно секретно

Тобольского губернатора
По канцелярии Общего Губернского управления
Отделение 1 Стол 2
Ноября 4 дня 1881 г.
№7019
г. Тобольск

Тобольскому полицмейстеру и Окружным Исправникам Тобольской губернии.

В видах ослабления вредного влияния, оказываемого мусульманами, побывавшими в Мекке и Медине, на своих единоверцев, проживающих в Западной Сибири, признавалось бы соответственным ограничить, в пределах существующих на этот предмет законов и правил и самих требований магометанского вероучения, число увольнений мусульман на богомолье в Мекку и Медину.

В отношении путешествия магометан в Мекку (хадж) в Коране (3 главе, ст. 91) говорится, что совершать в Каабу путешествие есть обязанность пред Богом для всякого, кто в состоянии это сделать «Если кто, имея средства на поездку, не совершит хаджа, то без сомнения он умрет или огнепоклонником, или язычником, или евреем, так как он не из моих последователей». Книга Равзамуль-Улэма стр. 153. Но при этом означенное путешествие обставлено, по шариату, разными условиями. Так от каждого мусульманина, отправляющегося в Мекку, требуется:

1. Чтобы он был свободен (от дел и занятий), не раб; 2. Чтобы на нем не лежало никаких долгов ни частных, ни религиозных (по зякету, умру и заджу), 3. Чтобы он не страдал умственным расстройством, определяемым также по шариату, и 4. Чтобы он был уверен, что в пути не встретит никакого препятствия и опасности, как то: грабежи, убийства и прочего, прежде же всего он должен обеспечить свое семейство достаточною суммою на пропитание, одежду и помещение, до возвращения своего из Мекки, и, независимо от сего, иметь достаточный капитал для совершения самого путешествия.

Некоторые из этих условий, а именно: несостояние отправляющихся на богомолье магометан под делами о долговых их обязательствах и достаточное обеспечение ими, на время своей отлучки, остающихся на родине семейств их, содержатся и в действующем законе (436 ст. XIV т. уст. о паспор. по прод. 1876 г.), о порядке выдачи вообще заграничных паспортов, на основании коего разрешается магометанам поездка на богомолье в Мекку и Медину, а также в циркулярном распоряжении Министерства Внутренних дел от 10 февраля 1869 г. за № 26, относительно разрешения магометанам такой поездки; но за всем тем упомянутым законом и циркуляром установлены еще правила, чтобы разрешения на отъезд за границу давались предоставившим потребные обеспечения в уплате податей; кто оным подлежит, а в отношении магометан и обратного путешествия из заграницы.

Точное выполнение всех этих требований далеко не доступно каждому мусульманину, почему путешествие в Мекку становится возможным только для наиболее состоятельных.

Но и по отношению к ним принадлежащее администрации право удостоверяться в каждом отдельном случае, что указанные условия действительно исполнены, может служить довольно сильным орудием для соответственного видам Правительства направления предпринимаемых магометанами путешествий в Мекку, причем и самые отказы в разрешении таких путешествий, как основанные на требованиях их духовного учения, не могут представляться стеснением свободы в отправлении религиозных обязанностей.

О вышеизложенном даю знать Тобольскому полицмейстеру и Окружным Исправникам на предмет строгих личных с их стороны настояний, чтобы на дальнейшее время, предварительно представления мне на разрешение подобных ходатайств, в точности исполнены были, в каждом данном случае, те требования шариата, которые обязательно выполнить всякому магометанину, желающему отправиться на богомолье в Мекку. Независимо же этого предписываю доставить мне соображения и заключение о том, может ли быть признана указанная мера вполне достаточною к ограничению излишних размеров религиозного движения магометан на богомолье в Мекку и Медину. Подлинный подписал Губернатор Лысогорский, скрепил начальник отдела С. Попов. Верно И.Д. Столоначальника [неразборчиво]

Выписка из Журнала общего присутствия Тобольского губернского управления от 10 июля по жалобе от инородцев Тобольской губернии и уезда Кара-

гайской инородной волости на распоряжение Крестьянского начальника 2 участка Тобольского уезда о принуждении местного Волостного Головы носить на груди крестообразный знак 1900 г. (ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-335. Оп. 1. Д. 115. Л. 6, 6об, 8)

Журнал 10 июля 1900 г. № 649
Исполнен 13 июля 1900 г. №3154

Слушали: жалобу доверенного от инородцев Тобольской губ[ернии] и уезда, Карагайской инородной волости Амруллы Нафуллоа Бекшенева на распоряжение Крестьянского Начальника 2 уч. Тобольского уезда о принуждении а) местного Волостного головы носить на груди ~~крестообразный~~ (*приписано на полях*: установленный законом для Волостных Старшин русских волостей) знак, и б) доверителей просителя к уплате Губернского Земского сбора, ~~которые они ранее не платили~~ (*приписано на полях*: распоряжения эти Бекшенев считает неправильными).

В объявление означенной жалобы Крестьянский Начальник 2 уч. Тобольского уезда довел до сведения Губернского Управления: 1, что распоряжение его о ношении нагрудного ~~крестообразного~~ знака Волостным Головою последовало в виду Высочайше утвержденного 23 мая 1896 года мнения Государственного Совета о главных основаниях поземельного устройства крес[стьян] и инородцев, в каковых узаконениях ясно выражено намерение законодателя о постепенном сближении инородческого населения Сибири с крестьянским и что 35 ст. вр. пол. о Кр. Нач. на последних возлагается обязанность «по общему наблюдению за инородческим управлением и попечению о нуждах инородцев, и что внимательно всматриваясь и с осторожностью вникая в управление инородцев, нельзя не отметить того факта, что инородцы до последней реформы были заброшены, управления у них никакого не было, выборная служба не представляла порядка достаточно твердого, население не понимало зачем выбирает тех или других лиц, а выборные должностные лица не отдавали себе отчета в предстоящих им обязанностях, а потому во избежание резкой ломки, он Крестьянский Начальник, полагает необходимым постепенно принимать такие меры, которыми возможно было бы достигнуть такого порядка общественного Управления, какой имеется среди инородцев Европ. России, совершенно слившихся в этом отношении с русским населением и 2, что Казенная Палата, выслав в Карагайское Инородное Управление, в м.г., окладной лист для взыскания с жителей Карагайской волости ~~причитающегося~~ Губернского земского сбора в размере по 22½ коп. с души, предписала таковой сбор взыскать и сдать в казначейство; ~~означенное предписание~~ это распоряжение Инородным Управлением было предъявлено жителям, которые категорически отказались от уплаты земского сбора и о таком отказе был составлен акт, который и представлен на усмотрение Крестьянского Начальника, который вместе с Податным Инспектором, выехав в Карагайскую волость, разъяснил жителям законность взыскания с них земского сбора и полную несостоятельность их отказа от уплаты таково-

го, но все его убеждения остались тщетными и в настоящее время дело о взыскании с них инородцев земского сбора полицейскими мерами передано Приставу 3 стана, ~~для надлежащего исполнения~~, а в видах прекращения на будущее время подобных явлений, жители Карагайской волости будут подвержены строгому взысканию.

Закон: 1, 35 и 36 ст. Врем. Пол. о Крест. Нач и 147 ст. Пол. Учрежд. Крест.

Приказали: принимая во внимание, что хотя, на основании 1 ст. Вр. Пол. о Кр. Нач., на сих последних и возложены обязанности, согласно 35 ст. того же положения состоят только в исполнении лежавших ранее на полиции обязанностей по общему наблюдению за инородческим управлением и попечению о нуждах инородцев и в разрешении, в качестве третьей степени словесной расправы, судебных дел инородцев, подведомственных их родовым управлениям, следовательно устанавливать знаки для инородческих волостных начальников, для которых законом таковые не установлены, Крестьянским Начальникам права не предоставлено, ибо подобные распоряжения относятся к области Инструкций сельским и волостным обществам и должностным лицам крестьянского и инородческого волостных управлений, каковые инструкции составляются только Съездами Крестьянских Начальников и утверждаются Губернским Управлением, ~~на основании~~

2 инородцы обязаны платить (*приписано на полях*: на основании ст. 16 т. II изд. 1892 г. Пл. об инородцах и VII Отд. Жур. Департамента Государственной экономии Государственного Совета, от 20 января 1900 г. за № 47, о земских сметах и раскладках на трехлетие с 1900–1902 гг.) 1 губернский земский сбор, а потому Общее Присутствие определяет: распоряжение Крестьянского начальника 2 уч. Тобольского уезда в 1й его части – относительно ношения должностными лицами сельского и волостного управления ~~крестообразных~~ должностных знаков, как не имеющее законных оснований, отменить, в 2й же части, относительно обязанности инородцев уплачивать губернский земский сбор, утвердить, а жалобу Бекшенева оставить без последствий, о чем и сообщить ~~для~~ ~~сведения~~ Крестьянскому Начальнику для сведения и объявления просителю с правом обжалования и т.д.

ИСТОЧНИКИ

ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И–686. Оп. 1. Д. 173. Секретное Предписание Тобольского губернатора от 4 ноября о точном исполнении требований шариата каждым магометанином, желающим отправиться на богомолье в Мекку 1881 г.

ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И–335. Оп. 1. Д. 115. Выписка из Журнала общего присутствия Тобольского губернского управления от 10 июля по жалобе от инородцев Тобольской губернии и уезда Карагайской инородной волости на распоряжение Крестьянского начальника 2 участка Тобольского уезда о принуждении местного Волостного Головы носить на груди крестообразный знак 1900 г.

Сведения об авторе: Юзеева Ольга Александровна, начальник отдела использования документов и оказания государственных услуг, Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в городе Тобольске» (626152, ул. Р. Люксембург, 14, строение 3, Тобольск, Российская Федерация); sibir-tour.yuzeevaolga@mail.ru

Поступила 17.04.2023

Принята к публикации 01.06.2023

SOME ASPECTS OF THE RESTRICTIVE POLICY TOWARDS MUSLIMS IN THE TOBOLSK PROVINCE AT THE END OF THE 19th CENTURY

O.A. Yuzeeva

*State Archive in the Tobolsk city
Tobolsk, Russian Federation
sibir-tour.yuzeevaolga@mail.ru*

The article presents a publication of documents of the late 19th century, which illustrate the policy of the Provincial Government towards of the Tobolsk Province and the fact that they commit the traditional Hajj to Mecca and Medina by the Muslim population and the reaction to the refusal by the Muslim population to wear the volost government attributes, which resembled an Orthodox symbol.

Keywords: pilgrimage, Muslims, Tobolsk Province, volost foreman, foreign volost, sign.

For citation: Yuzeeva O.A. (2023) Some aspects of the restrictive policy towards Muslims in the Tobolsk province at the end of the 19th century. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 8. No. 2: 278–283. DOI: 10.22378/he.2023-8-2.278-283 (In Russ.)

About the author: Olga A. Yuzeeva, Head of the Department for the use of Documents and Provision of Public Services, State Budgetary Institution of the Tyumen Region “State Archive in the Tobolsk city” (14, building 3, R. Luxemburg St., Tobolsk 626152, Russian Federation); sibir-tour.yuzeevaolga@mail.ru

Received April 17, 2023

Accepted for publication June 1, 2023

УДК 930.2(436)

CRIMEAN TATAR'S TRACES IN VORARLBERG¹

Werner Bundschuh

Dr., independent researcher

Bregenz, Vorarlberg, Austria

werner.bundschuh@outlook.com

In the course of research on the history of Tatar forced laborers, the author came across a little-known chapter of Vorarlberg's history: the tragic history of a Muslim minority, Turkic-speaking Crimean Tatars, who fell between the millstones of the Nazi policy of conquest and extermination in Eastern Europe and Stalinist tyranny and were suffering a lot in the process. One trace of this minority leads to Austria's westernmost State of Vorarlberg: In 1945/46, a refugee group of surviving Crimean Tatars was stranded here and housed in the village of Alberschwende.

Keywords: Crimean Tatars, Muslim minority, forced labours, Second World War in Austria.

For citation: Bundschuh W. (2023) Crimean Tatar's Traces in Vorarlberg. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 8. No. 2: 284–295. DOI: 10.22378/he.2023-8-2.284-295

On the fate of the Crimean Tatars during the Second World War

The troops of the German Wehrmacht conquered the Crimea from September to November 1941. During the advance of the 11th Army under General Erich von Manstein (Field Marshal from July 1, 1942), Tatars who had fought on the side of the Soviet Army fell into the hands of the advancing Wehrmacht, and hundreds of Tatars were executed because they were suspected of partisan activity. The National Socialist large-scale and racial planning in the East envisaged the Crimea, renamed "New Russia", to be connected to Germany via a highway and to be settled with Germans².

By March 1942, the German occupiers, who wanted to turn Crimea into a "Gibraltar of the Black Sea," had managed to recruit some 10,000 Crimean Tatars to guard prisoner-of-war facilities under the 11th Army (Penter, 2011). At that time, about 4,000 men were already available in the local militias or as village elders, who forced

---

¹ Paper first printed in German at: Werner Bundschuh: Turksprechende Krim-Tataren. Spuren in Vorarlberg. In: Wanderungen. Migration in Vorarlberg, Liechtenstein und in der Ostschweiz zwischen 1700 und 2000. Hg. v. Peter Melichar/Andreas Rudigier/Gerhard Wanner (=vorarlberg museum schriften 21. Schriftenreihe des Arbeitskreises für interregionale geschichte des mittleren Alpenraumes. Band 3). Wien-Köln-Weimar, 2016: 191–204.

² An important survey into the German occupation policy in Ukraine given by Tanja Penter (Penter, 2011).

to select the labor force to be deported to the German Reich. And thousands of Crimean Tatars were sent to the "Reich" for forced labor. There, they were generally considered "Eastern workers". Under the pressure of the German occupation forces, several Crimean Tatar labor battalions were initially formed out of the Ukrainian-Russian population, providing 'evidence' for Stalin that "the Tatars" were 'collaborating with the enemy' and he arranged for their deportation.

Starting in November 1943, volunteers were recruited for the "Ostmuselman SS Regiment 1," an SS unit consisting of members of so-called "Oriental peoples". By this, the Nazi rulers meant the non-Russian and non-Slavic peoples of the area from the Crimea through the Caucasus to Central Asia. While a large part of this ethnic group (around 22 million in 1939) was also influenced by Islam, other nationalities, such as the Georgians and Armenians, who did not belong neither to Muslims nor to the "Turkic peoples" were also found in this area (Hoffmann, 1986). However, probably for reasons of simplification, they were viewed as a single entity and referred to and treated as "Turkic peoples." On the German side, approximately 53,000 Cossacks, 310,000 Russians, 250,000 Ukrainians, 5,000 Kalmyks, 180,000 Turkestanians, 110,000 Caucasians, 40,000 Volga Tatars, and 20,000 Crimean Tatars supposed to fought against "Bolshevism"³.

After the Red Army gave up Sevastopol in July 1942, German and Romanian troops took over all of Crimea. As in the entire southern Soviet Union, the systematic murder of Jews, Communists, and Roma as well as "Krymchaks"⁴ began in Crimea by "Einsatzgruppe D" (Deployment Group D), which killed at least 40,000 Crimean inhabitants in cooperation with the German Wehrmacht. This special unit was also intended to use violence to make certain that as many Crimean Tatars as possible will cooperate with the occupiers.

But the Crimean Tatars had different attitudes toward the German occupiers. People in eastern Crimea were more oftenly willing to fight with the Germans against the Red Army than in western Crimea (around Simferopol and Bakhchisaray, the unofficial "capital" of the Crimean Tatars). Consequently, the scale of deportations of Crimean Tatars for forced labor to the German Reich varied (Report, 2004: 112–115). Because some of the Crimean Tatars, as well as parts of other Caucasian peoples, had "committed themselves to the German cause" during the Nazi occupation of their homelands, they were to be placed in a better position than the other "Eastern workers" in the "Reichseinsatz" (Deployment to the "Reich") from 1944 onward and were no longer to be housed together with them or burdened with the same heavy work.

From August 1944, Crimean Tatars were therefore to be housed in the "Reichsgau Steiermark" together with "Vilna Tatars" (Vilnius in Lithuania). Whether this still happened in the final phase of the war can no longer be conclusively proven. Groups of Crimean Tatars had come to Austria in 1942 and 1944 and had been emp-

---

³ Der Osttürkische Waffen-Verband der SS. URL: <http://www.lexikon-der-wehrmacht.de/Zusatz/SS/SSOsttuerkei-R.htm> (accessed: 11.08.2023).

⁴ Krymchaks – small group of Turkic-speaking Jews based in the Crimea.

loyed in road construction and mining, in factories, and also in agriculture (often in horse hospitals) (Report, 2004: 112–115).

The Red Army attack on Crimea took place at Kerch as early as May 8, 1942, and finally from the north in December 1943. About six to eight thousand Crimean Tatars and their families joined the withdrawing German troops and reached Germany in 1944 or 1945. Including the deported forced laborers, about 15,000 Crimean Tatars were living in Germany and Austria at the end of the war. Those who fell there into the hands of the victorious Soviet army were "repatriated" and sent by the Soviets to Central Asia or Siberia. On April 8, 1944, the Soviet army attacked Sevastopol, which was captured from May 9 to 12, 1944.

At the May 11, 1944 Stalin sign an decree about deportation of Crimean Tatars.

The consequences for the Crimean Tatars are still felt today. After the capture of Crimea by the Red Army, Stalin "punished" the Crimean Tatars collectively as "traitors to the fatherland": in the period from May 18 to 21, 1944, the Crimean Tatars deported to Central Asia on charges of "collaboration with the Germans".

The Treatment of the "Forced Labor Question" in Vorarlberg

In Vorarlberg in the 1990s, forced labor in the "Third Reich" was still one of the most controversial historical topics to talk about. In particular Margarethe Ruff's work "Um ihre Jugend betrogen" (Deceived of Their Youth), published in 1996, drew attention to the Ukrainian forced laborers in Vorarlberg who, beginning in 1942, were used as recruits, forced labour or prisoners of war on the Illwerke power plant construction sites, in local factories, in trade, or in agriculture as part of the inhumane and racist Nazi policies (Ruff, 1996).

Oral history research trips to western and eastern Ukraine expanded the state of knowledge. In 1998, on the initiative of Margarethe Ruff, the Vorarlberg Green Party, the Theater Kosmos, and the Johann August Malin Historical Society, donations for former Ukrainian forced laborers were collected and distributed in Kremenchuk, Luhansk, and Rowenki.⁵ These actions were carried out two years before the Austrian state felt committed to the historical processing of this dark chapter of the past.

In 2000, things changed. On August 8, Austria published the "Federal Law on the Fund for Voluntary Payments by the Republic of Austria to Former Slave and Forced Laborers of the National Socialist Regime (Reconciliation Fund Law)", which went into effect on November 27, 2000⁶. The state of Vorarlberg now also had to face the fact that around 15,000 people had performed forced labor here from 1939 to

---

⁵ Speech by the chairman of the Johann-August-Malin Society, Werner Bundschuh, held in the town hall of Luhansk on September 7, 1998 on the occasion of a donation handover to former forced laborers. URL: <http://www.malingesellschaft.at/aktuell/weiteres/zwangsarbeit/rede-des-obmannes-der-malin-gesellschaft-gehalten-im-rathaus-von-luhansk-am-7.-september-1998-anlaesslich-einer-spendenubergabe-an-ehemalige-zwangsarbeiterinnen> (accessed: 11.08.2023).

⁶ Ibid.

1945. Because the sources are hard to find, the number is based on an estimate that seems reasonable⁷.

Volume 26/1 of the Austrian Historical Commission, "Forced Laborers on the Territory of the Republic of Austria 1939-1945," presented in 2004, provides information on the complex development of the "labor deployment" and the individual escalation phases, especially after the German invasion of the Soviet Union in the summer of 1941. This research report also contains the figures determined for Austria⁸. Just to make the dimension clear: Throughout the German Reich, it is estimated that close to twenty million people were forcibly put to work during World War II. On the soil of the Republic of Austria, as of September 30, 1944, no fewer than 580,640 civilian foreign workers were in service.

In the Office of the Vorarlberg Federal State Government, an office for forced labor issues was established in 2000. Its head, Wilfried Längle, was entrusted with the task of examining compensation claims. The Vorarlberg State Archives house the files of approximately 600 people whose stay in Vorarlberg had to be confirmed. Summing up, the Provincial Coordinator stated the following on the handling of the Austrian Settlement Fund:

"Until it ceased its activities at the end of 2005, the Reconciliation Fund had paid compensation to around 135,000 former forced laborers. Around 4,000 of them were probably employed in Vorarlberg at the time. Today, most of them live in the successor states of the former Soviet Union, especially in Ukraine, as well as in Poland, France, the former Yugoslavia, the Netherlands and Belgium, and also in the USA, Canada, Great Britain, Australia and New Zealand; some of them are still here in Vorarlberg" (Wilfried, 2006: 199).

In order to advance research into the history of forced labor in Vorarlberg, Margarethe Ruff and the author initiated the project "Building Bridges: Former Forced Laborers from Ukraine between Return and New Home (Vorarlberg Region)", which was carried out from 2006 to 2008⁹. Within the framework of this project, the experiences of former forced laborers in Vorarlberg, their return perspectives, the effects of forced labor on the living situation in the old homeland, intra-family communication about this period of life, breaking the silence in the new

---

⁷ The contemporary historian and former state archive employee Wolfgang Weber comes to the following conclusion when viewing the source situation "Basically, on the basis of the existing source material, it does not seem possible to do a factual reconstruction of the Nazi forced work in Vorarlberg. The written tradition is too different with regard to its provenance and its conditions of origin so that a comprehensive history of Nazi forced work in Vorarlberg could be written. However, exemplary priorities for individual companies, towns or people are possible, less for entire economic sectors (Weber, 2001: 587).

⁸ For the numerous development of forced labor on the ground of today's Austria and the methodological difficulties in the statistical evaluation (Spoerer, 2004).

⁹ The research report is not published. Parts of this can be viewed on the website. URL: <http://www.erinnern.at/bundeslaender/oesterreich/bundeslaender/vorarlberg/bibliothek/dokumente/das-projekt-brucken-schlagen-ehemalige-zwangsarbeiter-und-zwangsarbeiterinnen-aus-der-ukraine-zwischen-ruckkehr-und-neuer-heimat-margarethe-ruff-und-werner-bundschuh> (accessed: 11.08.2023).

Ukraine, and life after "compensation" were highlighted. The files of the Reconciliation Fund in the Vorarlberg State Archives were also reviewed in order to find contact persons. In 2014, the volume "Underage Prisoners of Fascism" was published, a book on life histories of Polish and Ukrainian forced laborers in Vorarlberg (Ruff, Bundschuh, 2014).

Crimean Tatars in the village of Alberschwende

Among the Polish, Russian, Ukrainian, or French names, the name Yurter stood out during the forced laborer research. Under No. 609 in the applications for compensation in the National Archives, the name of Yurter Ismet (Abibullah), born on March 13, 1939, in the Crimea, is listed there. He traveled to Landeck, Bregenz, Innsbruck, Graz, and Vienna with the "family" (sister Suade Akcollu GZ. 126.849) (1947–1948; Bregenz sanatorium; no records). An address in Ankara was given as the place of residence. Contacting Ismet Yurter in Ankara failed, but his brother Fikret Yurter from New York, the chairman of the Crimean Tatars in the USA, immediately contacted:

"Dear Dr. Werner Bundschuh, my name is Fikret Yurter, I am Ismet Yurter's brother. I am a dipl.-Ing and live in the USA, New York. Your email was forwarded to me. If you can send me your address, I will send you the necessary information about the Crimean tatars and forced laborers in Austria. Best regards and with full respect, Fikret K. Yurter, the chairman of the National Center of Crimean Tatars in America¹⁰.

On March 9, 2005, he wrote from New York to the office of the Austrian Reconciliation Fund:

"According to the regulations of the AUSTRIAN PAYMENT FUND, I am also entitled to receive a payment. Since I attended the elementary school in Alberschwende/Bregenzerwald after the war – which was a foundation stone for my future – I would like to send the amount due to me, subject to your consent, as a token of my gratitude to the Alberschwende school. Fikret Yurter" (Ruff, Bundschuh, 2014: 18).

After the first contact, there were longer phone calls and then a visit. In September 2005, Fikret Yurter went to Vorarlberg and went to Alberschwende, which is where he went to school after the war and is thankful for to this day, especially to his teacher, Franz Berkmann, who taught him German outside of class. As announced, he donated his forced labor compensation to the Hof elementary school in Alberschwende.

He had the amount of 7,630.65 euros transferred to the principal, Lieselotte Rohn. His visit was covered by the media on several occasions: On October 4, 2005, the Austrian Radio (ORF) program "Thema" broadcast a report on Fikret Yurter and the Crimean Tartars. The feature, entitled "Deported Crimean Tatar," was created by Petra Kanduth. A short version was broadcast on regional television in the program "Vorarlberg heute" (Vorarlberg Today) under the title "Alberschwende: Return of

---

¹⁰ E-Mail from 31.08.2007.

former forced laborers." On the website of the Fund for Reconciliation, Peace, and Cooperation, the following quote can be found in the article "Kiss on the hand for an Orange, Rose for Mozart":

"The Crimean Tatar Fikret Yurter, a brother of the writer Feyzi Rahman Yurter, had to recover corpses under particularly humiliating circumstances in Vienna during the Nazi era, in addition to other hard labor. Now he donated the entire amount of 7,630 euros that he was awarded as a former slave laborer to the Alberschwende elementary school in Vorarlberg. He had learned to read and write there after the war before studying engineering in Germany and then emigrating to the USA. 'That was the basis for my later success in life,' he proudly and gratefully assured ÖVF (Austrian Reconciliation Fund) officer Pinar Düzel, who linguistically and expertly handled his application, which was submitted in Turkish"¹¹.

About his brother, the report of the Reconciliation Fund states:

"The Crimean Tatar Feyzi Rahman Yurter was transported to a labor camp in Graz in the fall of 1944 and transferred to Innsbruck in January 1945, very much as an "Eastern worker."

In his identity papers, Yurter, who today lives in Germany as a Crimean Tatar writer respected by his surviving compatriots, first gave the USSR as his country of birth, but then Turkey, because he suspected what fate would befall him if he returned as a Crimean Tatar (Feichtelbauer, 2005: 98). The writer died in Ankara after returning to Turkey in December 2009.

Fikret Yurter has well documented his stay in Vorarlberg and published his correspondence with the teachers Liselotte Rohn and Margit Bereuter (Yurter, 2005). He stayed in Alberschwende from September 12 to 14, 2005. A small celebration was held in his honor at the elementary school he once attended as a student:

"After a welcoming song in German and English, children from the individual classes presented self-designed calendar pictures as a thank you. Mayor Reinhard Dür thanked him on behalf of the community with a local history book and an oil painting of the Alberschwender village center. With flute playing and a common final song everybody said goodbye to Mr. Yurter and his wife and wished them many more years of health and joy" (Rohn, 2005).

A letter from Lisbeth Berkman, the daughter of the teacher who gave little Fikret German lessons for which he is still so grateful, reads: "Dear Mr. Yurter, yesterday was our father's birthday. How happy he would have been about your visit to Alberschwende, your donation, and, above all, that you have not forgotten him and his commitment to you."

Under the headline "To Alberschwenders very grateful", the daily *Vorarlberger Nachrichten* also reported on the visit of the former teenage forced laborer on September 16, 2005. Under "The cornerstone for a career. Former forced laborer donates 7,630 euros to Alberschwende elementary school", the daily's supplement *Heimat: Bregenzerwald und Kleinwalsertal* reported on the visit on September 22, 2005:

---

¹¹ URL: <http://www.reconciliationfund.at/index-2.html> (accessed: 10.08.2023).

"The life story of Fikret Yurter sounds adventurous. As a child, his family was deported from the Crimea to Austria by the National Socialists. Via various stations, the Crimean Tatar family [sic!] arrived at the refugee camp in Alberschwende. Fikret Yurter was deeply impressed by the commitment of his teacher at the time. Even in his free time, the teacher took care of the refugee child and taught him the German language. "Teacher Berkmann laid the foundation for my career," says Fikret Yurter with gratitude. He financed his engineering studies in Germany by working nights in the coal mine. Later, Yurter emigrated to America, where he worked as an engineer in reactor production. The 72-year-old now lives near New York. During his visit to Alberschwende, children and teachers gave their generous benefactor a warm welcome. Fikret Yurter was able to share many memories at the meeting with his former schoolmates."

However, these articles did not address why he was awarded the highest compensation for forced labor and what a terrible youthful history lay behind it.

Kirimcan Naciye (Bubay), who was born on November 4, 1937, and her parents were sent from Yalta to Austria, must have been through a lot: Her stations were: "1943–44 Strasshof, Vienna; 1944 Feldkirch, Tisis (Vorarlberg); and 1945 Liechtenstein." At the time of the research (2008), she lived in the USA.

B. S. [REDACTED], M.D.
[REDACTED] Drive
No. Brunswick, New Jersey 08902
(732) 821-9596

July 15, 2001

RE: N [REDACTED]

TO AUSTRIAN RECONCILIATION FUND

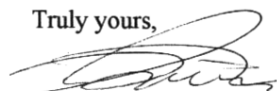
Dear Sir/Madame:

Please be advised that the above-named patient is suffering from chronic depression aggravated by chronic panic disorder caused by posttraumatic syndrome. She was a victim of forced detention in the labor camps during the World War II as a child when she suffered from severe psychological stress caused by separation from her parents and inhuman living conditions.

She is still suffering from constant nightmares, insomnia, depressed mood and persistent anxiety enabling her to function properly in daily life.

If you have questions or need additional information with regard of my patient, N [REDACTED], please do not hesitate to contact me at the above mentioned address.

Truly yours,

S. [REDACTED], M.D.

Medical conclusion of the former forced laborer, who suffering from the posttraumatic syndrome and other consequences of war even 50 years after WW2.

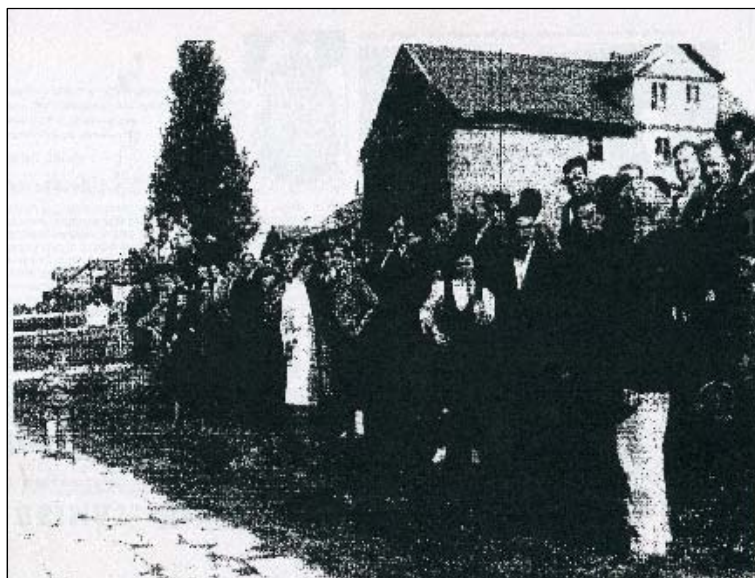

A very prominent Crimean Tatar refugee is the well-known Turkish historian İlber Ortaylı: his family also fled to Vorarlberg. He was born in Bregenz on May 21, 1947.

Crimean Tatars during the Ramadan celebration at the lager in Landeck, 1946.
Private archive of Bundschuh (Permit: Fikert Yurter 2004)

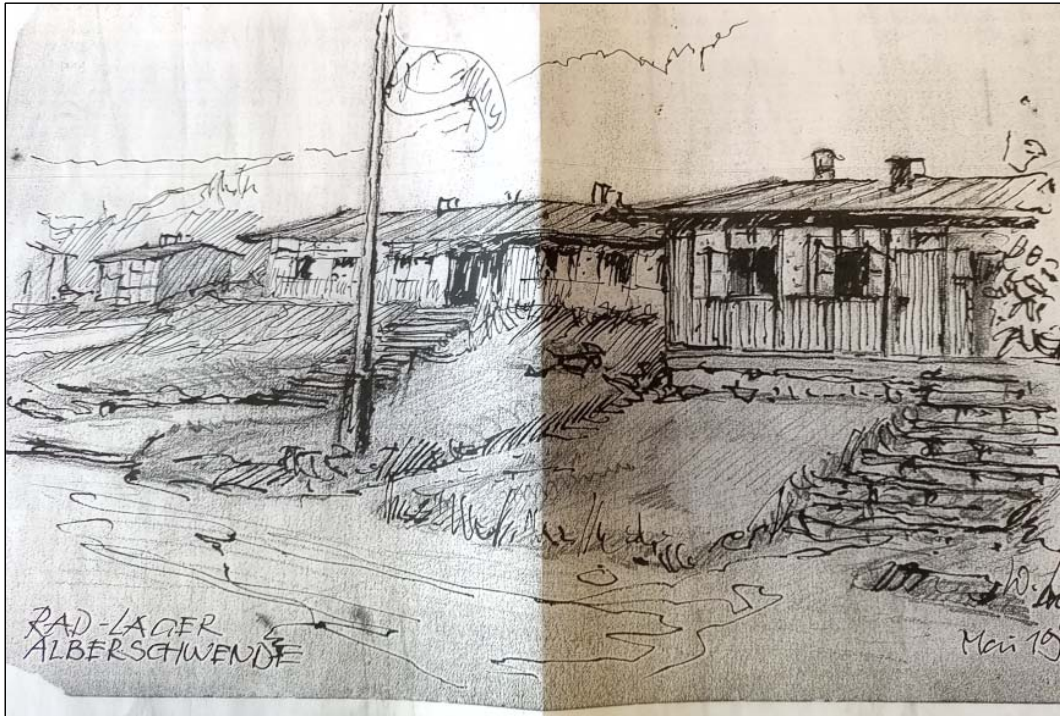
A photo of the camp in Landeck (Tyrol) (end of 1945) shows about 110 people, more than half of them children (Yurter, 2005: 30).

Crimean Tatars taken in front of the camp in Alberschwende.
Private archive of Bundschuh (Permit: Fikert Yurter 2004).

A photo taken in front of the camp in Alberschwende gives an impression of the number of Crimean Tatar refugees: the photo shows about 50 men, women, and some children.

RAD Lager in Alberschwende, pencil drawing by unknown author from May 1945 (Archive of Municipal administration of Alberschwende, I-059/02, Sch.15/Fasz. 186).

After the war (until 1948) refugees were housed in the former *Reich Labour Service (Reichsarbeitsdienst; RAD)* camp. The camp was under French administration (until 1949).

View of Alberschwende drawn by Fikert Yurter, 1948. Private archive of Bundschuh (Permit: Fikert Yurter 2004).

On the soccer field in Alberschwende (1947).
Photo by Fikret Yurter, private archive of Bundschuh.

Remembrance work in the USA

The commemoration of the fate of the Crimean Tatars in the USA is significantly influenced by Fikret Yurter. He is the chairman of the National Center of Crimean Tatars there. Under his leadership, the American Crimean Tatar Association founded a national cultural center in the Brooklyn borough of New York in 1971. On May 18, 1986 – 42 years after the deportation by Stalin – a monument to the deportees was erected at his initiative in Washington Memorial Park in Long Island, New York.

Like his brother, the later writer Feyzi Rahman Yurter, Fikret Yurter escaped the Nazi genocide. For decades, the two have fought for the recognition and reparation of the injustice done to the Tatars by the Soviets – and, at the beginning of the third millennium, for the compensation of the forced laborers under the Austrian Reconciliation Fund.

On October 23, 2002, Fikret Yurter transmitted from New York to the Reconciliation Fund the applications of 92 Crimean Tatars who had been deployed on the territory of the present-day Republic of Austria during the Second World War. This eventually developed into that intensive contact, which also led to his visit to Vorarlberg.

Summary / Conclusion

During the Nazi regime, approximately 15,000 forced laborers, primarily from Poland, Ukraine, and other parts of the Soviet Union, were employed in Vorarlberg, the westernmost state of the Republic of Austria. They worked on construction sites for Illwerke AG in the expansion of hydroelectric power, in the textile industry, and in agriculture. In the late 20th century, the first research on forced labor was published in Vorarlberg. Margarethe Ruff visited former forced laborers in Western and Eastern Ukraine. Together with Werner Bundschuh, she conducted oral history re-

search in Rowenki, Luhansk, Liwiv, and other locations, and delivered donations to the former deportees. During these research activities, they also encountered the Crimean Tatars who came to Vorarlberg in 1945 and were accommodated in a camp in Alberschwende (Bregenzerwald region). The author of this article established contact with Fikert Yurter, brother of the renowned writer Feyzi Rahman Yurter, in 2005. The Yurter family was also deported to Vorarlberg. However, Fikert also had fond memories of his time in Alberschwende, where he learned German, how to read and write. The examination of the files of the "Austrian Fund for Reconciliation" in the Vorarlberg State Archive revealed that other Crimean Tatars also applied for compensation payments from the United States. This article was initially published in 2016. The English revision was carried out in collaboration with Dr. Hüseyin Cicek, Department for Religious Studies, University of Vienna.

SOURCES

- VLA – Vorarlberger Landesarchiv, Bregenz.
 BWA – Bregenzerwald Archiv, Egg.
 Austrian Fund for Reconciliation, Peace, and Cooperation. Forced Labor in Austria 1938–1945. URL: <http://www.reconciliationfund.at/>
 Forced Labor 1939–1945. Memories and History. URL: <https://www.zwangsarbeit-archiv.de/>
 Bundschuh W., Ruff M. (2008) Projekt “Brücken schlagen – ehemalige Zwangsarbeiter und Zwangsarbeiterinnen aus der Ukraine zwischen Rückkehr und neuer Heimat” [Project "Building Bridges – Former Forced Laborers from Ukraine Between Return and New Homeland"]. Projektbericht für den Zukunftsfonds der Republik Österreich.

REFERENCES

- Feichtelbauer H. (2005) Fund for Reconciliation, Peace, and Cooperation. Forced Labor in Austria 1938–1935. In: *Späte Anerkennung-Geschichte-Schicksale* [Late Recognition History Fates]. Wien. (In Germ.)
 Joachim H. (1986) The Eastern Legions 1941–1943. Turkestanis, Caucasians, and Volga Finns in the German Army. In: *Einzelschriften zur militärischen Geschichte des Zweiten Weltkrieges 19* [Individual writings on the military history of the Second World War 19]. Freiburg i. B.: 44–46. (In Germ.)
 Längle W. (2006) Compensations for Former Forced Laborers in Vorarlberg – Report by the State Coordinator for Vorarlberg. In: Alois Niederstetter (Hrsg.), *Aufbruch in eine neue Zeit. Vorarlberger Almanach zum Jubiläumsjahr 2005* [*Breakthrough to a New Era. Vorarlberg Almanac for the Anniversary Year 2005*]. Dornbirn: 197–199. (In Germ.)
 Penter T. (2011) The Donbass under German occupation. *Einsicht 06. Bulletin of Fritz Bauer Institut*. Vol. 3: 40–47. (In Germ.)
 Report of the Austrian Commission of Historians (2004). In: S.Karner, P.Ruggenthaler (eds.) *Forced Labor in Agriculture and Forestry in the Territory of Austria 1939–1945*. Wien-München. (In Germ.)
 Rohn L. (2005) Extraordinary visit to the VS Hof. In: *S'Leandoblatt. Informationen aus Alberschwende* [S'Leando sheet. Information from Alberschwende]. No 8: 13. (In Germ.)
 Ruff M. (1996) Deprived of Their Youth: Ukrainian Forced Laborers in Vorarlberg 1942–1945. In: *Studien zur Geschichte und Gesellschaft Vorarlbergs* [Studies on the history and society of Vorarlberg 13]. Vol. 13. Bregenz. (In Germ.)

Ruff M., Werner B. (2014) *Underage Prisoners of Fascism. Life Stories of Polish and Ukrainian Forced Laborers in Vorarlberg*. Innsbruck. (In Germ.).

Spoerer M. (2004) *Forced Labor in the Territory of the Republic of Austria, Part 1: Forced Laborers in the Territory of the Republic of Austria 1939–1945*. Wien-München. (In Germ.)

Ulrich H. (1985) Foreign Workers. Politics and Practice of "Foreigner Deployment" in the War Economy of the Third Reich. Berlin-Bonn. (In Germ.)

Weber W. (2001) Quod non est in fontes [sic!], non est in mundo? Scope and Importance of the Written Records on the History of Forced Labor in Vorarlberg. *Scrinium. Zeitschrift des Verbandes Österreichischer Archivarinnen und Archivare* [Scrinium. Journal of the Association of Austrian Archivists]. No. 55: 579–590. (In Germ.)

Langle W. (2006) Compensations for Former Forced Laborers in Vorarlberg – Report by the State Coordinator for Vorarlberg. In: Nachbaur U. Niederstetter A. (eds.). *Breakthrough to a New Era. Vorarlberg Almanac for the Anniversary Year 2005*. Dornbirn: 197–199. (In Germ.)

Yurter F. (2005). A historic visit to Vienna. Letters from Austria. In: *Birlik* [Unity]. New York: 17–31.

About the author: Werner Bundschuh, Dr. Sc., independent researcher (Bregenz, Vorarlberg, Austria); werner.bundschuh@outlook.com

Received December 29, 2022

Accepted for publication February 15, 2023

СЛЕДЫ КРЫМСКИХ ТАТАР В ЗЕМЛЕ ФОРАРЛЬБЕРГ, АВСТРИЯ

Вернер Бундшух

Независимый исследователь

Брегенц, Форарльберг, Австрия

werner.bundschuh@outlook.com

Во время исследования истории использования подневольного труда татар на территории Австрии во время Второй мировой войны автор статьи наткнулся на малоизвестные страницы истории Форарльберга. Речь идет о трагических судьбах крымских татар, которые будучи мусульманским тюркоязычным меньшинством, попали в жернова нацистской политики завоевания и истребления в Восточной Европе. Впоследствии они стали жертвами сталинских репрессий. Эти люди оказались в самой западной австрийской земле Форарльберг в 1945–1946 гг., но выжили в сложных условиях войны и среди беженцев, разместившихся в селе Альбершвенд.

Ключевые слова: крымские татары, мусульманское меньшинство, принудительные работы, Вторая мировая война в Австрии.

Для цитирования: Bundschuh W. Crimean Tatar's Traces in Vorarlberg // Историческая этнология. 2023. Т. 8. № 2. С. 284–295. DOI: 10.22378/he.2023-8-2.284-295

Сведения об авторе: Вернер Бундшух, доктор наук, независимый исследователь (Брегенц, Форарльберг, Австрия); werner.bundschuh@outlook.com

Поступила 29.12.2022

Принята к публикации 15.02.2023

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

УДК 316:39(476+478)

**РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ:
КВИЛИНКОВА Е.Н. ГАГАУЗЫ В МОЛДОВЕ И БЕЛАРУСИ:
ГРАНИ ИДЕНТИЧНОСТИ И СТРАТЕГИЯ САМОСОХРАНЕНИЯ
(Минск, 2023. 383 с.)**

Т.А. Новгородский

Белорусский государственный университет

Минск, Республика Беларусь

tadeush_minsk@mail.ru

В рецензии дан подробный и обстоятельный анализ работы доктора исторических наук, доцента Елизаветы Николаевны Квилинковой, посвященной гагаузам Беларуси и Молдовы. Монография написана на основе разнообразных источников и в первую очередь материалов полевых этнографических исследований, проведенных с использованием метода включенного наблюдения среди представителей гагаузской общности. Подчеркивается, что автор использовал новый научный подход, который позволил получить оригинальные результаты. Елизавета Николаевна изучала гагаузов с применением методов и подходов, характерных для таких научных дисциплин как этнология, этносоциология и этнополитология. Она отмечает, что среди тюркских народов гагаузы давно заняли особое место. Основу их этнокультурного кода составляют православие и тюркскость. По мнению Е.Н. Квилинковой, сложное положение Гагаузии при выборе ею культурно-цивилизационных ориентиров заключается в том, что балканская идентичность не вписывается в современную «стратегию» самосохранения гагаузов и входит в противоречие с доминирующей у них на данном этапе тюркской идентичностью, с восточным / турецким вектором внешнеполитической стратегии развития.

Ключевые слова: гагаузы, Беларусь, Молдова, этническая группа, этническая идентичность, культурный код, праздники.

Для цитирования: *Новгородский Т.А.* Рецензия на монографию: Квилинкова Е.Н. Гагаузы в Молдове и Беларуси: грани идентичности и стратегия самосохранения (Минск, 2023. 383 с.) // Историческая этнология. 2023. Т. 8. № 2. С. 296–301. DOI: 10.22378/he.2023-8-2.296-301

Ввиду стремительно протекающего в нынешних условиях размывания этнической идентичности для этнологов важным является изучение процессов, раскрывающих механизмы сохранения народом собственной этнической культуры и степень трансформации традиционной обрядности при ее включении в современную праздничную культуру. Исследователи, изучающие небольшие по численности народы, большое внимание уделяют анализу вырабатываемых ими способов интеграции в иноэтническое пространство при сохранении собственной этнической идентичности.

Доктор исторических наук, доцент Е.Н. Квилинкова хорошо известна в тюркском мире своими основательными научными трудами по традиционной культуре гагаузов, написанными ею в междисциплинарном и кросскультурном ключе. С изданием в 2023 г. монографии «Гагаузы в Молдове и Беларуси: грани идентичности и стратегия самосохранения» она вписала себя и в пространство белорусской этнологии.

В указанной работе на основе обширного полевого материала, лично собранного автором, рассматривается присущий гагаузам опыт адаптации как на уровне этноса в целом, так и на примере одной из региональных групп гагаузов, живущих в Республике Беларусь. В связи с этим отдельный раздел монографии посвящен анализу особенностей методики сбора полевого материала в условиях дисперсного проживания этнической группы. При оценке степени адаптации представителей этнической группы в стране проживания автор учитывает ряд факторов: длительность проживания, насколько комфортно они себя там чувствуют, насколько полно включились в процесс интеграции, каким образом они идентифицируют себя со страной проживания. Данный аспект раскрывается им и через значимость для гагаузов Беларуси этнической идентичности и родного языка, присущих им форм идентификации и самоидентификации в связи с этнической и гражданской идентичностями, через отношение к понятиям «Родина» и «вторая Родина».

В работе Е.Н. Квилинковой обосновывается тезис о том, что сохранность идентичности у представителей этнических групп, проживающих за пределами этнического ядра, зависит от характера связей с Родиной, численности и особенности расселения, а также от функциональной значимости родного языка. В результате ею делается вывод о том, что при малочисленности и дисперсности проживания сохранить этнические особенности только благодаря семье не представляется возможным. В зависимости от длительности проживания в иных этногосударственных образованиях у представителей этнических групп

усиливается процесс включения в местное социокультурное пространство и происходит некоторое отдаление от этнической культуры, а второе поколение, оторванное от Родины родителей и этнического языка, начинает добровольно ассимилироваться. В ментальном отношении пространство Беларуси является для гагаузов психологически комфортным, чему способствует исторически сложившаяся в данной стране этническая и конфессиональная толерантность, двуязычие. Другим вопросом, который автор не мог обойти, является анализ подходов к формированию национальной идентичности в Республике Молдова, в связи с чем им отмечаются сложности, существующие в этой области.

Новизна настоящей монографии заключается в том, что анализируемая этническая группа впервые стала объектом исследования не только в белорусской этнологии, но и в гагаузоведении. В ней рассматривается проблема формирования у гагаузов национальной идентичности, способы сохранения ими культурного наследия, их культурно-генетический код и культурно-цивилизационные ориентиры. Анализируя культурогенез гагаузов, автор обращает внимание на то, что в их культурно-генетическом коде присутствуют различные исторические и культурные пласты. В связи с этим на повестку дня ставится вопрос о необходимости объяснения двойственности содержания культуры гагаузов, которая проявляется в сочетании «языческого» и «христианского», «оседлого» и «кочевого», «балканского» и «тюркского» («европейского» и «восточного»), «общинно-коллективистского» и «частнособственнического». Он, в свою очередь, связан с проблемой этногенеза гагаузов.

Новым является и примененный Е.Н. Квилинковой научный подход. Настоящая монография является первым трансдисциплинарным исследованием, в котором гагаузская общность изучается на основе подходов, методик и материалов, отражающих самостоятельные научные дисциплины – этнологии, этносоциологии и этнополитологии.

Исходя из того, что в современном мире цивилизационная идентичность приобретает все большее значение в сравнении с другими формами идентичности, Е.Н. Квилинкова рассматривает историко-культурные корни, осознание, престижность и востребованность трех присущих гагаузам культурно-цивилизационных идентичностей: балканской, российской и тюркской. Автор отмечает, что среди тюркских народов гагаузы уже давно заняли особую нишу. Основу их этнокультурного кода составляют православие и тюркскость.

Как можно видеть из содержания монографии, со времени создания собственной государственности (автономии) в составе Республики Молдова Гагаузия установила тесные контакты со всеми тюркскими странами. Гагаузы ощущают себя частью тюркского мира и, включившись в тюркское пространство, развивают в этом направлении родной язык и культуру. Вместе с тем, как отмечает автор, значимой составляющей этнокультурного кода гагаузов является балканская идентичность, связывающая их с балканскими христианскими народами и основывающаяся на общей истории и вере, системе культурных ценностей и норм, обычаях и традициях. Е.Н. Квилинкова убедительно показывает, что на-

личие в этногенетическом коде гагаузов балканского геоисторического и культурно-цивилизационного компонентов является неоспоримым фактом. Но при этом балканская культурная идентичность является у гагаузов не престижной, а балканский период этнической истории гагаузов игнорируется значительной частью гагаузской политической и творческой элиты.

Сложное положение Гагаузии при выборе ею культурно-цивилизационных ориентиров заключается, по мнению автора, в том, что балканская идентичность не вписывается в современную «стратегию» самосохранения гагаузов и входит в противоречие с доминирующей у них на данном этапе тюркской идентичностью, с восточным / турецким вектором внешнеполитической стратегии развития. Опасность Е.Н. Квилинкова видит не столько в том, что балканская идентичность и история целенаправленно предаются забвению частью гагаузской национальной элитой, сколько в том, что данный процесс нередко сопровождается попытками подмены этнической культуры гагаузов, мифотворчеством, а также необъективным отражением исторического прошлого и даже его искажением.

В исследовании реальными «конкурентами» этнической идентичности гагаузов выступают российская и тюркская идентичности, являющиеся более предпочтительными как в силу их значимости в этнокультурной памяти и менталитете гагаузов, так и в связи с довольно жесткими современными геополитическими реалиями. Они диктуют Гагаузии необходимость выстраивания собственной стратегии самосохранения, основывающейся на балансировании между двумя векторами – Россией и Турцией. Отмечается, что в основе тяготения гагаузов к России лежит культурно-цивилизационная общность, основывающаяся как на восприятии русской культуры, языка и сложившихся на этом пространстве универсальных сверхлокальных ценностей, так и на религиозной идентичности – чувстве принадлежности к восточному христианству или русскому православию.

В связи с этим в работе подробно анализируются прикладываемые Гагаузией усилия по реализации собственной внешней политики. Е.Н. Квилинкова большое значение уделяет рассмотрению содержания политики реализации автономией стратегии балансирования между этими двумя векторами и ее последствий. Выбор союзников и выстраиваемые Гагаузией приоритеты сотрудничества автор рассматривает через призму этнокультурных особенностей гагаузов и культурно-цивилизационных ориентиров, а также результатов турецкого влияния на их национальную идентичность. Последствия содержания данного процесса частично прослежены автором в параграфе «Отражение в СМИ и интернет-сообществах дискурса о происхождении гагаузов и попытках реформатирования их культурного кода». В заключение делается вывод о том, что Турция, благодаря своему экономическому и военному потенциалу, а также геополитическим амбициям, будет играть ключевую роль как в тюркском мире, так и в Гагаузии. Очевидно и то, что Турция не ограничится концентрацией усилий только в области гуманитарной и экономической интеграции или по-

мощи, как, возможно, устроило бы Гагаузию. В контексте приведенных аргументов, автор обращает внимание гагаузских политиков и интеллигенции на то, что от их подходов и выбора, от выстроенного Гагаузией курса зависит судьба всего народа.

Довольно большой раздел в работе посвящен анализу двух основных национальных праздников – *Хедерлез* и *Касым*, их включенности в современную гагаузскую праздничную культуру. Е.Н. Квилинкова показывает, что помимо гагаузского языка, руководство автономии довольно успешно вписало гагаузов в тюркский мир через этнокультурную составляющую, в частности через указанные национальные праздники. И в этом вопросе главная роль отведена празднику *Хедерлез*, наполненному традициями скотоводческой направленности, который получил широкую поддержку у представителей многих тюркских государств. В связи с этим автор раскрывает форму их участия в празднованиях и оказываемую Гагаузией поддержку в вопросе развития национальной культуры. Роль и значимость праздника *Хедерлез* Е.Н. Квилинкова рассматривает и через демонстрацию Гагаузией своей этнокультурной специфики, поскольку она оказывает большое воздействие на современные процессы в области этнической идентификации гагаузов. Особо автор остановился на анализе содержания процесса трансформации праздника *Касым*, получившем совершенно новое содержание – Фестиваль гагаузского вина, и дал ему свою довольно сдержанную оценку.

Монография Е.Н. Квилинковой, написанная в рамках нескольких научных дисциплин, делает ее интересной для широкого круга исследователей – этнологов и историков, политологов и социологов, регионоведов и культурологов, а также для специалистов в области межэтнических и национальных отношений. Осуществленное автором исследование генетического кода гагаузской культуры призвано способствовать конструктивному поиску решения проблемы о прошлом, настоящем и будущем этого небольшого по численности народа, являющегося частью тюркского и славянско-православного миров.

Сведения об авторе: Новгородский Тадеуш Антонович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой этнологии, музеологии и истории искусств, исторический факультет, Белорусский государственный университет (220037, ул. Менделеева, 36, Минск, Республика Беларусь); tadeush_minsk@mail.ru

Поступила 16.05.2023

Принята к публикации 13.06.2023

**REVIEW OF THE MONOGRAPH:
KVILINKOVA E.N. GAGAUZ PEOPLE IN MOLDOVA AND BELARUS:
FACETS OF IDENTITY AND STRATEGY OF SELF-PRESERVATION
(Minsk, 2023. 383 p.)**

T.A. Novogrodsky

Belarusian State University

Minsk, Republic of Belarus

tadeush_minsk@mail.ru

The review provides a detailed and thorough analysis of the work of Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Elizaveta Nikolaevna Kvilinkova, dedicated to the Gagauz of Belarus and Moldova. The monograph was written on the basis of various sources and, primarily, the materials from field ethnographic studies conducted using the participant observation method among representatives of the Gagauz community. It is emphasized that the author used a new scientific approach, which made it possible to obtain original results. Elizaveta Kvilnikova studied the Gagauz using methods and approaches typical for such scientific disciplines as ethnology, ethnosociology and ethnopolitical science. She notes that among the Turkic peoples, the Gagauz have long held a unique place. The basis of their ethno-cultural code is Orthodoxy and Turkic background. According to E.N. Kvilinkova, the difficult position of Gagauzia in choosing its cultural and civilizational landmarks lies in the fact that the Balkan identity does not fit into the modern “strategy” of self-preservation of the Gagauz people and is in conflict with their dominant Turkic identity at this stage, with the eastern / Turkish vector of the foreign policy development strategy.

Keywords: Gagauz, Belarus, Moldova, ethnic group, ethnic identity, cultural code, holidays.

For citation: Novogrodsky T.A. (2023) Review of the monograph: Kvilinkova E.N. Gagauz people in Moldova and Belarus: facets of identity and a strategy of self-preservation (Minsk, 2023. 383 p.). *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 8. No. 2: 296–301. DOI: 10.22378/he.2023-8-2.296-301 (In Russ.)

About the author: Tadeush A. Novogrodsky, Doctor Sc. (History), Professor, Head of the Department of Ethnology, Museology and Art History, Faculty of History, Belarusian State University (36, Mendeleev St., Minsk 220037, Republic of Belarus); tadeush_minsk@mail.ru

Received May 16, 2023

Accepted for publication June 13, 2023

**РЕЦЕНЗИЯ НА АЛЬБОМ-КАТАЛОГ: ВЛАДИМИР ПОПОВ.
КАЛЛИГРАФИЯ АВТОР-СОСТАВИТЕЛЬ Л.Н. ДОНИНА
(Казань, 2019. 400 с.)**

Г.И. Макарова

*Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
makarova_guzel@mail.ru*

Статья посвящена иллюстрированно-аннотированному альбому-каталогу «Владимир Попов. Каллиграфия», представляющему один из этапов творчества известного художника. Произведения В.А. Попова обнаруживают продолжающую нарастать актуальность – в связи с новым поворотом России к идеям евразийства, к сотрудничеству со странами Востока, важным посредником которого выступает Татарстан. Каллиграфические работы мастера показаны в контексте его жизненного и творческого пути, связанного с историей страны и региона, развития татарской национальной культуры и арабографического искусства республики. В этом уникальность авторской концепции Л.Н. Дониной, выражающейся в детальном показе творческого пути и гражданской позиции художника.

Рецензентом отмечается глубина поиска автором издания смысла обращения В.А. Попова к исламской графике. Данный этап его биографии трактуется как период нахождения ответов на важные жизненные вопросы, ставившиеся и решавшиеся художником. В мудрости ислама он находит те идеи, которые перекликаются с его собственным духовным поиском и не противоречат постулатам других мировых религий. В.А. Попов выражает их в свойственной ему экспрессивной манере, используя широкий спектр наработанных им в предыдущие годы средств художественной выразительности. Это дает основания автору характеризовать творчество мастера данного периода как синтез татарской и русской культур, традиций Востока и Запада.

В статье делается вывод, что рецензируемая работа представляет собой самостоятельный исследовательский труд, в котором Л.Н. Дониной, помимо основного искусствоведческого, использованы общенаучные и исторический подходы. Альбом-каталог «Владимир Попов. Каллиграфия» безусловно является творческим достижением автора.

Ключевые слова: мусульманская каллиграфия, арабографические композиции, изобразительное искусство Татарстана.

Для цитирования: Макарова Г.И. Рецензия на альбом-каталог: Владимир Попов. Каллиграфия. Автор-составитель Л.Н. Дониная (Казань, 2019. 400 с.) // Историческая этнология. 2023. Т. 8. № 2. С. 302–307. DOI: 10.22378/he.2023-8-2.302-307

Есть люди, которым дано интуитивно чувствовать тенденции времени, обращая внимание на то, что станет значимым и важным в будущем – ближайшем и отдаленном. Таким человеком является живописец и график академического направления Владимир Александрович Попов, более четверти столетия посвятивший возрождению в регионе каллиграфического искусства. Характерный для последних лет, новый поворот России к странам Востока и Азии – очередное тому подтверждение. При этом признание арабографических работ В.А. Попова за рубежом, сделавшее его имя широко известным и популярным, свидетельствует о большом потенциале использования этноконфессиональной специфики Республики Татарстан для выстраивания отношений Российской Федерации с данными государствами. И уже в силу этого посвященный творчеству художника альбом-каталог заслуживает особого внимания.

В рецензируемом издании раскрывается один из важнейших периодов творчества В.А. Попова – «Заслуженного художника России» (2003), лауреата Государственной премии Республики Татарстан имени Габдуллы Тукая (2014) и Фаизхановской премии Совета муфтиев России в области науки, образования и культуры (2014), которые были вручены ему за вклад в возрождение традиций мусульманской каллиграфии, за укрепление международных связей средствами искусства.

Главной темой, проведенной красной нитью через всю книгу, является миротворческая миссия, возложенная на себя художником. Ушедший в 17 лет добровольцем на фронт и прошедший всю Великую отечественную войну от Харькова до Берлина, он становится страстным поборником идей мира на Земле. Поэтому, обратившись в 70-летнем возрасте к искусству ислама, В.А. Попов посвящает своё творчество служению этим идеям. Мировоззрение и культурные установки, направленные на осмысление взаимосвязанности мира, позволили художнику обратиться ко всему человечеству с искренним призывом к «Диалогу Востока и Запада», «Единению реалистического искусства и арабской каллиграфии», «русской и татарской культур».

Татарстанский выставочный проект «Каллиграфия за мир», связавший и объединивший творчество представителя русской реалистической школы Владимира Попова и искусство известных современных каллиграфов Турции, Марокко, Новой Зеландии, Кувейта, стал отражением межэтнического и межконфессионального взаимодействия культур в условиях глобализации. В связи с обозначенной трактовкой духовных основ ислама – как религии, которая объединяет и служит взаимопониманию между народами – логичным становится

включение в завершающий раздел каталога воспоминаний и страниц из фронтового дневника «вечного солдата» В.А. Попова, в которых чередуются комментарии боевых действий, страницы военной повседневности и описание мирных пейзажей.

Нужно отметить, что автором-составителем альбома-каталога Л.Н. Дониной проделана огромная работа по сбору, содержательной аналитике, обобщению, систематизации и художественному оформлению материала. Важной источниковедческой базой стали для нее, помимо картин В.А. Попова различных периодов, его воспоминания, а также другие письменные и иконографические документы, связанные с эпохой, страной, регионом, с жизнью и творчеством живописца и графика, исследования и высказывания о работах художника известных в регионе и стране деятелей культуры, ученых. Уникальным является включение в качестве дизайнерского оформления разворотов альбома мнений людей из разных стран, оставленных в книгах отзывов во время персональных выставок художника. Соответственно, среди используемых автором методов, помимо собственно искусствоведческих (иконологического исследования, стилистического анализа), следует выделить общенаучные (анализ, синтез, обобщение, систематизация), а также метод исторического анализа.

Действительно, все собранные в работе материалы представлены в широком историческом контексте – военного, послевоенного и позднего советского периода (со ссылками на официальные документы и другие свидетельства времени), как и перемен рубежа 1990–2000-х гг. При этом Л.Н. Донина дает краткие, но весьма емкие характеристики развития культуры страны/региона, и изобразительного искусства в частности, в каждый из этих периодов, обнаруживая глубокое знание происходивших и происходящих в стране художественных процессов.

Альбом структурируется в зависимости от тематики связанных с каллиграфией работ В.А. Попова, Это изображения памятников культовой мусульманской архитектуры, включающие фрагменты коранических текстов; акварельные пейзажи, на которые «наложены» высказывания из корана; тугры – серия работ, представляющих собой выполненные в виде арабской вязи графические метафоры, отражающие видение художником образов выдающихся личностей; написание священных имен Всевышнего и последнего пророка; монументальные арабографические диптихи и триптихи.

Данные работы предваряются двумя предисловиями. Первое – «Грани творчества» – написано автором каталога и представляет собой описание пятидесятилетнего творческого пути В.А. Попова как художника академического направления, второе – «Владимир Попов: Послание миру» – анализ специалистом в области арабографического искусства Р.И. Шамсутовым его вклада в развитие татарского шамаила и каллиграфии, татарской национальной культуры в целом. В связи с этим напрашивается, в частности, сравнение значения творчества этого русского художника (для изобразительного искусства Татарстана с вкладом В.И. Виноградова и А.С. Ключарёва в музыкальную культуру

Татарии. В завершающих альбом-каталог разделах представлены материалы о выставках мастера и его библиография, воспоминания о войне и фрагменты военного дневника.

Новизна издания состоит в том, что в нем дана авторская подача творчества В.А. Попова и его наследия. Его можно определить как «детальный иллюстрированно-аннотированный каталог». При этом жизнеописание творца не только рисует его портрет, дает целостное представление о личности, но и позволяет понять, на чем выстраивался изучаемый феномен, на каких основаниях возникло его стремление к мудрости ислама, и как каллиграфический период был подготовлен в плане ведущей идеи и используемых выразительных средств в предыдущие этапы жизни и творчества художника. То есть в работе дана авторская концепция репрезентации сути и смысла художественных произведений и их места в творческой биографии их создателя, в культуре Татарстана и страны в целом.

В открывающем книгу разделе автор прослеживает основные этапы становления личности Владимира Александровича Попова, неразрывно связанные с историей страны: Великая отечественная война, по прошествии которой тема мира и созидания прочно вошла в его творчество и стала ведущей; целина, представленная в нем после экспедиции на целинные земли работами о «покорении природы» Алтая и Казахстана; разработка нефтяных месторождений Татарии и возведение Камаза – отраженные в композициях 1960–1970-х гг., в том числе символично-аллегорического характера; освоение Севера и строительство Бама (вторая половина 1980-х гг.), вызвавшие серию монументальных работ о «красоте и величии северной природы». Тем самым, художник всегда устремлялся туда, где ставились высокие цели и решались масштабные задачи, в поисках глубинного и истинного. Поэтому тему великих строек и сильных духом людей можно считать своеобразной подготовкой его обращения к вечным идеям и вечным ценностям.

Л.Н. Дониной прослеживаются основные моменты, повлиявшие на становление стиля художника, на наработку технического арсенала, важного для последующего обращения к мусульманской каллиграфии. Это и обучение в Казанском художественном училище, и стажировка в подмосковном Доме творчества «Челюскинская» – значительном центре графического искусства, и обращение к акварели в связи с формированием по линии Союза художников СССР группы акварелистов, выезжающих на места для оперативного сбора материала, и, наконец, работа с татарским ученым и каллиграфом Н.Ф. Исмагиловым.

Раздел, написанный Р.И. Шамсутовым, важен тем, что помогает разобраться в вопросе места каллиграфического творчества В.А. Попова в арабском искусстве художников республики. В нем, в частности, раскрываются основные тенденции возрождения арабской каллиграфии в Среднем Поволжье и Приуралье, особенности традиционного и современного шамаиля, дается авторская классификация произведений татарских художников, работающих в данном направлении. Тем самым повышается познавательная цен-

ность рецензируемого труда, вносящего вклад не только в изучение и популяризацию творчества В.А. Попова, но и в анализ развития изобразительного искусства Татарстана в целом. Иными словами, размышления о работах одного из выдающихся его представителей становятся здесь поводом для глубоких историко-искусствоведческих обобщений.

В разделе Р.И. Шамсутова раскрывается специфика каллиграфии В.А. Попова, работы которого отличаются эмоциональной нагруженностью и относительной свободой использования каллиграфической техники, «масштабностью замысла», монументальностью композиций и «экспрессией цвета». Таким образом, произведения художника характеризуются не только как способ передачи им глубокого духовного содержания, но и как форма творческого самовыражения. Одновременно исследователем подчеркивается глубокий философский смысл работ В.А. Попова, для которого коранические высказывания становятся отправной точкой размышлений о морально-этическом совершенствовании человека, о насилии и благочестии, как и о величии и милости Всевышнего к людям.

Важно отдельно отметить ценный, найденный автором-составителем альбома прием, помогающий понять художественный замысел произведений и сконцентрировать на них внимание. Это вкрапление в различные разделы издания аналитических материалов – суждений о творчестве В.А. Попова учёных, искусствоведов, культурологов, художников, каллиграфов, общественных деятелей (А.Ю. Садыкова, С. Фарах, Г. Балтанова, К. Климов, Н. Наккаш, Р. Шагеева, С. Маркус, Х. Якупов, А. Абзгильдин, Р. Симашева). Раздел «Выставки» сформирован на основе документов, фотографий, рецензий, высказываний официальных представителей власти, мнений признанных художников-каллиграфов, отзывов обычных людей из разных стран мира.

В целом работа отличается последовательно выдержанным художественным стилем оформления. Таким, на наш взгляд, и должен быть настоящий искусствоведческий труд.

Проведенный анализ показал уникальность осуществленного автором-составителем Л.Н. Дониной издания, являющегося редким не только в Татарстане, но и в России. Исследование вносит значительный вклад в изучение и развитие татарской национальной культуры, а значение систематизированного свода произведений и документов из частного собрания художника со временем будет становиться всё более ценным. В заключение хотелось бы выразить надежду на издание в дальнейшем аналогичного альбома-каталога В.А. Попова, включающего произведения первого этапа его творчества – важного для понимания всего его творческого наследия.

Сведения об авторе: Макарова Гузель Ильясовна, доктор социологических наук, главный научный сотрудник отдела этнологических исследований, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); makarova_guzel@mail.ru

Поступила 08.05.2023

Принята к публикации 27.06.2023

**REVIEW OF THE ALBUM-CATALOGUE: VLADIMIR POPOV. CALLIGRAPHY.
AUTHOR-COMPILER L.N. DONINA (Kazan, 2019. 400 p.)**

G.I. Makarova

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
makarova_guzel@mail.ru*

The article is devoted to the illustrated-annotated album-catalogue “Vladimir Popov. Calligraphy,” representing one of the stages of the work of the famous artist. Works by V.A. Popov's are found to be of ever-increasing relevance – in connection with Russia's new turn towards the ideas of Eurasianism, towards cooperation with the countries of the East, an important mediator of which is Tatarstan. The calligraphic works of the master are shown in the context of his life and creative path involved with with the history of the country and the region, the development of the Tatar national culture and the Arabographic art of the republic. This reflects the uniqueness of the author’s concept of L.N. Donina, expressed in a detailed display of the creative path and civic stance of the artist.

The reviewer notes the depth of the publication author's search for the meaning of V.A. Popov’s turn to Islamic graphics. This stage of his biography is interpreted as a period of finding answers to important life questions that were posed and solved by the artist. In the wisdom of Islam, he finds those ideas that resonate with his own spiritual search and do not contradict the postulates of other world religions. He expresses them in his characteristic expressive manner, using a wide range of means of artistic expression developed by him in previous years. This gives the author a reason to characterise the master’s work of this period as a synthesis of Tatar and Russian cultures, traditions of East and West.

The article concludes that the work under review is an independent research work in which L.N. Donina, in addition to the main art criticism, uses general scientific and historical approaches. Album-catalogue “Vladimir Popov. Calligraphy” is certainly a creative achievement of the author.

Keywords: Muslim calligraphy, Arabographic compositions, fine arts of Tatarstan.

For citation: Makarova G.I. (2023) Review of the album-catalogue: Vladimir Popov. Calligraphy. Author-compiler L.N. Donina (Kazan, 2019. 400 p.). *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 8. No. 2: 302–307. DOI: 10.22378/he.2023-8-2.302-307 (In Russ.)

About the author: Guzel I. Makarova, Doctor Sc. (Sociology), Chief Researcher Fellow of the Department of Ethnological Research, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7A, Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); makarova_guzel@mail.ru

Received May 8, 2023

Accepted for publication June 27, 2023

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ является правообладателем
исключительных имущественных прав на свои издания.

Любое использование материала данного издания (размещение
в Интернете, перепечатка, переиздание и т.д.), полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
is a holder of exclusive property rights of its own publications.
Any use of the material of this publication (publishing online, reprint, republish, etc.),
in whole or in part, without permission of the rights holder is prohibited.

<https://historicaethnology.org>

E-mail: his.ethnology@gmail.com

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭТНОЛОГИЯ. 2023. Том 8. № 2
Сетевое издание

HISTORICAL ETHNOLOGY. 2023. Vol. 8. No. 2
Online media

Компьютерная верстка – *Л.М. Зигангареева, А.Р. Тухватуллина*

Оригинал-макет подготовлен
в Институте истории им. Ш. Марджани АН РТ
420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А

Дата выхода в свет 24.10.2023 г.

Формат 60×84 ¹/₈

Свободная цена